

Иерей Вадим Коровин

АТАМАНОВ КРЕСТ

Жизнеописание Осипа Семёновича Гончарова –
последнего атамана войска казаков-некрасовцев
(к 140-летию его преставления)

В самом конце 1879 года недалеко от волжского городка Хвалынска, при входе в старообрядческий монастырь на Верхнем Черемшане, под высоким белым деревянным крестом был тихо и скромно погребен смиренный инок Иоасаф, прежде бывший «казак-баши» – «казачий генерал», глава всех задунайских казаков-некрасовцев. В миру его звали Иосиф Семёнович Гончаров (Гончар, или Ганчар¹).

Его портреты в конце XIX века украшали стены в хатах многих староверов Буковины, народная память о Гончарове жива у них и по сей день.

В изложении истории жизни Осипа Семеновича мы будем пользоваться его биографией «Жизнь Гончарова», написанной с его собственных слов жителем г. Тульча Алексеем Василевичем Никитиным, родственником Гончарова (1, сс.175–190), а также другими историческими материалами.

1. Как поселились в Турции казаки-староверы.

Жестокая и беспощадная ломка церковных обычаев в России, называемая «никоновой реформой» вынудила многих наших соотечественников искать прибежища там, куда московские, а потом и питерские власти не могли легко послать своих заплочных дел мастеров. Одним из таких мест стал «батюшка Тихий Дон», с которого, как говорили, «выдачи нет». Тысячи опальных христиан устремились к донским казакам, у которых находили не только приют для тела, но и свободу молиться по старому православному чину.

«Царь-антихрист» Петр I потребовал выдачи с Дона сорока тысяч беглецов. Казаки отказали. Тогда Петр послал войско под начальством князя Долгорукова, которое начало зверски расправляться с непокорными, не щадя ниженщин, ни стариков, ни детей. Каратели принуждали казаков принять «новую веру», заставляли сбривать бороды, сжигали часовни, издевались над беззащитными. Атаман Кондрат Булавин со множеством казаков воспротивились такому разбою, чинившемуся от имени царской власти, и началось вооруженное сопротивление казаков карателям, названное позже историками «Булавинским восстанием».

Осип Гончаров. Грав. с фоторафии. XIX в.

После жестокого подавления восстания из главных казачьих руководителей остался в живых только атаман Игнат Некраса. Он увел остатки войска на Кубань:

«Он ушёл, увёл сорок тысячей,
Кроме старых, кроме малых –
Молодых ребят, малых детушек...» –

поётся в старинной казачьей песне. Все ушедшие были староверами-поповцами*, и причиной ухода считали религиозные гонения от никониан. Казаки, которых теперь стали называть некрасовцами, поселились около Анапы и попросили убежища у Крымского хана. Тот их не прогнал, но и официального убежища не дал, боясь осложнения отношений с русским царем. Недолго пришлось пожить там некрасовцам: в правление Анны Иоанновны царские войска взяли Анапу, и казакам пришлось бежать в пределы Турции. Турецкий султан принял беглецов и, разделив на две части, поселил одну часть в Добрудже (в селах Сарыкёй и Дунавец), а другую – около Самсула Кара-Бурну, где впоследствии и родился герой нашего повествования (17, сс. 606–608).

Турецкие власти приняли некрасовцев не в качестве обычных своих подданных, «райи», а как полноправное казачье войско. Им были даны полное самоуправление и право собственных казачьих суда и расправы, с отменой обычных государственных налогов; взамен казаки должны были в военное время неукоснительно предоставлять правительству свои военные казачьи отряды, с полным снаряжением за казачий счет. Казаки ставили при этом непременно условием, чтобы на войну против русских их не посылали.

Казаки занимались в мирное время рыболовным промыслом, двадцатую часть дохода отделяли на общественные нужды. Некрасовцы имели общественное самоуправление, в которое не вправе была вмешиваться турецкая администрация. Они не только избирали атамана и прочих руководителей из своей среды, но сами чинили суд и расправу за преступления. В каждом селении избирался ежемесячно временный атаман, отвечавший за исполнение общественно важных дел и полностью подотчетный казачьему кругу.

Духовенство старообрядческое некрасовцы признавали, но оно в их среде большого влияния не имело, в отличие от других русских староверов Добруджи. В селениях некрасовцев были церкви и часовни с колокольным звоном. Примечательно, что только старообрядцы-некрасовцы в Турции имели привилегию звонить в церковные колокола, а греки, болгары и прочие «восточные христиане» такого права не имели.

Знамя казаков-некрасовцев

*Поповцами называют православных старообрядцев, признающих священство, в отличие от беспоповцев – старообрядцев, полностью отказавшихся от священников.

2. Русские староверы в Добрудже.

Добруджа — историческая область на севере Балканского полуострова, на территории современных Румынии и Болгарии, а ранее свходила в состав Османской империи. Область эта состоит из **Северной Добруджи**, являющейся в настоящее время частью Румынии, и **Южной Добруджи** — частью

Историческая карта Добруджи

Болгарии. Румынская Добруджа расположена между нижним Дунаем и Чёрным морем и включает дельту Дуная и румынское побережье Чёрного моря (болгарская часть Добруджи включает самую северную часть болгарского побережья Чёрного моря). Румынская Добруджа включает уезды (жудецы) Констанца и Тулча. Главные города — Констанца, Тулча, Меджидия и Мангалия. Болгарская часть включает область Добрич и части областей Силистра и Варна. Главные города — Добрич и Силистра.

Когда некрасовцы пришли в Турцию, правительство поселило часть их в Добрудже, с селам Сарыкёй и Дунавец. Дунавец в 1814 году был завоёван у некрасовцев запорожскими казаками, и жители его переселились из Добруджи к г. Эносу и в Малую Азию — к озеру Майнос, в селение Биневле (Бин-Эвлер), состоявшее из 5 хуторов, общей сложностью в тысячу дворов. Лишь малая часть некрасовцев осталась по берегам лимана Разина и реки Славы. В Майносе же началась эпидемия чумы, опустошавшая Биневле до крайности. Майноские «старики», желая укрепить свое Биневле (как главное некрасовское селение по их воззрениям), выхлопотали у турецкого правительства указ о насильственном переселении Эносских некрасовцев в Биневле, что и было сделано. Однако чума продолжалась, и население Биневле сократилось до 200 дворов.

Около того же времени некрасовцы, жившие ранее в Самсуле и Кара-Бурну, переселились в Добруджу.

Кроме «старых» некрасовцев, в Добрудже стали селиться и новые выходцы из России, преследуемые на Родине старообрядцы. Это были так называемые липоване. «Наименование это происходит от названия селения Липовень в Буковине, которое старообрядцы заселили впервые в 1669 г.» (20, с.7).

Липоване и другие старообрядческие беженцы из России принимались некрасовцами охотно в их общество. В Сарыкёе уже стало тесно от пришельцев, поэтому у образовались новые селения: Журиловка (названная так по имени основателя, некоего Журилы), Кизыль Гисар, или Славу Русскую (от имени реки Славы, на которой она расположилась), потом Татарлицу под Силистрией (ныне — на территории Болгарии), Камень (Каркалиу), в Мачинском уезде, а также Новенькое (Кыздырегити) и Гиздар-Кийо в Гирсовском уезде. Новопришельцы тоже считались и назывались казаками («игнат-казаки», как называли некрасовцев турки), пользовались всеми казачьими привилегиями в Османской империи, и так же обязаны были выставять казаков на войну по первому же требованию правительства.

Однако, называясь официально казаками, липоване отличались от старых некрасовцев более мягким складом характера, истовой религиозностью, с особым почитанием священников, и общим укладом жизни. Они были более склонны к крестьянскому хозяйству и рыболовству, нежели к военным подвигам. Липоване не питали вражды к русскому царю, их эмиграция была не по-

литической, а чисто религиозной.. Поселившись вместе с добруджинскими некрасовцами, липоване просто растворили их в своей массе, «переделали их обычаи, костюм и идеи» (17, с. 609). Некрасовцы и липоване в Добрудже настолько перемешались между собою, что историки XIX столетия считали слова «некрасовцы» и «липоване» просто синонимами.

Вот в какой среде вырос, жил, руководил ими, был любим и уважаем, но подчас и терпел от них клевету и наветы, и угрозы смерти необычный человек – Осип Семёнович Гончаров, герой нашего повествования.

3. Детство и юность Гончарова.

Семья будущего атамана некрасовцев переселилась в Добруджу из г. Литина Подольской губернии. Дед его, Яким Гочар (Ганчар), как и родители его, был старовером-поповцем, но поскольку не принадлежал от рождения к некрасовцам, последние называли его «хохлом»¹⁷ (1, с. 192). Он получил прозвище от своей профессии гончара. Из Литина Яким Гончар перешёл в галицкое село Лукавицу, а потом – в Добруджу. Иосиф Гончаров родился 3 ноября 1796 года «в турецких пределах, в Бабадагской казаве (области – *Ред.*), в селении Сарыкёй. Мать его преставилась в 1799 году. Он остался от матери трех лет сиротой. Того же года наступила Россия и взяла Измаил. Отец его со всем имуществом перешёл в Урумел (Румелию) и поселился близ местечка Бургазов, в селении, называемом Акъяр» (1, сс.176 –177).

В 1810 году умерли его отец и бабушка («отцова мать»): «тут Гончаров остался при деду, то есть при родителе его отца, и с ним три дяди, один одного меньше. Этого же года дед их забрал и отправился с ними к Царь-граду»¹⁸, и поселился в сорока верстах от Царя-града, возле лимана Теркуза; имя селению Сарыкёй¹⁹. В 1811 году дед его окончил свою жизнь.

По смерти деда остались три дяди и четвёртой Гончаров, один одного меньше. А имения у них было довольно: у четырёх одни постолы (лапти из свиной кожи. – *Ред.*) и один кафтан – и той с одним рукавом. А хлеба также в них было довольно: день ели, а два дни голодом сидели...» (1, С.177).

В 1811 году четверо отроков вернулись в Добруджу, в родное село Осипа Гончарова Сарыкёй. Село оказалось сожжённым, «а они пришли в месяце октябре, 2-го числа, и начали по опалённому селу собирать лес и хоромы себе становить. Гончаров с дядьями своими постановили себе дом трёхаршинной: два аршина с половиною вкопали в землю, а пол-аршина наверх – и сделали лестницу слазить вниз. А одежды у них было только той один кафтан без рукава» (1, С.177).

19 ноября 1812 года «упала большая французская зима, и они сидели в своих хоромах, дней семь и свету не видели – снегом были занесены. Тогда у них во всём селении и одного окна не было стеклянного, а были окна с потому что предки их в стёклах находили великой грех,

¹⁷«Хохлами» майноские некрасовцы называли не только украинцев и запорожских казаков, но и русских новообрядцев, и даже старообрядческих жителей Добруджи, которых именовали ещё «дунаками».

¹⁸Стамбулу, бывшему Константинополю.

¹⁹То есть назвали новый хутор по имени прежнего своего селения в Добрудже; «Сарыкёй» в переводе с турецкого значит «Жёлтое Село».

“а доказать не могу, – говорил Гончаров, – именно какой грех в стёклах,” – потому что он остался малым от родителей, а только разговор их помнил, что грех иметь стеклянные окна. После семи дней откопали их люди, засыпанных снегом, и они узнали, что свет есть, а то думали, что уже и помер- ли под снегом. Потом они с Божьею помощью перезимовали, начали стараться и браться за хозяйство: телят и свиней пас наниматься. Было во всем Сарыкёе пятьдесят три телёнка и четыре свинёнка: и цена за всякого телёнка и свинёнка по четыре пары со штуки, выходит суммы пять левов и двадцать восемь пар ту- рецким курсом²⁰. И Гончаров всё лето пропас благополучно.

И была в них часовня и паперть, где женщины стоят²¹. Вот Гончаров от своего малолетнего разума сделал там на паперти стойло: когда станет жара, то он туда загоняет телят и свиней, и когда дождь – тоже туда их гонит, на паперть; и он думал и скот к вере привести. В одно время сделалась сильная буря и дождь, и он загнал телят на паперть. Это узнал уставщик²², что теляты на паперти; приходит он к ним в дом, «а я лежу, – говорит Гончаров, – мокрой в мешке,» – ибо только той один мешок у них был, да кафтан без рукавов. «Уставщик пришёл и лыка принёс, что лапти плетут. И начал меня жаловать с плеча до задницы; мне и не хочется его кавалерии, а он меня жалует».

После, от пасенья телят, пошёл Гончаров в школу грамоте учиться; тридцать семь недель был он в школе. Узнал в писании, что значит «глаголь» и «добро»²³.

Не знаю, или писать, или умолчать о всех несчастных случайных скорбях и простоте, и напасти, сколько он горя принял! Нельзя исчислить или с чем сравнить его трудное и несчастное житие: ибо сам Гончаров временно так рассказывал, что всего нельзя пером описать и языком подробно всё рассказать: «когда, – говорит, – начну пером писать, то рука моя не может пера держать; когда начну языком говорить, тоже не могу за слезами, и язык мой оцепеневает от горести: хочу удержаться (от слёз) – то само моё внутреннее рыдает во мне. Но хотя и с великим трудом от жалости, хотя мало нечто проясню вам о себе. От нужды напали на меня шёлуди, голова у меня стала в струпьях, вши со всего света собрались ко мне, только та вошь меня не ела, которая не хотела; они начали у меня в голове разъедать струпья – и последний разум с головы забирать. Потом я стал помаленьку вши с головы брать и наземь кидать, потом вши убоялись и сами с головы ушли, и струпья сошли. »

Потом стал Гончаров помаленьку жить

И добрым людям всё служить.

Стали люди Гончарова за его верную услугу узнавать,

За человека его признавать

И в работники его нанимать.

Гончаров начал стараться

И более за дела браться» (1, с. 177 – 179).

В возрасте 20 лет решил жениться и сосватал за себя Анну, дочь вдовы-старушки Кирилихи. «Он хотя и сирота был, а усматривал, чтобы Бог дал ему жену честного поведения, хотя и бедного положения. По его простоте даровал ему Бог то, чего он просил: богобоящуюся жену, и сочетался он с нею законным браком. У них имения состояло: у нея одна шуба стоила 2 рубля серебра, а у него – один кафтан, и той худой». Вскоре по зависти какие-то «злые люди навели

²⁰43,2 копейки русскими деньгами XIX века.

²¹По древнерусскому обычаю церкви имели п-образный крытый помост со всех сторон, кроме восточной (олтарной). Женщины во время «нечистоты» на службе стояли на паперти слева, с северной стороны. На эту «женскую» паперть, всегда защищенную от зноя и дождя, и загонял скот несмышлennyй пастушок.

²²Церковный служитель, отвечающий за правильный порядок службы.

²³«Глаголь» и «добро» – названия четвёртой и пятой букв церковнославянской азбуки.

его любезной жене таковую скорбь, что она лет пятнадцать почти полумертва была, а потом, приписывал Гончаров, через Божью помощь она выздоровела. И говорит: “и мы, слава Богу, стали с нею помаленьку жить”» (1, с. 179).

4. Начало общественной деятельности.

В 1828 году, когда Россия воевала с Турцией, «во время перехода достохвального и приснопамятного императора Николая Павловича <...> – тут был Гончаров со стариками при встрече его императорского величества, возле Бабы²⁴, с хлебом-солью... После сего сарыкёйские старики начали посылать его к начальству: к генералу Тучкову, к корпусному генералу Красовскому, к корпусному генералу Роту, дивизионному Лашкарёву, бригадному и областному Тимонову, и к донскому – Сысоеву – и к прочему разному начальству, с разными общественными делами» (1, с. 179).

Осип Гончаров оказался способным ходатаем по делам не только односельчан, но и всех русских староверов. В 1829 г. часть некрасовцев переселилась из Добруджи на российскую территорию, в окрестности г. Измаила, поскольку в этой местности для старообрядцев имелись льготы от русского правительства. Ещё в 1811 г., указом от 25 июля, главнокомандующий русскими войсками М.И. Голенищев-Кутузов именем императора Александра I объявил всем некрасовцам, которые пожелают переселиться в Россию, вечное прощение императора и дал им право воздвигать по месту нового жительства староверческие церкви и невозбранно отправлять в них богослужение по староцерковному чину. Этим указом и воспользовались староверы. Переселенцы образовали сёла Старая Некрасовка (после указа 1811 г.) и Новая Некрасовка (1829 г.). Староверы перенесли в Новую Некрасовку свою деревянную церковь, а по указу императора Николая I от 21 июля 1831 г. им было дозволено вместо неё выстроить каменный храм во имя святителя Николы и иметь при нём 2 священников и одного диакона (1, с. 180, в примечании).

Тогда же, в 1829 году, в Измаил переселился и Осип Гончаров с супругою. «И тут его сделали поверенным по духовным и светским делам некрасовцы, и все российские христиане нашего согласия доверили ему все дела религиозные и светские, на его распоряжение. И он много с кишинёвским преосвященным Димитрием и одесским преосвященным Гавриилом тяжбы имел по духовным делам» (1, с. 180).

5. Аудиенция у императора Николая I.

В 1836 году Осип Гончаров по делам староверов Измаила «с соизволения военного губернатора Павла Ивановича Фёдорова и их сиятельства князя Михаила Семёновича Воронцова» исходатайствовал аудиенцию у императора Николая I – «обратился к его величеству Николаю Павловичу лично: он, т.е. Гончаров, представился ему при их светлости князе Паскевиче, и при их высокопревосходительстве Петре Андреевиче Клейнмихеле, и был доставлен их сиятельству графу Демидову и Орлову, а потом был представлен их сиятельствам Виту и Сакену. Потом отправили его к графу Воронцову и к военному губернатору Фёдорову – и, во исполнение Высочайшего приказания духовного и светского милостию Божиею все дела установил.

В одно время было предписание юстиции министра Блудова к военному губернатору Фёдорову – и были Гончарову запросы по делам религиозным. И в 1837 году, мая 10-го числа, прибыл в город Измаил военный губернатор Фёдоров, и он с Гончаровым по секрету один наедине много разговаривал о

²⁴Так староверы называли г.Бабадаг – административный уездный центр.

разных делах, даже доходило до спору с ним. Тут Гончаров упросил губернатора Фёдорова, чтобы он объявил его доверителям, хотя бы в секрете, дела. Фёдоров, по его просьбе, приказал со всех мест собраться старикам в Измаил, при полицмейстере Алексее Садыкове. Место было назначено около новой церкви св. Николы. И собрались старики, а из женщин – и числа нету. Приехал Фёдоров и полицмейстер Садыков. И много с ними Гончаров при всех разговаривал. Потом, кончивши разговор, губернатор отправился, а старики²⁵ воздали Гончарову благодарность за ответы его. А женщины подняли крик и вопль, и клятве²⁶ начали его предавать: что будто он церковь продал России...

Это услышавши, он начал себе разсуждать, и говорит: «Отыду я от сей молвы». И начал просить Бога, чтобы удалиться ему от этого мятежа и прекратить переговоры мирской. И просил Бога, и говорит: «Выду в Туречину и так буду сидеть, чтобы никто про меня и не знал». Взяв жену, Анну Кириловну, истосковавшуюся по родине, он тайком на лодке переплыл за границу и «перешёл в Туречину, на старое своё место, в селений Сарыкёй, где родился» (1, сс.180–181).

6. Приезд в Добруджу Чайковского и его последствия.

Однако и в турецких владениях не удалось Гончарову отстраниться от общественных дел. «И тут начала на него находить напасть и скорбь; он обещал пред Богом сидеть, чтобы никто про него не знал. Первое его в Турции началось действие сицевое: военный губернатор (Измаила. – Ред.) Фёдоров прислал к нему письмо, чтобы обратился в Россию назад. Мир, узнавши его переписку с губернатором, стали переговоры иметь. После этого собрались со всех сёл старики, стали просить его ехать в Царь-Град к султану. Он говорил: «Моя совесть неразумная и мягкая,» – и взялся служить миру. Тут опять началась на него война по зависти соперников его, и столько на него кляузов сочинили, что нельзя всего языком рассказать и пером описать всех разных кляуз, даже неуместимо и ужасно всё описать» (1, с.181).

В то время приехал в Добруджу крупный турецкий чиновник и одновременно польский националист Михаил Чайковский. Связанный с парижским эмигрантом из России князем Адамом Чарторыйским, который боролся за «свободу Польши», Чайковский был одержим идеей создать казачье войско из многоплеменных «турецких» славян. Его мечтою было создание некоей свободной от «российского гнёта» славянской области под эгидой турецкого султана, «в жилах которого течёт и славянская кровь». Ради привлечения некрасовцев к своему проекту Чайковский и

*М.С.Чайковский (Садык – Паши).
Гравюра. 1857 г.*

решил встретиться с их руководителями.

Вот как описан приезд его староверами: «После этого горе на горе пришло и зло на зло наступило: откуда-то взялся Черторижского князя агент Чайковский Михайло Савельевич, ныне называемый Садык-паша²⁷. Он приехал на Пасхе, в воскресенье, в Сарыкёй. И Гончаров был дома, также и старики были дома. Все они попросились на квартиру к атаману²⁸ Давыду Васильеву Аблаю, и с ним были турецкие кабазы²⁹. И когда приняли их на квартиру, Чайковского и Ряскова³⁰, Сидора Сидоровича, и переводчика Жама Аллинъ, все старики упростили Гончарова стать перед столом и давать им ответы, и делать запросы.

“А народу было полна улица; старики сидели и слушали, а я, – говорил Гончаров, – и отвечал, и запросы делал им, а имя своё я им не сказал.

И они более не пробыли у нас, как часа три-четыре, и отправились в путь свой. И старики наши дали им провожатаго – Памфила Васильева Бишанёнка, от него они и имя моё узнали...”».

Поляки уехали. Всю Светлую седмицу староверы праздновали Пасху и удалялись от всех дел, а в понедельник Фоминой недели Гончаров возобновил занятие торговыми делами. Он отправился с товарами в Руцук, где случайно вновь встретил Чайковского, который узнал недавнего собеседника и спросил письмо общине Сарикёя с благодарностью за прием, а Гончарову подарил булавку с польским гербом – одноглавым орлом (1, с.182).

Через шесть недель вернулся Гончаров в Сарыкёй и подал в душевной простоте старикам письмо и булавку, что стало поводом для доноса недоброжелателей турецки властям. «И сперва начали турецкому начальству клеветать, что будто Гончаров с Россиею заводит приятство. Начальство на него сильную злобу возымело, только не могли настояще доказать» (с.182-183).

Историк А. Кудрявцев пишет о Гончарове и истории с булавкой следующее: «В Турции Гончаров жил тихо и мирно, пользуясь славою просвещенного человека, и не подвернись Чайковский, он так бы и затих в своём Сарыкёе. Гончаров всецело предан интересам старообрядчества (поповщины). Каждый его шаг, каждый помысел, каждая оценка личности или события соразмеряется с выгодой или невыгодой старообрядчества. Он безкорыстен, как Аристид; ни за труды свои, ни за хлопоты он ничего не берёт; жизнь его – это история самопожертвований и самоотвержений. Он знакомится и вступает в союз со всяким,

²⁷Униат Михаил Станиславович Чайковский (1894–1886) ради политической карьеры временно принимал по совету султана ислам, с именем «Мехмет Садык-паша», а когда его прожект «туркофильного панславизма» провалился, он возвратился в Россию, где принял «новообрядческую» веру, а через некоторое время застрелился в своем поместье в Черниговской губернии

²⁸В Сарыкёе ежемесячно избирался атаман этого села, управлявший селом в течение месяца.

²⁹Жандармы.

³⁰Равский С.С. – друг, единомышленник и помощник Чайковского.

³¹То есть старейшинам казачьих общин.

³²Герб Польши.

кто мало-мальски может помочь его делу. Чего хочет Чарторыжский [Чарторыйский], Герцен – ему всё равно; он даже этого не понимает, да и не старается понять. У него одна дума на сердце: какую пользу и какой вред старообрядчеству могут принести эти люди? Он слышит у турок за врага России, между тем – он предан ей, а если и есть у него вражда, то не более как гансине против положения его единоверцев в нашем Отечестве.

Этот низенький щедедушный старик обладает страшною физическою силой и невероятной ловкостью в движениях. Он скороход, какого другого редко можно найти. Писать он умеет только уставом³³, но пишет чрезвычайно проворно; пишет стихи, мемуары свои, поучения, богословские трактаты. Деятельности его нет пределов. Он вечно занят, вечно в хлопотах, вечно снуёт от Тульчи до Константинополя, от Ясс и до Парижа. Гончаров – это живая история Добруджи.

История булавки связала дикого казака с казаком-аристократом [Чайковским]. Гончаров понял, что Чайковский в большой силе у Порты,³⁴ и решился его держаться. Шла ли тогда [революционная] пропаганда – мудрено сказать; но если бы она и шла, то во всяком случае осталась, как и должна была остаться, без малейших последствий» (17, сс. 613, 614).

7. Первый арест Гончарова.

Старообрядческий биограф Осипа Семёновича так продолжает свой рассказ: «После этого опять напала на него сильная буря ветров. Приехал с Парижу Михайло Игнатьев Будинской и Ильинской Антон Александров, который сделался последи́ Скендер-паша³⁵. Приехали они в Тульчу и написали письма

во все слободы казачья, чтобы старики приехали со всех слобод к ним в Тульчу, и было у них там гулянье и пьянство.

А Гончарова в то время дома не было: он был в Силистрии по коммерческим делам. После гулянья дали они старикам на бумаге [листочки], что Франция и Англия с Турцией имеют вместе [то есть собираются воевать с Россией]. Старики, которые гуляли, тые молчат, а которые не гуляли, тые явили начальству,

Осип Семенович Гончаров.
Гравюра XIX в.

Город Рушук. Фото кон. XIX в.

³³Точнее, полууставом, то есть церковнославянскими буквами.

³⁴Турецкого правительства. ³⁵То есть принял впоследствии магометанскую веру с этим именем.

и сделался бунт в мире и в начальстве. Начальство местное дало знать в Руцук военному губернатору Сеид-мурзе паше» (1, сс.182 – 183).

«Потом Гончаров приехал ко двору первого числа октября», к празднику Пресвятыя Богородицы. «Приехали из Бабы <Бабадага> и Руцук кавазы <жандармы> и забрали в Бабу со всех сёл стариков, и Гончарова с ними; тут он заплакал, потому что он и дома не был и не знал, что тут делалось. Пригнали в Бабу со всех сёл стариков много. Гончаров начал начальству говорить, что довольно будет по два человека из села, – начальство согласилось на его предложение. И взяли девять человек в Руцук, и двух человек, которые кляузы сочинили и доносили, и Гончарова с ними, и Ильинского, и одного немца – и погнали всех в Руцук³⁶.

И всё начальство Бабинское поехало в Руцук. Старики наши ехали настояще под обух³⁷, никто даже в Руцук из них (прежде) не был. “А у меня, – говорит Гончаров, – слава Богу, всюду начальство знакомое, и я своим старикам говорил: только молитесь Богу, дело сделаем порядком, только слушайте меня”, – и они все на меня положились. Пригнали нас в Руцук, и тотчас я пошёл к калишу – к пашинскому доктору – он и ныне в Руцук заведывает русским консулом. Первоначально он мой приятель, вперёд меня знал. Прихожу я к нему, и со мной был славской старик Викул Карнеев. Калиш увидел меня и говорит: “Худо вы сделали, вас всех в Царьград отправят.” Я ему сказал: за что он говорит так худо? И я ему начал рассказывать, а он начал писать, как Чайковский приезжал и как Ильинский и Будинской в Тульчу стариков призывали. Он, написавши всё моё показание, тотчас пошёл к апаше³⁸ и прочитал паше моё показание, и паша ему сказал: “Пусть они обождут, покуда Бабинское начальство приедут”. Другой день приехали Бабинские начальники, но уже безгласны с своими клеветниками остались. Всего много писать.

“Теперь как вздумаю, – говорит Гончаров, – сколько я горя перенёс, не могу подробно описать – страх моё сердце колеблет! Приходим мы к апаше: все старики и кляузники, и Бабинское начальство – все сробели. Паша написал нам всем старикам по бумаге, чтобы не мог никто нам за это дело и говорить. А Бабинскому начальству большой сделал выговор за разглашение таких делов. А Ильинского под арестом отправили в Царьград. И в Царьграде все миссии, французская, англичанская и российская сделали спор.

А Чайковской и Ильинской приняли мусульманскую веру, – после Чайковский и сделался Садык-паша, а Будинской в Париж ушёл. А Сеид мурза, паша Руцукский, четырнадцать месяцев в Царьграде под арестом был за неусмотрение, что он дела довёл до разглашения.”

Теперь, кажется, можно всякому узнать невинность Гончарова: где кто что сделал – все напасти на Гончарова кладут.

“Все наши старики – они мои враждебники, – говорил Гончаров, – сами меня просят с делами ходить) к начальству, сами на меня и враждуют. Потому-то мой ум с ними несогласен; они всё более в пьянстве находятся и за око вина праваго делают виновным, а виновнаго делают правым. От сего злоба началась, что не стал я им давать вольничать и бедный мир застаивать, и стал находить правосудие. И они на меня начали турецкому начальству клеветать, а начальство местное эти кляузы, приложив к ним и свои, в Царьград писать, но только судьба Божия меня соблюдала. Начальство высшее за меня руку поддерживало, и Царьградское министерство застаивало за меня”.

Эти дела рассказывал сам Гончаров при свидании нашем с ним», – пишет старообрядческий биограф Гончарова (1, сс.181 – 185).

³⁶В губернский город, к губернатору.

³⁷То есть были крайне растеряны, обескуражены.

³⁸Генерал-губернатору.

8. *Начало участия в церковно-иерархических делах.*

*Иноки Павел и Алимпий
Белокриницкие. С портр.
XIXв.*

В это время староверы начали поиск епископства. Иноки Павел и Алимпий были посланы в путешествие в Константинополь и по странам Востока с целью разыскать либо древлеправославных архиереев, либо кого-то из новообрядческих епископов, кто пожелал бы возвратиться в «старую веру». По дороге иноки прибыли в Сарыкёй и остановились на ночлег в хате Гончарова.

«В Сарыкёе прожил он <инок Павел> более двух дней; виделся и беседовал со всеми почётнейшими лицами в селении.<...> Когда, наконец, дорогие гости собрались ехать далее, сарыкёйцы не знали, чем выразить им свою признательность за посещение и как засвидетельствовать своё сочувствие к тому делу, на которое шли они, презирая все опасности и труды. Им приготовили подводу, нанесли разных дорожных запасов: кто рыбы, кто винограду, – и кроме того присудили выдать из церковных денег 100 левов на расходы.

– Это напрасно, – говорил Павел, – денег у нас довольно.

– Нет, возьми, – отвечали ему старики, – пусть и от нашего усердия во участие будет хотя мало, дабы и мы были участниками этому делу.

Потом начали просить Гончарова, человека бывалого, хорошо знавшего дорогу в Царьград, проводить гостей по крайней мере до Тульчи и там пристроить их на покойную квартиру, пока не найдут место на пароходе. Подали лошадей. Старики поклонились Павлу до земли и сказали: «Даруй вам Господи получить благая!» – и вообще проводили его с великою честью.

<...>В Тульче Осип Семёнов<ич> поместил путешественников у самого зажиточного из местных старообрядцев, Савы Ивановича Рукавишникова. Здесь инок Павел подписал и вручил Гончарову для доставления по принадлежности благодарственные письма Сарыкёйскому обществу и настоятелю Славского скита Макарию. Вообще он был очень доволен приёмом, какой ему сделали некрасовцы, но здесь, в Тульче, пришлось ему встретиться и с одним из горячих противников старообрядческого архиерейства. Там жил некий инок Аркадий, называвшийся Тульчанским, человек не слишком далёкого ума, но крайне самоуверенный, даже с притязаниями на прозорливость.» Восстановление самостоятельной древлеправославной иерархии он «считал непозволительным и опасным нововведением, и потому громко порицал затею белокриницких иноков. Павлу это было известно; однако же пред отъездом из Тульчи, уже отправляясь на пароход, он зашёл к Аркадию проститься, питая надежду, что смягчится его сердце. Побеседовали не много; Павел поднялся и говорит:

– Прости, отче и благослови.

– Не благословляю, – отвечал Аркадий.

⁴⁰Эти и следующие подробности о пребывании инок Павла у некрасовцев мы заимствуем из сочинения Гончарова: Первое начатие происшествия нашего духовного дела об устройении епископа (рукопись). (Прим. Субботина Н.И.)

– Отче, благослови! – повторил Павел.

– Не благословляю! Не благословляю! – твердил непреклонный инок Аркадий.

Павел и Алимпий ушли от него с огорчением. Случилось же, что направляясь к пароходной пристани встретили они лаврентьевских старцев, Аркадия и Евфросина, которые только что прибыли в Тульчу на пути из Мануйловскаго монастыря в Славский скит. Рукавишников, вместе с Гончаровым провожавший их, очень обрадовался этой встрече, и стал просить Павла возвратиться с новыми гостями к нему в дом, чтобы побеседовать с разумными старцами “об общем деле”, так как до отъезда парохода времени оставалось ещё довольно. Павел согласился. Потом Рукавишников со всеми гостями проводил его до пароходной пристани. Прощаясь, Павел сказал Аркадию:

– Прости, отче, и благослови нас на сие дело.

Аркадий был поставлен в затруднение: ему не хотелось огорчить Павла решительным отказом; с другой стороны он весьма боялся, как бы не погрешить, если даст благословение. Помолчав немного, он ответил:

– Бог да сотворит с вами, якоже хочет!

Павел поклонился ему низко и сказал:

– Спаси Христос, отче!»

«Смотрите обоих разумы, Лаврентьевскаго Аркадия и Тульчанскаго! – писал об этом случае Гончаров, – Они были в одном сомнении о епископе; но первый не оскорбил отца Павла о благословении, а Тульчанский Аркадий невежеством своим опечалил»⁴¹.

Но самым важным обстоятельством для иноков Павла и Алимпия во время их пребывания в некрасовских селениях и в Тульче, как пишет Субботин, было знакомство с самим Осипом Семёновичем Гончаровым и чрез него с некоторыми покровителями: «Гончаров, или Гончар, как обыкновенно зовут его некрасовцы, – в высшей степени замечательный человек <...> Тонкий и умный, наделённый редкой памятью, неутомимо деятельный и предприимчивый, словом – совершеннейший тип русского казака-некрасовца, к тому же умеющий говорить по-турецки, он имел тесные связи с польскою эмиграцией в Константинополе и других городах Турции: сам пан Чайковский (Садык-паша) был в числе ближайших его друзей и благодетелей. Приняв во внимание, что Павел первый раз ещё ехал в Константинополь и потом должен был отправиться в далёкие и опасные странствия, не имея нигде ни знакомых, ни покровителей, Гончаров нашёл не лишним предложить ему покровительство своих ясновельможных друзей, у которых повсюду имелись сильные связи <...> Павел как нельзя лучше оценил вся важность предложенных Гончаровым услуг и принял их с величайшею благодарностью: с этого времени он звал Иосифа Семёновича не только своим искренним благоприятелем, но и незабвенным благодетелем» (З, сс. 326–331).

9. Приезд новообретённого архиерея.

Проехав через Константинополь по восточным странам, посетив Иерусалим и Египет, иноки Павел и Алимпий нигде не нашли древлеблагочестивого епископства, о котором ходили смутные слухи, будто оно где-то там сохранилось. Возвратившись в Царьград, они имели длительные беседы с некоторыми греческими архиереями о присоединении их к Старой вере. Греки, однако, отказывались. Так же отказывался и митрополит Амбросий, удаленный патриархом от своей Боснийской епархии по приказу турецкой администрации. Много

⁴¹Гончаров, в Первом начатии происшествия (Прим. Субботина Н.И. – Ред.).

*Митрополит Амбросий Белокриницкий.
Фото с гравюры. XIX в.*

имели с ним бесед Павел и Алимпий, он признал староверов истинными христианами, но никак не мог сделать последнего решительного шага, то есть окончательно присоединиться к староверию, навсегда порвав с искажившими Церковное Предание греками. Однажды ночью явился в видении ему святитель Никола и повелел ехать со староверами, ибо Господь так ему велит. Предсказал чудный святитель и то, что предстоит Амбросию «от русского царя пострадать». После этого видения с радостью митрополит решил присоединиться к староверческой Церкви и отправился в путь на пароходе в сопровождении иноков Павла и Алимпия. Ехать пришлось тайно, в казачьей одежде, под чужим именем.

«По возвращении своём Павел и Алимпий уже с митрополитом вторично заехали в Сарыкёй, паки на квартиру к Гончарову, но его дома не было, жена его приняла их великолепно с почтением» (1, с.186).

«В Сарыкёе митрополит пробыл четверо суток, ожидая оформления австрийского паспорта для дальнейшей поездки в Вену для представления императору; в эти дни он «часто видался с почётными сарыкёйскими, также славскими и журиловскими жителями, и некоторых удостоил посещением. 31-го числа сарыкёйские старики пришли просить его, чтобы посетил их церковь. Амбросий надел иноческую одежду <...> и отправился смотреть церковь. По улицам стояли большие толпы народа, которому хотелось посмотреть на митрополита». Гончаров писал о посещении митрополитом Амбросием храма: «Когда взойшли во олтарь, митрополит взял Евангелие на престоле, разгнул и сказал: "Смотрите, что́ тут написано". Вот Серапион старец стал читать, и бе написано: Господи, се мы оставихом вся и в след Тебе идохом⁴². Митрополит спросил: что

⁴²«Господи, вот мы оставили всё (что имели), и пошли за Тобою» (Мф.19:27).

тут написано. Толмач сказал ему: владыко, тут написано – Господи, се мы оставихом вся и в след Тебе идохом. Митрополит весьма удивился, со умилением, о том, что прилучися речь такая». После посещения церкви «зашли к попечителю Евтею, – митрополит и старики и старцы, и простаго народа множество, и обедали там». Через день после этого, 2-го июня, как писал Гончаров, опять «собрались все старики и старцы, и простаго народа много, и попросили господина Митрополита пройтись по селу, и вышли на степь народу множество – все кланяются» (3, сс. 407–408).

10. Начало раздора

«Весь народ, стоя без шапок, почтительно кланялся, – пересказывает Суботин записки Гончарова, – а новый сарыкёйский дьяк⁴³ Михайло Иванов<ич> Кудрявцев и шапки не скидал, и не кланялся.

– Что за невежа, и шапку не снимает! – заметил ему находившийся тут же инок Евфросин.

– Я никогда пред неверным не стану скидать шапки и кланяться! – ответил ему Михайло Иванов громко, чтобы слышали и другие.

По свидетельству Гончарова, этот Михайло Иванов обижен был тем, что его не выбрали в депутацию, которая снаряжена была для встречи Амвросия в Тульче, потому и решился действовать против Амвросия. Но Михайло Иванов был не один, у него имелись сообщники и руководители из тех лиц, которые и прежде смотрели неприязненно на затею буковинских старообрядцев» по восстановлению древлеправославной иерархии. «Теперь, когда эта затея приводилась к окончанию, когда архиерей был найден и привезён, он всё ещё не теряли надежды расстроить дело и имели к этому удобный предлог. Они стали говорить, что если бы Павел нашёл истинного древлеправославного епископа, как обещался, это было бы хорошо; а то привёз митрополита из греков, отпавших древляго благочестия, у которых вера и закон “порушены”, одним словом, как выразился Михайло Кудрявцев, привёз “неверного”. Ещё, пожалуй, можно было бы, по примеру бегствующих священников, принять епископа от Великороссийской церкви, но от греков приятие невозможно, ибо все греки “обливанцы”⁴⁴ <...> Подобными речами можно было смутить старообрядцев и гораздо более сведущих, нежели обитатели некрасовских селений. И вот между ними начали мало-помалу распространяться разные “сумнения” и “недоумения” относительно Амвросия, так что прошло каких-нибудь три недели после сарыкёйских праздников в честь “Богодарованного владыки”, и те же сарыкёйцы довольно решительно заявили себя его противниками, при первом удобном случае» (2, сс. 189–190).

11. Первый Славский собор.

Инок Павел Белокриницкий решил привлечь некрасовские общества к соборному суждению о чиноприёме митрополита Амвросия. Собор был азгначен в Млавском скиту на 28 июня. «К назначенному времени явились депутаты сарыкёйские, славские, журиловские; настоятель собрал скитских иноков, все вместе отправились в часовню. Положили “начал”⁴⁶, каждый занял подобающее место, и приступили к соборным совещаниям<...> Инок Павел заблаговременно составил сочинение под заглавием “Краткое соображение, или сличение о разных религиях, то есть верах, за ереси осужденных, однако тех только, от которых действующие тайны, крещение и хиротония, по правилам святых соборов в православную веру к приятию есть достойны”. Здесь о греках было решительно сказано: “В догматах веры о Самом Божестве никакой погрешности не имеют, что есть главный пункт

православию»; им даже отдавалось предпочтение пред “никонианами”, или “нынешними россиянами”, именно за строгое содержание трёхпогружательного крещения: “О трёхпогружательном в греках крещении” была написана в сочинении целая особая глава. Список “Краткого соображения о верах” находился у Лаврентьевского Аркадия и был получен им от самого инока Павла в то время, когда этот последний вместе с Амвросием приезжал в Сарыкёй. Беседуя с Аркадием <...>, Павел не мог не заметить, что Аркадий всё ещё колебался разными сомнениями относительно иерархии».

Инок Павел тогда предложил своё сочинение иноку Аркадию, и тот впоследствии писал: «Видел <я> митрополита, целовал его руку, но всё ещё не был расположен; был провожаем из Сарыкёя отцем Павлом, но только я молчал и не объявлял своего мнения. Здесь получил от него “правила” и принял хладнокровно. По прибытии же в свою келью начал оныя читать, и по прочтении в одну минуту десятилетнее сопротивление меня оставило, и я сотворился от инаго иным» (Письмо его в Белую Криницу от 25 апреля 1847 г.)⁴⁷

Инок Аркадий познакомил и других скитников с сочинением инока Павла. На Славском соборе ему и предложили его зачитать.

«Все слушали со вниманием, и выслушав, сказали: “Это очень хорошо, дай Бог привести дело в совершение”. Но в числе присутствовавших были и некоторые из “сумнящихся”: они возразили, что от греков не можно принимать священства. Возражателями оказались два инок, Иов и Илия Градищанский (один из сарыкёйских депутатов); их поддержали Власий, Филарет и некоторые другие. Защищать против них сочинение Павла, а вместе и самое дело Амвросия, взялся инок Евфросин, другой Лаврентьевский выходец, знаменитый начётчик, “сильный в книгах” или, как называл его <инок Лаврентьевский> Аркадий, “великий книгчий”; по свидетельству того же Аркадия, Евфросин мог, если захочет, “всякое дело разными приводами разрушить и подклонить под своё мнение многих”⁴⁸. С таким искусным совопросником трудно было состязаться некрасовским грамотеям, он действительно засыпал их свидетельствами из разных уважаемых старообрядцами книг, которые приводил с буквальной точностью.

“Начал, – рассказывает Гончаров, – от Писания приводить свидетельства,

⁴⁵Для присоединения к Церкви Христовой людей, приходящих из еретических сообществ, установлено три «чина», то есть способа. «Первый чин» — это полное крещение: таким чином принимают либо не веровавшие во Св. Троицу, либо не крещенные в три погружения. «Второй чин» - не крещение, а помазание св. миром (так принимаются крещенные в три погружения от некоторых еретических обществ). Третий чин – не крещение и не миропомазание, но очистительные молитвы (так принимают от раздоров и от некоторых ересей). Священники и епископы, принятые вторым или третьим чином, сохраняют в Церкви те священные степени, которые имели до присоединения; а принятые первым чином – не сохраняют и считаются простыми мирянами. Инок Павел желал, чтобы соборно было принято решение, каким из этих способов необходимо принять в общение Церкви митрополита Амвросия.

⁴⁶Семь поклонов с особыми молитвами, которые каждый христианин совершает при входе в церковь и в начале любой службы.

⁴⁷Цит по: Русский вестник, т.81, с.192.

⁴⁸Письмо епископа Аркадия к митрополиту Кирилу от 19 марта 1862 г.

с «Кириловой», и из «Веры», и «Кормчей»⁴⁹; и как он на какую книгу укажет, и мы посмотрим, верно ли он говорит, – и так верно, что даже ни в одном слове ошибки не замети- ли”. Упорства некрасовских грамотеев инок Ев- фросин не поколебал своими “приводами”; но не зная, что отвечать ему, они всё-таки должны были умолкнуть» (2, сс. 191–194).

Собор большинством голосов определил принять митрополита Амвросия «вторым чином» (под миропомазание, с признанием его священно- го сана), однако меньшинство «сумнящихся» оста- лось при своём мнении. Митрополит Амвросий рукоположил в Белой Кринице своего наместника – епископа Кирила, а к то же время сарикёйские противники этого священства стали сеять ропот и недоверие к нему: «Слыханное ли дело, говорили они, – принимать священство от нового Рима, от гречина нечестивого, да ещё “обливанца”! Греческую веру Гончар антихрист принял, под патриарха подписался! – И несколько раз собирался круг, и несколько раз жизнь их атамана [Гончарова] висела на волоске» (17, с. 615).

*Митрополит
Кирил Белокриницкий,
рукоположенный митропо-
литом Амвросием.
Фото 2-й пол. XIX в.*

12. Противодействие раздорников.

Потерпев поражение на соборе, противники иерархии не только не признали его решений, но «напротив, с этого времени стали ещё сильнее напа- дать и на Амвросия, и на затею белокриницких учредителей архиерейства, стали ещё громче проповедовать, что от греков нельзя принимать священства, что все греки обливанцы, и сам Амвросий, как они достоверно знают, крещён поли- вательным крещением». Всё старообрядческое население Добруджи «пришло в движение, – “в мире сделалась вражда и несогласие”, – одни верили недобро- му слуху, другие не верили, и больше оказалось таких, которые расположены были верить» (2, с. 195). Об этом сообщено было иноку Павлу в Белую Криницу, и он «признал за лучшее, в опровержение таких слухов, послать некрасовцам самые точные известия о митрополите Амвросии, об его предках, о месте его рождения и о прочем. Описав всё это со слов самого митрополита, он советовал некрасовцам послать верных людей в Энос, на его родину, чтобы посмотрели, как совершается крещение у тамошних греков и увериться таким образом, что Амвросий, равно как и прочие греки, вовсе не обливанец. “Если же, – писал он в заключение, – и свидетельству митрополита не поверите, и справок в Эносе навести не захотите, и своего упорства не оставите, то будете подобны тем иудеям, которые, видевшие Господа, не веровали, и одинаковое с ними понесёте осуждение”. <...> Письмо было адресовано в Сарыкёй. По казацкому обычаю, сарыкёйцы собрали “круг”, чтобы публично прочитать белокриницкое

⁴⁹ «Кирилова книга» и «Книга о вере» – назидательные и полемические сочинения в защиту православной веры от «римо-католицизма»; «Кормчая» – сборник древних правил Церкви, постановлений Соборов церковных, гражданских законов и поучений. Все эти книги были составлены до раскола, вы- званного реформой патриарха Никона.

послание. Слушали внимательно, не прерывая чтеца, ибо Павел умел писать разумно и убедительно; но едва прочитано было то место, где говорилось, что они, не- красовские христиане, за своё неверие будут осуждены, якоже иудеи, со всех сторон посыпались ругательства на Павла, и все, по выражению Гончарова, “яко зверие разсвирепели зельною яростию”. По сему случаю Гончаров с горечью восклицает в своих записках: «Чудитися подобает внезапному преложению их от кротости в свирепство! Малым прежде мимошедшим временем Павла хвалили, превозносили и благодарили, и говорили: Даруй ему Господи вся прошения, яже ко спасению, и живот вечный; а ныне, хуля, оплювают и проклинают, и не токмо единого Павла, но самого Митрополита и всё дело его, и даже не стали щадить высочества святыни его!» (2, сс. 195 – 197).

Противники иерархии во главе с дьяком Михаилом Кудрявцевым и выходцами из Чернобыля иноками Илией Градищенским (жившим в отдельной келии в камышах на Градище) и Иовом (имевшим отдельную келью в лесу неподалёку от Сарыкёя) воспользовались удобным моментом, чтобы склонить всех сарыкёйцев на свою сторону. Оба монаха ежедневно стали приходить в Сарыкёй для ведения своей проповеди, несмотря на весеннее половодье, препятствовавшее таким путешествиям. Сарыкёйцы поддались пропаганде старцев и почти все поголовно перешли на сторону их раздора; из всего многолюдного селения только Осип Гончаров да пять-шесть человек наиболее грамотных не хотели изменить своих прежних понятий о «белокриницком» старообрядческом священстве. Староверы селений Журиловка и Камень также оказались противниками иерархии.

13. Второй Славский собор.

Славский скит, вопреки агитации сарыкёйцев, признал законность учреждения Белокриницкой митрополии. Иноки решили избрать кандидатов для поставления в священные степени от митрополита Амвросия, для чего был созван в Славском скиту собор. «3-го февраля 1847 года сарыкёйцы получили из Славского монастыря приглашение прислать избранных депутатов для присутствия на этом соборе. Немедленно составилась “круг”; порешили, что не ехать на собор нельзя; стали выбирать депутатов из числа почётнейших стариков, назначили Козьму Василискова, Евтея Евстратьева, Вавилу Петрова, Карпа Яковлева, Ивана Трифонова, Якова Пóтура, старца Власия и Гончарова. Здесь были некоторые из расположенных к новой иерархии, именно, кроме Гончарова, Вавила Петров, Яков Пóтур. По приезде в Славу они остановились у своего единомышленника, Ефима Гавеева, а прочие пошли к своему союзнику, Василью Спиридонову. Приехали в Славу и журиловские некрасовцы. Утром следующего дня условлено было отправиться в скит; но по случаю сильной непогоды едва совсем не

⁵⁰Староверы из селения Камень (Каркалиу).

расстроилось дело. “Тоя нощи, – рассказывает Гончаров, – сделалась сильная зима <снегопад>, даже и свету не видать было. Поутру собрались мы, журиловские и славские, к Ефиму и посоветовали: идти или нет? весьма глубокий снег выпал! Согласились идти, и начал я вести перед, а прочие за мною; а Потур Яков и Ефим воротились назад, не могли идти за великий снег и зиму; а мы с Божиею помощью дошли в скит.”

Настоятель, инок Макарий, созвал братию, и в монастырской часовне открыл соборные рассуждения. И теперь, как на первом соборе, по вопросу о принятии новой иерархии голоса разделились, “одни говорили, что можно принять, а другие говорили: нельзя принять”; но теперь сторона неприемлющих оказалась сильнее, большинство депутатов от некрасовских обществ, под влиянием сарыкёйцев, решительно заявили, что принять священство от <мнимого> “обливанца” не желают. Напрасно противная сторона приводила им свидетельства отеческого святоподобия; сомнящиеся не хотели внимать никаким вразумлениям. Тогда припомнили совет инок Павла навести справки о крещении греков в Эносе. Один из зажиточных некрасовцев, по фамилии Аткар, предложил: “Давайте пошлём в Энос и посмотрим, как там: погружают греки или нет”. Он вызвался дать от себя на издержки по этому делу 500 левов; Гончаров сказал, что и он даст 200 левов. Но сарыкёйские старики не приняли и этого предложения: “Нам нечего смотреть там, а кому нужно, тот пушай едет и смотрит!”» (2, сс. 199–200).

14. Связи с христианами Молдавии и Белой Криницы и противодействие раздорников.

«Так новый Славский собор и кончился ничем, – пишет проф. Субботин. – Он имел лишь то значение, что яснее определил положение и характер обеих несогласных сторон. Защитники белокриницкой иерархии теперь могли быть вполне уверены, что их противники, приняв своё решение, ни в какие изыскания о греках и об Амвросии входить не будут, и потому надежды на их вразумление остаётся мало; в свою очередь, и эти последние лучше узнали на соборе, кто особенно стоит за <мнимого> “обливанца” и за кем из своих надобно присматривать построже, чтобы “не вредил” народ. С этого времени начинают они особенно зорко следить за Гончаровым. Что Гончаров, так много потрудившийся вместе с иноком Павлом» в деле отыскания архиерея, «был самым ревностным из всех некрасовцев поборником белокриницкой иерархии, это ни для кого не было тайной, и сам он не думал скрывать. <...> По своим связям с Константинополем <...>, равно как по уму, начитанности и особенно по своему отважному, предприимчивому характеру он был своего рода авторитет между некрасовцами и во всяком случае – самый опасный для противной партии из всех сторонников белокриницкого священства. Вот почему сарыкёйцы учредили бдительный надзор за Гончаровым, как бы он не повредил народ в такое важное время, когда надлежало решить вопрос о введении “австрийской” иерархии у турецких старообрядцев. Сам Гончаров рассказывает довольно подробно о том, как строго следили за ним его односельчане. Вот два рассказа, интересные в том отношении, что хорошо знакомят нас с характером и бытом некрасовцев.

В скором времени после второго Славского собора, когда противники белокриницкого священства отказались даже от всяких справок о крещении греков в Эносе, Гончарову пришло на мысль справиться у соседних молдавских старообрядцев: какого они мнения о новоучреждённой иерархии. <...> Отправив в Яссы на имя одного из уважаемых старообрядцев, Михаила Антоновича Щипцова, письмо с запросами об иерархии, Гончаров уехал на время по сво-

им торговым делам в Константинополь. По возвращении оттуда он нашёл дома ожидавший его ответ Ясского общества письмом за подписью всех стариков и тогдашнего ясского попа Алексея, с приложением церковной печати, одним словом, официально извещали Гончарова, что в Яссах и по всей Молдавии белокриницкое священство принимают без сомнения и почитают за свято, что ясские даже готовы отправить в Митрополию своего старого уставщика Панкратия Тимофеева для поставления во священника. С этим утешительным посланием Гончаров сейчас же направился к Вавиле Петрову <...> посоветоваться с ним, объявить это письмо в круг или не объявлять. Вавила дал совет хранить дело в секрете: “Что объявлять этим невеждам? – говорил он. – Ты разве не видишь, как они злобою дышат!” Но оказалось, что сарыкёйцы уже проводали о переписке Гончарова с яскими. Разумеется, они смотрели на это дело очень подозрительно, и так как сделалось известно, что к нему каким-то образом причастен был другой сторонник Гончарова, Яков Потур, то с этим последним, в пример и назидание другим, сарыкёйцы придумали учинить известную казацкую расправу, каковое намерение и исполнили на самом деле. Потур пришёл жаловаться к Гончарову, как только узнал об его приезде. Теперь, очевидно, с яским письмом нельзя было таиться, и оно было прочитано публично. Как это случилось, и что за тем было, приводим рассказ самого Гончарова:

“Прихожу я (от Вавилы) домой: сидит у меня Яков Потур и плачет. Я с ним поздоровался и говорю ему: «Об чём ты, Яков, плачешь?» Он мне говорит: «Того ради, что ты в Яссы письмо написал, а меня чрез него били». Я ему сказал: «Напрасно они тебя обидели: на твое письмо есть ответ из Ясс». Он как услышал, что есть письмо из Ясс, той час вышел от меня и сказал старикам: «Вот, господа старики, вы меня били, а напрасно; теперь сам Гончар в доме, и есть у него письмо из Ясс, – на посланное от него письмо ответ». Старики услышали, что Потур сказал, той час приказали есаулу заличку строго делать. Вот когда услышали заличку и узнали дело, в минуту все собрались. Присылают есаула за мной, чтоб и я шёл в круг скоро и письмо нёс. Я той час, взявши письмо, прихожу в круг. Старики со мною все поздравствовали и с приездом поздравили, ибо не более прошло время как один час моему приезду с Царьграда. И старики говорят: «Мы слыхали, что будто у тебя есть письмо, из Ясс присланное». Я говорю: «Есть». Они сказали: «Поди принеси». Я говорю им: «Вот оно, извольте». Они взяли и дали читать, а народу приказали молчать. Когда дочитались до того, что Молдава приняла священство за свято, когда услышали это слово, тогда весь народ зельною яростию распылахуся и обратились ко мне с великим негодованием, и все единогласно закричали: «На что ты пишешь письма и разсылаешь, в разные места? Чтобы с этих пор не писал никуда писем! А ежели ты будешь кому писать, или тебе откуда будут присылать, то чтобы никто не знал! А ежели кому объявишь, то худо тебе будет!» Потом приносят книгу скорописную от Карнея Головатаго безпоповскую, в которой написано из книги Максима Грека, будто нельзя никак от грек священство принять никакова чина, ни диакона, ни попа, ниже епископа. А то не видят, что Максим Грек был прежде того времени, как Царьградский патриарх, грек Иеремия, поставил в Москве Иова патриарха первопрестольнаго, после Максима Грека 67 лет, а потом приехал в Россию Феофан патриарх и поставил Филарета патриарха в лето 7137, и в лето 7142, февраля в 6-й день, великий господин святейший патриарх Иосаф. И я стал им от писания доказывать это дело, а они и слушать не хотят, но только кричат: «Молчи, молчи, а то начнём дубасить!» Уж многие было даже и рукава засучили и хотели колотить, но Бог избавил меня от рук их и всякого чаяния”.

Другой случай, бывший вскоре после этого, не менее интересен. Чрез Онисима Рукавишникова Гончаров получил из Белой Криницы несколько про-

сфор. Просфоры назначались собственно в Славский монастырь, куда Гончаров и переслал их потихоньку, чтобы не раздражать сарыкёйских ревнителей, для которых такое тесное общение Белой Криницы с Славским монастырём могло бы послужить великим соблазном. Случилось потом, что в Сарыкёй приехали повидаться с Гончаровым славские иноки: Аркадий Лаврентьевский и Алимпий. Приехали они под самый Троицын день, и в праздник они вместе были за часами, а по окончании службы Гончаров устроил для гостей праздничную трапезу, которую вместе с ними пригласил разделить ещё двух иноков, старца Серапиона да старца Власия. Во время обеда, когда взошли в разговор, Аркадий говорит Гончарову: «Спаси тебя Христос, что ты, Осип Семёнович, просфоры нам переслал». Гончаров ответил, что его не за что благодарить, что труда его было тут не много. Этим и кончился весь разговор о просфорах, но старцы Серапион и Власий приняли его к сведению. Сейчас же, как только вышли из-за стола, побежали они в корчму, где по праздникам обыкновенно заседали старики-некрасовцы, передать им такую важную новость, что Гончар с Аркадием даже просфоры получают из Белой Криницы! По мнению стариков, это было еретичество и дерзость непростительная; положили, как только наступит ночь, расправиться с Гончаровым.

Между тем ни Гончаров, ни Аркадий с Алимпием не подозревали, что над их головами собирается гроза. Правда, они подивились немного, что старцы Серапион и Власий ушли так скоро, не остались и побеседовать после трапезы; но особенного значения этому не придали, а разговор о просфорах и совсем опустили без внимания. Остаток дня провели они, как следует, «по-христански»: занимались духовными разговорами, сходили к вечерне, затем потрапезовали и мирно разошлись на покой; гостям Гончаров отдал «хату», а сам расположился в сенях. Но в эту ночь ни хозяину, ни гостям уснуть надлежащим образом не удалось. Мы приведём опять собственный рассказ Гончарова о дальнейших событиях <...>

«В третьем часу ночи (то есть, по-нашему, часу в 12-м, ибо некрасовцы, придерживаясь старого обычая, считают время от восхождения и захождения солнца. – *Прим. Н.Субботина*) приходит есаул Ефим Чеботарь; сотворил молитву⁵¹; я отдал аминь. Он вызвал меня на двор и говорит мне: «Оденься и иди со мною к Евтею: тебя требуют старики, они там все собраны, и старцы и дьяки». Я взошёл в хату; жена меня спросила: «Куда ты идёшь?» Я ей говорю: «Что-то старики требуют». А она заплакала и говорит: «Куда ты пойдёшь? Половина ночи есть! помилуй Бог, убьют, никто и знать не будет!» А я сказал: «Бог милостив, избавит мя от сети ловящих!» И пошёл к Евтею. Подхожу к дому и слышу шум, яко вод многих. Сотворил молитву; мне отдали аминь. Взошёл я в хату, смотрю – полна хата народу, а причины тому собранию не знаю. Я ещё и Богу не помолился⁵² и сказал им: «Вот, господа, где Сусаннин суд! Единственно, как и Сусанна⁵³ старцам израилевым сказала: тесно мне отсюда, ваю не убежу [от вас не убегу], и Бога боюсь, что сотворю?» Это сказал им, потом Богу помолился и

⁵¹По древнему христианскому обычаю, когда в какой-то дом приходил гость, он не стучал в дверь, а громко произносил Иисову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас!» Хозяин в ответ возглашал: «Аминь!» – это означало, что гостя приглашают войти в жилище.

⁵²Входя в дом, по христианскому обычаю, нужно прежде помолиться на иконы, а потом только приветствовать всех присутствующих.

⁵³В библейской книге пророка Даниила рассказывается, что два уважаемых народом израильтянских старца-законника влюбились в замужнюю женщину Сусанну и предложили ей прелюбодействовать с ними, угрожая ей смертной казнью в противном случае. Она убежала от них, желая сохранить целомудрие. Тогда старцы оклеветали Сусанну перед судом в том, что она будто бы у них на глазах сотворила блуд с неким юношей. Суд хотел приговорить оклеветанную к смерти, но вмешался юный пророк Даниил и с помощью раздельного допроса лживых старцев явно всем показал невинность Сусанны. Старцы сами были казнены за лжесвидетельство (Дан. 13:1–62).

достойное почтение всем отдал. Евтей сказал мне: «Сядь с нами». Я сел. Евтей начал говорить: «Знаешь ли ты, зачем мы тебя призвали?» Я сказал: «По чему я могу знать? Ежели скажете, тогда я буду знать». Он говорит: «Ты просфоры получил из Белой Криницы?» Я говорю: «Получил». Он спросил: «Где оне?» Я сказал: «Хотя я и получил, и я той же час и отослал в скит, кому следует; ибо оне не нам присланы, так не должно нам их и удерживать». А он мне говорит: «Почему ты нам не объявил?» Я ему и сказал: «Вы же сами мне приказали в кругу, ежели ты будешь куда письма писать, что бы никто не знал, или получишь откуду письмо, чтобы никому не объявлял!» Они и замолчали.

Посем старец Илия обозвался, сказал: «Вы по еретических книгах учите». А я ему говорю: «Ты должен доказать, какия у нас есть неправильныя книги». Он и замолчал. Я ему говорю: «*Веру книгу*⁵⁴ как ты почитаешь: за свято или нет?» Он мне отвечает: «Я за свято её почитаю». Я сказал: «Принесите *Веру книгу*». Андрей Плетун пошёл домой за книгой. Я тут сказал: «Пойдите, отца Аркадия позовите; он у меня на квартире спит». Той час приказали есаулу призвать его скоро. Приходит отец Аркадий в хату, помолился Богу, и обычное почтение отдал и сел. И они начали спрашивать: «Получил ты просфоры чрез Осипа?» Он сказал: «Получил». Они спросили: «Где же ты их дел?» Он отвечает: «Употребил в пользу». Они паки спросили: «Как ты это дело почитаешь?» А он сказал: «Я это дело за свято почитаю, и просфоры за свято приемлю». Когда услышали это слово, что он «свято» сказал, тогда все единогласно закричали: «Зачем вы в часовню к нам ходите!» – и с тех пор отлучили нас от часовни. Я стал их просить: «Позвольте нам хотя в своем доме служить». Закричали все, якоже невегласы⁵⁵: «Если будете служить, то запалим дом и с вами, вот вам и конец!» Это дело было ночью.

Приносит Плетун книгу, дал мне; я взял и нашёл у [в] ней, что она посылает смотреть в *Римской кроник и Летописец, и Баронию*⁵⁶. Мы им подали книгу и сказали: «Смотрите, что тут написано». Они посмотрели и не дали нам никакого ответа, и стали един по единому расходиться по домам. А Плетун сказал им: «Вот, как Гончара не было, то все были философы, и все по звезде держали; а как Гончар пришёл и отец Аркадий, то и читать забыли, и звезды побросали!» С тем и разошлись все, никакова ответу не дали; мы с тем и домой пошли, уже светом. Это дело было на самую Троицу, в воскресенье под понедельник».

Через день после этого события Гончаров с несколькими товарищами должен был отправиться в Константинополь по торговым делам; но имелось в виду воспользоваться настоящим случаем и для того, чтобы навести справки о крещении у греков, как советовал поступить и инок Павел для удобнейшего разрешения возбужденных на этот счёт сомнений. Сарыкёйцы знали о намерении Гончарова и, по-видимому, не хотели ему препятствовать: тот самый Евтей Евстратьев, у которого недавно чинился допрос Гончарову, теперь, провожая его с товарищами в дорогу, сказал даже, что и сам поехал бы с ними в Царыград для смотрения у греков крещения. «Ежели собственно для этого дела хочешь ты ехать, – отвечал один из сотрудников Гончарова, – так, пожалуй, мы два или три дня и обождём». Но Евтей, подумавши, сказал только, чтобы сами они “хорошенько посмотрели”. На пути Гончаров с товарищами заезжал в Журиловку: здешние некрасовцы особенно усердно просили их понаблюсти, как греки крестят. В Константинополе “за суетой” справок навести не удалось; но проездом чрез город Сизополь, где преобладающее население греческое, Гончаров не опустил случая доставить своим спутникам возможность от настоящего грека получить сведение о греческом

⁵⁴ «Книгу о вере», напечатанную в Москве до никоновской реформы.

⁵⁵ Невежды.

⁵⁶ То есть авторы «Книги о вере» не боялись ссылаться на книги неправославных, «римо-католических» историков (имеется в виду книга-хроника римско-«католического» автора Цезаря Барония).

крещении. Дело происходило так. «Пошли мы, – рассказывает Гончаров, – на базар; было нас четыре человека: Митрий Иванов, Тимофей Карпов крестник, Алексей Рогачевский и я с ними. Зашли в лавку к греку, имя ему Мефодий Николаич. Он нам подал стулья и стал просить, чтобы мы сели. Я сел, а они не сели, а облегшись на стулья, постояли. Зашёл у нас с ним разговор о законе, дошла речь и о крещении. Я у него начал спрашивать: «Как у вас крестят?» Он взял чашку, поставил, и начал примерно делать, как погружают, приглашение прочитают по-гречески, и скажет аминь, и погрузит. Сделал трижды, как следует и должно быть. А я ему сказал: «Так и у нас; только есть у нас довершение». А он у меня спрашивает: «Какое?» Я ему сказал: «Мы трижды погрузим, и потом трижды на главу поливаем»⁵⁷. Он на меня долго смотрел, и потом говорит мне: «Скажи мне, какое приглашение вы читаете, когда на главу поливаете?» Я на его вопрошение не знал что сказать. После мы промеж собою разговаривали об этом деле.»

Из поездки Гончаров возвратился домой 5-го июля» (2, сс. 199–207).

15. Журиловцы решают принять священство.

К тому времени уже прошло пять месяцев со второго Славского собора. Славские иноки не переставали вести беседы с некрасовцами о принятии священства Белокриницкой иерархии. В апреле был собор, но успеха не дал. Однако уже в мае неожиданно почти всё население Журиловки изъявило готовность принять это священство. «По сему случаю в Журиловке составился собор, на котором присутствовали иноки Славского скита и старики из селения Славы; сарыкёйцы же, крайне недовольные поступком журиловцев, решительно отказались от участия в соборе, “послали только письмо, в котором было написано: как вы хотите, так и делайте, а мы не согласны к этому делу”. Так как самых горячих противников белокриницкой иерархии теперь не было на лицо, то соборные совещания происходили и кончились очень мирно. “Ударили в звон, и собралось в часовню множество народа, и сели по местам, кто где стоял, и начали смотреть по Божественным книгам и по правилам святых отец, как это священство, можно принять или нет. Согласие учинили все в том, чтоб это дело принять и за свято почитать, с тем и подписали все: журиловские, и славские, и скитские”⁵⁸. Для славских отцов – как главных защитников белокриницкой иерархии – Журиловский собор имел большую важность: теперь они чувствовали себя настолько сильными, что могли приступить к окончательному решению вопроса о принятии священства от <митрополита> Амвросия и к выбору достойных лиц для поставления им в священные саны. С этою целию назначено было составить 8-го июля в Славском скиту новый собор, на который и разослали приглашения во все некрасовские слободы» (2, сс. 207–208).

16. Подготовка сарыкёйцев к собору.

«К этому-то времени возвратился из своей поездки Гончаров с товарищами, – продолжает повествование проф. Субботин. – Старики сарыкёйские встретили его весьма неприязненно. Они сильно озабочены были предстоящим в Славском скиту собором, справедливо опасаясь, что придётся выдерживать неравную борьбу с защитниками белокриницкого священства: а тут ещё возвратился на помощь им этот Гончар со своими справками о греческом крещении! При этом же о Гончарове ходили слухи между сарыкёйцами, что будто он

⁵⁷То есть Гончаров хитростью пытался вынудить у грека, не поливают ли у них на голову крещаемого вместо погружения его с головой под воду.

⁵⁸Гончаров в письме к Ивану Александрову об этом соборе говорит: «Иноки Аркадий и Евфросин и подобные им... повторили свой собор в мае месяце и склонили к себе слободы Журиловку и Славу... и обязали всех подписать, и сделали условие, чтоб епископа иметь своего в Турции» (прим. Н.Субботина).

пред отъездом в Константинополь разослал по разным местам письма в защиту Амвросия, и за это, по собственному его выражению, весь мир давно уже пылал против него злобою. Итак, возвращению Гончарова сарыкёйские старики были весьма не рады; они положили никак не допускать его до присутствия на новом Славском соборе. Между тем они видели нужду, на помощь себе, пригласить к участию в этом соборе и из других мест известных им недоброжелателей “ново-учреждённого” священства. Из Браилова приехали по их приглашению Кирил Бусурка и Степан Костылев с Онисимом Рукавишниковым; приехал также один из московских старообрядцев, почитатель рогожского дворника Ивана Александрова, известного в Москве противника белокрыницкой иерархии, Семён Евстигнеев Слёзкин, или Слёзачкин; потом Кирил Бусурка съездил нарочно в Тульчу за Аркадием – тем самым Аркадием Тульчанским, у которого инок Павел тщетно просил благословения своему делу ещё в то время, когда отправился на искание древлеправославного архиерейства. На него сарыкёйцы сильно рассчитывали: “Той бо, – по словам Гончарова, – бысть им всякий пособник во всём злоумышленном начинании их, хитр сый и велеречив, якоже другий Арий”.

Когда пришло время ехать на собор, сарыкёйцы составили круг, чтоб условиться, как действовать на соборе и выбрать уполномоченных на собор. Круг собрался около хаты Ивана Шморгуна; почётнейшие старики сели на завалинке; народу нашло много со всей слободы; пришёл и Гончаров, он занял место поближе к старикам, тоже на завалинке. Речь шла всё о том, что от греков принять священство нельзя; в доказательство приводили опять подложное сочинение Максима Грека, принесённую книгу Максимову от Корнея Головатого, и Михайло Иванов стал читать её вслух. Гончаров не вытерпел, начал делать возражения.

– Когда писал это Максим Грек, в каких летех? – спросил он.

– Когда писал, я не знаю, – отвечал Михайло Иванов, – а только вижу, что так пишет.

– Ну вот, сам не знаешь, а говоришь. Максим Грек был в Руси и преставился в лето 7064, а Иеремия, патриарх Цареградский, был на Руси в лето 7089 и поставил патриарха Иова в Москве, а потом был ещё Феофан, патриарх Иеросалимский, и поставил в Москве патриарха Филарета.

На слова Гончарова не обратили внимания. В это время пришёл на сходку Аркадий Тульчанский: ему дали почётное место и предложили сказать своё мнение о белокрыницком священстве. Аркадий начал доказывать, что принять его никак нельзя, понеже все греки – обливанцы. Гончаров несколько раз пытался возражать; хотел рассказать, как в Сизополе у грека расспрашивал о крещении: его и слушать не хотели; наконец и говорить ему запретили: “Молчи ты, а то будем бить!” Условившись таким образом всячески противиться принятию белокрыницкого священства, стали говорить, кому ехать на собор. Выбрали Ивана Василискова, Евтея, Михайлу Иванова, иконописца Антипа Семёнова да ещё двух малограмотных стариков; о Гончарове не было и помину. Сам он побоялся проситься, а только заметил:

– Возьмите вы лучше Артамона Каракаша да Егора Писаренка: эти люди грамоте знают хорошо и могут сказать что-нибудь от Писания.

– Не твоё дело распорядиться в этом! – закричали старики. – Мы лучше тебя знаем, кого послать.

– А то возьмите Алексея, – продолжал неугомонный Осип Семёнов<ич>, – либо Митрия с Тимофеем: они были при том деле, когда я спрашивал о крещении у грека.

Это вывело сарыкёйцев из терпения. Закричали:

– Есаул! Приноси железы заковать Гончара, чтоб он сидел смирно да на собор

не уехал: а то ведь он такую там кутерьму заведёт, что из нас никто не разберёт.

В железа не заковали Гончарова, но ехать на собор ему запретили. А выборные с тем намерением и отправились в Славский скит, чтобы дело о принятии белокриницкого священства “истребить и из памяти изгладить”» (2, сс. 208–210).

17. Третий Славский собор.

«К 8-му июля в Славский скит наехало довольно много народу из всех не-красовских селений. Старики журиловские и славские пошли доложить о своём приезде настоятелю, иноку Макарию, а сарыкёйские и браиловские с Аркадием Тульчанским отправились сначала на совещание к старцу Иову, у которого нашли и прочих своих сторонников иноческого чина: Илию Градищанского, Филарета и Гуслицкого Тарасия. Они также весьма озабочены были предстоящим собором: старец Иов откровенно высказал это собравшемуся в его келье почтенному обществу.

– Отцы и братия, – начал говорить он, – что сотворим? Собор соберётся – что мы будем говорить? У нас нету от Писания сведущих глаголати и ответу дать мы не сможем: ибо у них лаврентьевцы, Аркадий и Евфросин, весьма сильны в словах и сведущи в Писании. И ежели, помилуй Бог, на их руку сложится отец Макарий, тогда мы ничего не успеем и это дело не остановим. А когда будет их верх, тогда мы посрамлены останемся.

– Поэтому-то, отцы святые, мы и Гончара не взяли на собор, – сказали сарыкёйские старики, – ибо он на их руку согласен и по них побораёт.

Отцы поблагодарили их за такое умное распоряжение:

– Спаси Христос, что вы так сделали!

Но всё же надобно было подумать, как противоборствовать на соборе Аркадию и Евфросину, которые и без Гончарова были опасными соперниками. Аркадий Тульчанский и Антип иконописец предложили такой совет:

– Вот что надо сделать, православные христиане, – надо не давать им ходу на соборе: как станут они показывать правила, – вы, кто чем может, пререкуйте противу их, чтоб и гласа их не было слышно; и правил их не слушайте, а как можно больше кричите. Тогда, может, Бог даст, и одолеем их, и народ не вонмет их словам; а коли развесим уши да разинем рот, так они своими правилами, разумеется, одолеют нас и мир весь за собою увлекут.

Все одобрили этот мудрый совет, и условившись держаться его во всей точности, отправились в часовню, где собрался уже народ в ожидании открытия соборных рассуждений. Славские иноки и журиловские депутаты были очень удивлены, когда узнали, что с сарыкёйцами нет Гончарова. Его присутствие на соборе было для них тем желательнее, что он мог бы сообщить теперь точные, собранные во время поездки в Константинополь, известия о крещении у греков; журиловцы даже нарочно посылали к нему приглашение, чтобы непременно приезжал на собор. По сему случаю они не преминули сделать замечание сарыкёйским депутатам:

– Почему вы не взяли с собой Гончарова? Мы его нарочно просили, когда он ехал в Царьград, чтобы там посмотреть и испытать у греков о крещении: чего же ради вы не взяли его на собор?

– Вы нами распоряжаться не можете, – отвечали сарыкёйцы. – Мы кого знали, того и взяли.

Но за тех, кого они взяли, сарыкёйцам пришлось поплатиться немалым позором. Когда начали занимать места, они посадили с собою выше всех Аркадия Тульчанского. Настоятель Макарий, как только увидал Аркадия, встал со своего места и

говорит: «Зачем этот враг Божий сюда засел?» Надобно заметить, что за Аркадием была известна большая провинность: он, будучи уже иноком, некогда поял себе жену, и за это «поругание ангельского образа» отлучён был от церковного общения; у самих сарыкёйцев было тогда положено не впускать Аркадия не только в часовню, но даже и в село, и если теперь они отменили это своё распоряжение, то единственно ради желания иметь у себя сильного ратника против белокриницкой иерархии, каков был Аркадий. Но другие не забыли вину этого ратника, и вот почему инок Макарий не захотел допустить, чтоб он присутствовал на соборе, при том ещё занимая почётное место. Прочие поддержали голос Макария, и Аркадий Тульчанский с позором был выслан из собрания. Это было уже немалым поражением для сарыкёйцев и всех вообще присутствовавших на соборе противников белокриницкого священства. Но дело не кончилось и этим. Кто-то, вероятно из знавших, что Аркадий будет на соборе, представил собственноручное письмо его, очень странного и неприличного содержания, направленное против учредителей и чтителей белокриницкого священства, которое письмо и попросили прочесть во всеуслышание. Аркадий Лаврентьевский начал читать.

– Оставьте такие басни читать на соборе, – заметил ему инок Макарий, выслушав начало письма.

– Нет, отче, – сказал на это Аркадий, – оставить нельзя, а надо всё вычитать: ибо и на соборах святых отец, прежде отыскивали еретические ложные сочинения, и на соборах прочитывали их, еретиков, хуления; а потом, по многом увещании и непокорении, предавали их вечной клятве.

И курьёзное письмо Аркадия Тульчанского было прочитано сполна. В характере Аркадия, как выше заметили, была черта, свойственная всем почти сектаторам, – самомнительность и самообольщение: она-то особенно резко и обнаружилась в его письме. Так он писал, например: «Уподоблюся облаку духовносному⁵⁹; учение мое простирается, аки река вод медоточных; отвращаю люди Божия от рва погибели, сиречь Павлова и Алимпиева пути, и не погрешу, дерзая рещи ангелом: да возьмут душу Павлову вскоре и предадут ю вечному огню! А о Алимпии власть имам сам: возьму душу его и отворю бездну, и врину ю⁶⁰ в пропасть адскую, в тартар преисподний, да не будут более совращать люди моя Израиля с пути праваго», – и прочее.

Сарыкёйцам сделалось и стыдно, и досадно, когда прочитали это писание их главного руководителя. Зато, в отмщение за обиду, они в точности исполнили его совет: не давать ходу на соборе лаврентьевским инокам, когда они станут приводить правила. Действительно, никаких правил они не слушали, а только, по выражению Гончарова, «вопияху неленостно противу греков» и против Амвросия в частности. Против этого последнего поставляли на вид между прочим то обстоятельство, что его «обучает русскому разговору цареградский служин(?), то есть еретик, и литургисает при оном и при совершении таинств предстоит лично⁶¹, – каковое дело очень дико, понеже не велит нам, православным христианом, сообщение иметь с еретиками»⁶² <...> Вообще беседовали «не соборно и не союзно, но злобно и укоризненно», так что Славские отцы признали за лучшее положить конец собору. Сарыкёйцы только этого и желали. Они предложили с своей стороны отложить дело о белокриницком священстве до Покрова, питая надежду, что к тому времени успеют и совсем потушить это дело.»

«Итак, соборное заседание 8-го июля, подобно прежним, кончилось ни-

⁵⁹За это выражение Аркадию дано было и прозвище: Облак (прим. Н.Субботина).

⁶⁰Ввергну её (ц.-слав.).

⁶¹Это была ложь, ибо переводчиком при митрополите был серб Константин Огнянович, также присоединившийся к Древлеправославной церкви Христовой.

⁶²Письмо Некрасовцев к Ивану Александрову (прим. Н.Субботина).

чем, – пишет Н.И.Субботин. – Защитников белокрыницкого священства, сильно рассчитывавших на этот собор, такой неудачный исход его немало опечалил; сарыкёйцы же и все их сторонники почти торжествовали победу: они отправились домой очень довольные своими подвигами, и по приезде в Сарыкёй объявили народу, что дело оставлено до Покрова» (2, сс. 208–215).

18. Продолжение соборных заседаний.

Уральский «часовенный» беспоповец Ф.А.Малиновцев в 1900 году ездил в Добруджу и в беседах с потомками участников тех событий выяснял историю раздора среди некрасовских поповцев. Он так описывает на основании этих бесед начало разногласий на соборе 8 июля. «Одна часть старообрядцев во главе с Михаилом Кудрявцевым замедлили приехать к назначенному времени на собор (будто бы вследствие того, что по пути где-то лишка загостились...), и собор прошёл без них. На этом <соборе> журиловцы (из селения Журиловка) окончательно почти решили принять священство; но по требованию сарыкёйцев и ради единения и мира соглашаются окончательное решение отложить до Покрова, как того желали сарыкёйцы. Но лишь только стали расходиться с собора, как вожаки сарыкёйцев дерзко и грубо насмехнулись над журиловцами и оскорбили их своей надменностью, которая выразилась словами такими: что “всё-таки журиловцы согласились же сделать по-нашему. А то хотели, выскочки, вперёд нас решить! Наше общество старше и должны нас слушать” – и т.д. Тогда журиловцы <...> собирают снова собрание, к которому примыкают все менее буйные и более спокойные и серьёзно относящиеся к делу люди, и постановляют окончательное решение: принять священство, – и тут же избирают из иноков достойных лиц в священника и дьякона и отправляют их для посвящения в Белую Криницу. <...> Узнавши о таком решении, уехавшие со своей гордостью сарыкёйцы и также запоздавшие Михаил Кудрявцев со своими приверженцами наполнились ядовитой злобой на журиловцев и стали сколько есть сил раздувать ненависть к ним и поносить ставшее им уже ненавистное священство, говоря: “Никогда мы им не покоримся, то есть журиловцам и их единомысленным, смевшим без нас решить вопрос о принятии священства, мы – старшие, и они должны были на нас смотреть, как мы поступим... А уж мы по их стопам не пойдём!” И с этого времени начались всевозможные хулы на митрополита Амвросия. Называя его обливанцем, они начали писать письма в Россию, одно из которых дошло и до Екатеринбурга нашего, – пишет уральский часовенный беспоповец Малиновцев, – и почти полстолетия служило убедительным документом для часовенного общества» (4, сс.13–21).

В изложении профессора Субботина эти события выглядят таким образом: «Сарыкёйцы немного поспешили торжествовать победу. Когда они отправились домой, вслед за ними стали разъезжаться из Славского скита и прочие некрасовцы, бывшие на соборе. Остались в Славе только браиловцы – Кирил Бусурка, Костылев да Аркадий Тульчанский: они дожидались Онисима Рукавишникова, который долго не возвращался из скита, чтобы с ним вместе ехать домой. Онисим, брат того Савы Рукавишникова, что так услуживал Павлу и Амвросию, был также из числа сторонников иерархии и остался в Славском скиту вместе с журиловскими, для того чтоб ещё потолковать и посоветовать со старцами насчёт их общего дела. Когда он возвратился из скита, Кирил Бусурка стал ему пенять:

– Мы тебя давно ожидаем, уж народ весь разъехался по домам: что ты там делал, зачем остался?

– Дело имел, потому и оставался, – отвечал Онисим Иваныч.

– Какое дело? – спросили его.

– Да выбирали мы, кого поставить в попы, кого – в дьяконы.

– Кактак? Ну, что же, выбрали или нет?

– Слава Богу, выбрали.

Это известие было так неожиданно, что браиловцы не вдруг и поверили ему; но Онисим Иванович говорил правду» (2, с. 215).

«Как только депутаты некрасовских обществ и разные лица, присутствовавшие на соборном заседании, оставили монастырь, настоятель инок Макарий и прочие Славские отцы, вместе с журиловскими и некоторыми другими сторонниками белокриницкой иерархии, приступили к совещанию, что им остаётся предпринять теперь и как должно повести дело. Вразумить и привлечь на свою сторону противников иерархии не оставалось никакой надежды: только что прекратившиеся прения служили тому очевидным доказательством; не подлежало сомнению, что решение дела они отложили до Покрова только с намерением оттянуть его и запутать. С другой стороны имелось в виду, что и они сами, приверженцы белокриницкой иерархии, теперь не так малосильны, чтобы нельзя было одним открыть сношения с Митрополией по вопросу о священстве. <...> Ничто не могло препятствовать поставлению священников и диаконов для самой обители Славской. <...> Целая ночь прошла в этих совещаниях; к утру последовало решение: отправить в Митрополию для поставления во священники и диаконы двух достойных иноков, которые и были немедленно избраны: инок Аркадий, прозванный Дорофеевым (был постриженником отца Дорофея) – кандидат во священники, инок Ияков – в диаконы. Потом решили, что не стоит останавливаться только на половине дела: нужно избрать кандидата и во епископы, в надежде на то, что в будущем пустые раздоры прекратятся, особенно если новый епископ будет вести проповедь среди людей. На память святого пророка Илии, 20 июля, был созван собор сторонников поставления епископа, в работе которого участвовали не только Славские монахи, но и избранные лица от обществ Журиловки, Славы, Сарыкёя и других мест. Собор предложил настоятелю, иноку Макарию, стать кандидатом во епископы; тот поблагодарил за честь, но решительно отказался от посвящения под предлогом своей болезненности. Тогда собор попросил отца Макария указать на того, кого он бы хотел видеть новым архиереем. Старец Макарий встал с места, и указав на Аркадия, бывшего настоятеля Лаврентьева монастыря, сказал: “Вот муж, сильный понести иго епископства, – его убеждайте!” Здесь инок Макарий высказал только общее желание присутствующих, которое, без сомнения, ему было известно и которое сам он разделял вполне, – он только назвал человека, уже всеми предназначенного в епископы, ибо по общему и справедливому мнению, во всём братстве Славского монастыря не было никого способнее Аркадия стать во главе новоучреждаемого некрасовского духовенства, особенно при тогдашних смутных обстоятельствах, которые требовали от будущего епископа много ума и твёрдости характера, чтоб устроить и привести в порядок церковные дела. Итак, предложение инок Макария было встречено общим сочувствием: “Возгласила вся братия, – пишут участники этого собора, – возгласил весь мир, все единодушно возгласили (обращаясь к Аркадию): буди нам пастырь и вождь ко спасению!”⁶³» Инок Аркадий так же решительно отказывался от архиерейства, заявляя, что он не достоин. Собор стал уговаривать инок Аркадия согласиться на поставление. Инок Евфросин выступил с речью, потом «настоятель инок Макарий с братией присоединили своё моление, – “вси вообще рекли ему: возложи, отче, все сие недоумение, вкупе и немощь свою, на Бога и на Пречистую Его Матерь, Заступницу роду христианскому, Которая едина может всё наше недоумение разрешить и немощи наши понести, и всё наше намерение

⁶³Прошение Журиловского общества митрополиту Амвросию от 23 июля 1847 г.

во благое произвести”⁶⁴ Наконец и весь народ, увлечённый этим умилительным прением между просящими и отрицающимися, приступив к Аркадию, воскликнул: “Трехи твои, отче, на нас да будут, – мы за тебя ответствуем”.<...> Так последовало в Славском скиту избрание епископа всех некрасовских слобод, – и, говоря по справедливости, избран был человек, наиболее способный управлять церковными делами», – пишет профессор Субботин (2, с. 703 – 706).

Было составлено соборное прошение к митрополиту Амбросию, наместнику его епископу Кирилу, строителю киновии архимандриту Геронтию и иноку Павлу о поставлении трёх избранных кандидатов во священные степени. Это прошение вместе с избранными кандидатами и небольшой группой сопровождавших их почётных лиц были отправлены в Белокриницкую митрополию.

*Аркадий (Дорофеев),
архиепископ Славский.
Фото нач. 1880-х гг.*

19. Рукоположения в Белой Кринице.

Митрополит Амвросий, побеседовав с присланными кандидатами, вместо инок Аркадия Лаврентьевского решил поставить во епископа Славского другого присланного Аркадия – Дорофеева, – которого задунайские некрасовцы предполагали возвести в сан иерея. «15 августа, в праздник Успения Пресвятыя Богородицы, <митрополит> Амвросий поставил Аркадия в диакона; потом, 17-го числа, – во священника (тогда же посвящён в диаконы инок Иаков); а в следующий воскресный день, 24-го августа, назначено было и поставление во епископа» (2, с. 714).

Священноинок Аркадий произнес торжественную архиерейскую присягу, после чего была совершена и хиротония. «Поставление во епископа совершил сам Амвросий, от которого потом Аркадий получил и ставленную грамоту за собственноручною его подписью. <...> Итак, Задунайские старообрядцы, со времени первых начинаний, первых хлопот по делу об учреждении белокриницкой иерархии относившиеся к нему с особенным сочувствием, наконец, после долгих неудач и «превратностей», имели своего епископа! Депутаты их в Белой Кринице ликовали; ликовали и белокриницкие власти: ибо Аркадий был не только первый епископ некрасовцев, но и первый <епископ>, которого Белокриницкая митрополия дала старообрядцам “иных государств”.<...> Так как некрасовцы желали иметь и священника, поставленного в Белой Кринице <...>, то в удовлетворение этого желания присудили послать за Дунай одного из лучших священноинок Белокриницкого монастыря, Евфросина, который был первым ставленником из всех старообрядцев, посвящённых <митрополитом> Амвросием в священный сан» (2, сс. 715–716). По просьбе задунайцев их епископа обеспечили и необходимыми церковными вещами: «Снабдили епископа Аркадия всею церковною принадлежностью, – как то: святых икон целый иконостас, священных одежд – ризы и омофоры и прочих, книг в их новоучреждённую епископию дали довольно, число новоосвященных антимисов⁶⁵ – пять, довольно дали и святого мира»⁶⁶ (2, с. 718).

⁶⁴Там же.

⁶⁵Антимис – освященный архиереем и помазанный св. Миром льняной или хлопчатобумажный плат (примерно 20х20 см) с изображением голгофского Креста и вшитыми мощами святых мучеников; служит для освящения церковного престола, на котором совершается Евхаристия – претворение хлеба и вина в тело и Кровь Христову на Литургии. С 5 антимисами можно было совершить освящение 5 церквей.

⁶⁶Сборник [архиепископа Московского] Антония (прим. Н. Субботина).

Радостно готовясь к возвращению домой, епископ Аркадий и не подозревал, какие беды и напасти обрушатся на него и его спутников в ближайшее же время по козням раздорствующей партии.

16. Приезд нового Славского епископа в свою епархию.

*Храм свв. Козьмы и Дамиана в Белой Кринице, где служил митрополит Амбросий.
Фото XXI в.*

*Святитель Аркадий
архиепископ Славский,
исповедник.
Фото нач. 1880-х гг.*

Епископу Аркадию устроили в Белой Кринице торжественные проводы, пишет проф. Субботин, «расставанье было вообще самое радушное: “и провожаема была, – сказано в современной записи, – вся их свита от всей братии белокриницкой со звоном и пением духовным, и со многою радостью и любовными лобзанием раскланялись”².

Путешествие нового Славского епископа совершалось довольно медленно: только в последних числах сентября достиг он пределов своей епархии и вступил в неё не без опасений. На пути лежало селение Камень, известное своею неприязненностью к белокриницкой иерархии. Мы видели, что ещё <митрополита> Амвросия, когда он ехал из Константинополя чрез некрасовские селения в Браилов, предупреждали об опасностях со стороны каменных жителей. И Аркадию нельзя было надеяться от них хорошей встречи; даже, по всей вероятности, он постарался бы миновать или проехать поскорее их селение. Но случилось не так: с каменскими

² Сборник <архиепископа Московского> Антония (прим. Н.Субботина).

жителями произошла необыкновенная перемена, как скоро они узнали, что не только есть у них свой собственный епископ, но и скоро к ним явится, что они увидят его воочию. “Когда, – повествует Гончаров, – приехал в Браилов господин наш новопоставленный епископ Аркадий, каменские услыхали, собрали круг и объявили миру: что будем делать? Епископ в Браилове и будет сюда! – Мир весь закричал: надобно послать стариков навстречу ему с хлебом и просить его, чтоб он посетил нас своим честным приездом! – И когда узнали, что уже едет близко: тогда вышли ему навстречу, весь народ от старого и до малаго собралися, и стали. Когда он приехал до них, они все поклонилися ему до земли, он же их благословил, и пошли прямо в часовню с пением”. Это было накануне праздника Покрова Богородицы: каменские жители просили Аркадия отпраздновать у них этот праздник, и Аркадий с радостью исполнил их желание. Вообще, ему доставил большое утешение этот радушный и торжественный приём при самом вступлении его в пределы епархии, притом же сделанный каменскими жителями, от которых ничего подобного он не мог и ожидать. Само собою разумеется, ещё радостнее и торжественнее была встреча, устроенная славскою братией: “Сретоша их за полпоприща³ со святыми иконами, и хоругвями, и звоном, и от безмерныя радости не могуще удержатися, вопияху до небес благодарственные песни, покланяющиеся и целующе, мняху зрети самих апостолов, к ним пришедших”⁴ Точно так же ликовали и журиловцы<...> Журиловцы всем обществом не преминули даже, вскоре по приезде новопоставленного владыки, препроводить в Белую Криницу благодарственное послание <митрополиту> Амвросию “за рукоположение преосвященнаго епископа Аркадия и за милосердие к ним сирым и странным и не имевшим где главы подклонити, а ныне чающим обрести покой”⁵. Они извещали также белокриницких благодетелей своих, что по Божией милости всё у них благополучно, построение церкви идёт успешно, и если Господь поможет, в праздник Введения надеются освятить. С первых чисел ноября они начали уже разсылать приглашения на предназначенное в этом месяце освящение храма» (2, сс. 718–720).

17. «Сарыкёйское письмо» и прочие интриги.

Выше уже было написано, что «старики» села Сарыкёй крайне недоброжелательно отнеслись к идее об окормлении священством белокриницкого поставления. Когда на второй день после неудачного Славского собора в Сарыкёе узнали, что тщетными оказались их попытки предотвратить принятие сего священства, что в Славском скиту уже избирают кандидатов на поставление в священные степени, это стало для них неприятной неожиданностью. Новость же об избрании кандидата в епископы «привела весь сарыкёйский мир в неопишное волнение, – пересказывает проф. Субботин записки Гончарова. – Собрали большой круг, “весь народ от старого даже до малаго”. Есаул объявил, что случилось, и предложил миру рассудить, что теперь остаётся делать.

– Всему этому делу причиной Гончар! – заметили в толпе.

Гончаров был здесь, налицо, – и кто стоял к нему поближе, сейчас же схватили его, чтобы приступить к расправе. Осип Семёныч не потерял присутствия духа.

– Господа! – сказал он, – что вы делаете? Разве в этом деле так поступать можно? Тут надо правила рассматривать, по правилам действовать!

Один из горячих сарыкёйцев, Андрей Тихой, по сему случаю так непригоже выразился о правилах, что самым некрасовцам стало за него стыдно. Народ заговорил:

³ Полверсты

⁴ Там же.

⁵ Послание их от 1 ноября 1847 г.

– Что ж такое? На что похоже? Так кощунствовать!

Гончаров воспользовался благоприятною для него минутой и незаметным образом вышел из толпы, – “помаленьку, задом”, как сам он выражается.

Московский гость Семён Слезкин подал тогда мысль написать в Москву к тамошним христианам, попросить у них совета, как поступить в настоящих обстоятельствах: можно ли заимствоваться священством от Амвросия, о котором есть подозрение, что он обливанец. Слезкин указал и человека, способного дать желаемый ответ, – дворника из Рогожской, Ивана Александрова Гусева, который был известен между московскими поповцами как большой начётчик, ревнитель старой веры и горячий противник новоучреждённой белокриницкой иерархии. На кругу приняли совет Слезкина; письмо написать поручили Михайле Иванову Кудрявцеву <...> и приказали ему непременно упомянуть в письме, что о поливательном в греках крещении согласно свидетельствуют все кубанцы, живущие близ Царя-града.

– Это вы напрасно хотите писать, – заметил сидевший в кругу кубанец Левон Гора, – нас вы не мешайте в это дело.

– Нам Чигалак сказывал, – возразили Левону, – что он видал, как греки обливают.

В эту самую пору Чигалак, тоже кубанец, шёл мимо, возвращаясь из шинка. Его пригласили в круг и стали расспрашивать.

– Лев Мартыныч, скажи ты нам, Бога ради, мы слышали, будто ты видал, что греки обливают.

– Нет, люди добрые, сам я не видал, нечего напрасно говорить, – отвечал он. – А сказывал мне Андрей Лебедек, что будто он видал. Больше я ничего не знаю.

Кудрявцев приготовил письмо. Читать его и подписывать нужно было всем миром, и опять по сему случаю составили большой круг. Письмо начиналось витиеватым обращением к дворнику Ивану Александрову <...> Затем следовал рассказ об Амвросии и о разногласиях, возникших между некрасовцами относительно принятия от него священников. “Рождение его, Амвросия, в городе Юнусе... А вблизи сего города Юнуса наши христиане неподалёку жительствова-вали и ныне по торговой части заимствующие часто бывают, и очевидно несколько раз видели греческое крещение и свидетельствуют пред иконой, что в греках, в Юнусе, даже и по всей Греции погружает младенца до плеч иерей трижды, а потом из той же купели трижды обливает без погружения. И мы сему их свидетельству несомненно веруем, и вас нашею совестью уверяем, что истинно есть свидетельство”. Вина за то, что несмотря на “обливанство” Амвросия, многие из некрасовцев согласились принять от него священство, в письме возлагалась главным образом на Аркадия, Лаврентьевского монастыря настоятеля, и того же монастыря инока Евфросина: они на соборах защищали Амвросия и склонили в его пользу славских иноков, также две слободы, Журиловку и Славу, по их же настоянию избраны епископ, священник и диакон и отправляются для поставления к митрополиту в Белую Криницу. “И теперь вы, милостивейший государь и о Христе благодетель Иоанн Александрович, – писано было в заключение, – разсудите сей раздор церковный, будет ли в сем раздоре благодать Св. Духа действовать или нет; и просим вас, Господа ради, если к вам будут от сего числа из Белой Криницы письма в Москву, или из-за Дуная о поставлении за Дунай епископа, и будут вас уверять, что задунайцы согласны, то не верьте этим письмам, Господа ради: понеже мы не согласны от греческаго патриарха за вышепоявленное греческое крещение принимать священство, если не докажут из отеческих правил; а если правило велит от такового хирото-

нисания принимать священство, то без сомнения будем согласны принять оное от белокриницкого митрополита... Мы зашедши с давних времён в Турцию, и Божественных книг мало у нас имеется: то, Господа ради, просим и молим вас слезно, не презрите нашего к вам слезного прошения, воспишите к нам по получении сей епистолии, на котором ваши московские и прочие все христиане окрестные положению основываются и како разумеют сем митрополите.” Таким образом некрасовцы обращались к московским старообрядцам за советом и вместе с решительным, по совести, уверением, что Амвросий действительно “обливанец”. Письмо это, прочитанное на кругу, очень понравилось сарыкёйцам; за подписями поэтому недостатка быть не могло. Сначала предложили подписаться ведомым сторонникам белокриницкого священства: Гончарову и Еремею Гапееву. Гончаров сказал:

- Я не подпишусь.
 - За что не подпишешься?
 - За то самое, что вы неправильно написали.
 - Как неправильно? В чём неправильно?
 - Сами знаете! – ответил Гончаров и больше говорить не стал.
- Еремей также отказался от подписи:
- Я забыл за это дело писать!

Спросили кубанца Горю, велит ли за них, кубанцев, делать подписи. Горю тоже сказал: “Нас понапрасно не подписывайте!”

“И вот они сами начали подписываться, – рассказывает Гончаров. – Чудо было зрети и удивлению достойно, как они со тщанием к подписи толпились, – друг друга реяху (отталкивали – В.Н.), даже сделали шум большой – один кричит: «Меня подписывай!» – а другие горланют: «Нас подписывай!» А я сидел и удивлялся безумному их успеху, что другой даже не знает никакой должности христианского порядка, а кричит: «Подпишите меня!» – молитвы Иисусовой не умеет, а о законе толкует!”»

Вот так и появилось знаменитое «Сарыкёйское письмо», ставшее важнейшим поводом для церковного раздора среди русских старообрядцев, продолжающегося и поныне, – разделения на «беглопоповцев» (не приемлющих белокриницкого священства) и «белокриницких» (приемлющих его).

«Всё время, пока избранные на священство кандидаты ездили для поставления в Белую Криницу, прошло у сарыкёйцев в шумных совещаниях: как поступить им, когда приедет новопоставленный епископ со священством. По словам Гончарова, “все стали яко изумлены (как безумные – В.Н.) и яко пьяни от зависти и злобы, и начали ежедневно круг собирать и советовать: что будем делать? И так сделался народ что сумазбродный, и между собою ежедневный спор стали делать, и друг друга ненавидеть, яко врага суца. А бедные монахи – Иов, и Илия, и Филарет, оставя еже по Евангелию житие пустынное и безмолвное, начаша в мире пребывати и нелепая, и странная, и чуждая инокам начаша творити”. В это же время один из славских жителей, Платон Семёнов, горячий противник “новоучреждаемого” священства, подал первую мысль: передать дело на суд турецкому правительству. “Ежели бы мир с умом был, – говорил он кое-кому из близких, – так поехал бы в Бабу⁶, да сказал бы начальству, что наши-де взяли греческую веру, соединились с греками, и теперь вам, туркам, могут зло учинить”. Когда эти речи дошли до стариков, одни их одобряли: “Это он хорошо выдумал – так и надобно сделать.” – другие, порассудительнее, говорили, что это опасная затея: “Дело большое против царя кляузы делать, помилуй Бог чего худаго! тогда и нам бы не досталось страдать!”»

⁶ Город Бабадаг.

Между тем приехал и новопоставленный епископ. Каменские старообрядцы, как выше сказано, учинили ему торжественную встречу. Этого события сарыкёйцы никак не ожидали: на каменных они сильно рассчитывали как на своих союзников. Понятно, что случившееся на Камне их сильно раздосадовало. Но окончательный удар нанесло им известие, что в праздник Введения <...> назначено торжественное освящение новопостроенной журиловской церкви, что журиловские некрасовцы повсюду разослали уже и приглашения на это празднество. Сарыкёйцы рассудили, что такое событие как освящение церкви, да ещё совершаемое епископом, чего с незапамятных времён не бывало у старообрядцев, произведёт сильное впечатление на народ и многих увлечёт к принятию “нового” священства, – что поэтому необходимо принять самые решительные меры против тех, кто вздумал бы ехать в Журиловку на праздник, – воспретить поездку даже под страхом смерти. На этом и порешили старики после долгих совещаний. Есаул сделал по селу заличку: кто поедет в Журиловку на освящение церкви, пусть забирает жену и детей и выезжает насовсем, а то убьют и разграбят.

Угроза, очевидно, направлена была против тех, кого подозревали в расположенности к белокриницкому священству. Таких, кроме Гончарова, было известно до пяти зажиточных казаков: Вавила Петров, Еремей Гапеев, Алексей Гаврилов <,> Рогачевский, Артамон Каракаш. Они также собрались посоветоваться, что теперь делать, и единогласно решили ехать на освящение несмотря ни на что – “пушай разоряют!” Чтобы решение было прочно, они, по старообрядческому обычаю, встали и положили “начал”. Рано утром, накануне праздника Введения, Гончаров с женой и дочерью отправился в Журиловку. Поехали и другие. Народу в Журиловке собралось довольно; наутро ожидали епископа с духовенством, и к празднику всё было готово, но праздника совершить не удалось» (2, сс. 720 – 725).

19. Доносу турками его последствия.

«В тот же день, накануне Введения, упомянутый выше Платон Семёнов сделал донос турецкому начальству в Бабадаге.

– Вы здесь начальники? – спросил он, явившись прямо в собрание турецкого меджлиса.

– Мы начальники.

– Что же вы здесь рассматриваете?

– Какое дело есть, то и смотрим.

– Ну так плохо же вы смотрите; как бы вы смотрели хорошенько, не допустили бы себя до разорения.

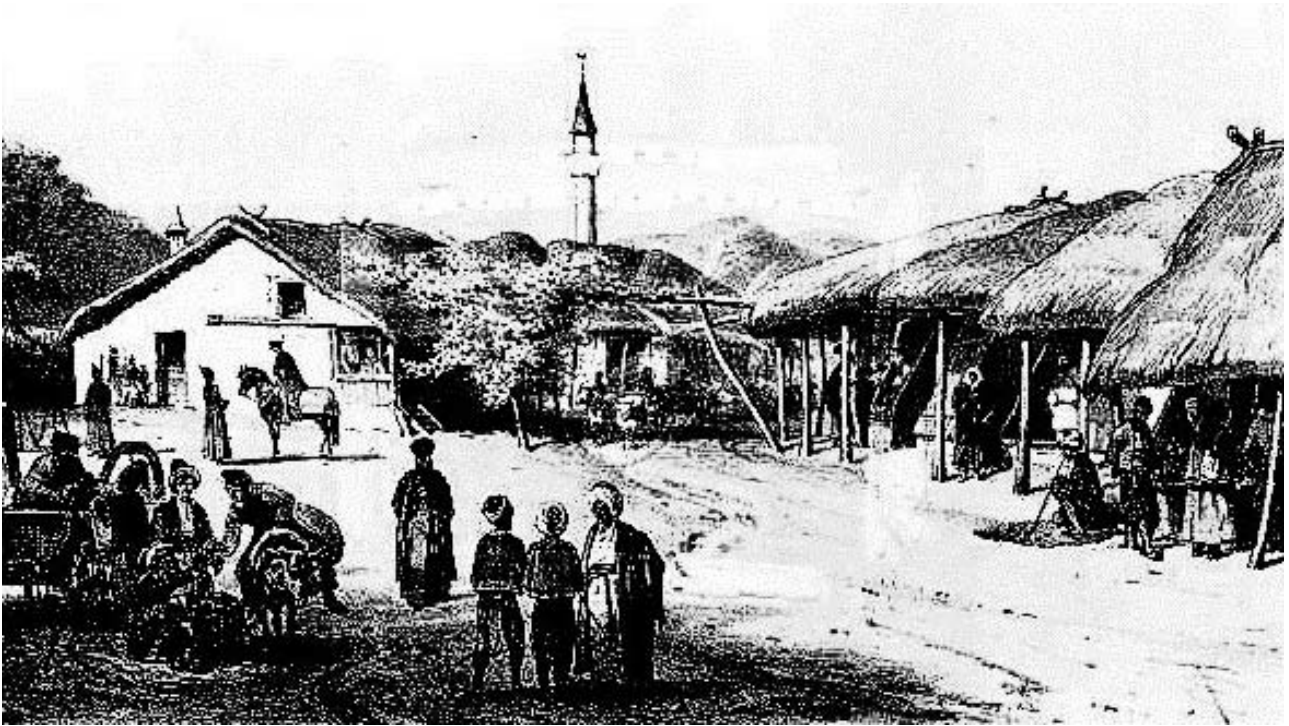
Турки встревожились:

– Докакого разорения? Что такое говоришь ты?

– А разве вы не знаете, что наши приняли греческую веру и согласились с греками делать вам зловредство? Я, жалеючи вас, говорю вам об этом.

Меджлис потребовал, чтоб указаны были главные зачинщики и виновники этого дела. Платон назвал прежде всех Гончарова, потом епископа, священника и диакона. В Славский скит немедленно отправили гаваса⁷ за Аркадием и прочими лицами; тогда же послали приказ в Журиловку, чтобы Гончаров и старики немедленно ехали в Бабадаг. Когда утром 21-го ноября явились они в кунак, меджлис уже был в полном сборе, и только что Гончаров предстал пред лицо этого судилища, как аян отдал гавасам приказ: хапыс он ра! Гончарова схватили и отвели в тюрьму. Не входя в разбирательство дела, туда же приказали отвести

⁷ Жандарма.

Базар в Бабадаге. Грав. XIX в

и <епископа> Аркадия со священноиноком Евфросином и с диаконом, а прочих отпустили по домам, строго наказав, чтобы в следующее воскресенье, 23-го ноября, народ из всех селений явился для суда и расправы. Таким образом этот день, которого журиловцы давно ждали, чтоб отпраздновать освящение своей новой церкви, оказался одним из самых злополучных для епископа и для всего общества некрасовцев, принявших белокриницкое священство; с этого дня начинается для Аркадия и главных его сторонников тяжёлая пора испытаний.

В воскресенье съехались в Бабадаг некрасовцы из Сарыкёя, Славы и Журиловки; приехал и настоятель Славского скита инок Макарий с братией; собралось столько народу, что не могли и поместиться на дворе кунака. Аян приказал гавасам надеть полное вооружение, “аки на некую великую штурму”, по выражению Гончарова. Меджлис в полном составе явился производить суд. Народ разделился на две стороны: на одной стояли сарыкёйцы и славские, не расположенные к белокриницкому священству, на другой – журиловцы и скитские.

Старообрядческие узники Бабадагской тюрьмы: епископ Аркадий Славский, Осип Гончаров, священноинок Евфросин .

Стали допрашивать, кто хочет принять греческую веру, то есть священство от Амвросия, и кто не хочет. Из среды сарыкёйцев выступил вперёд один из самых ярких противников Амвросия, Якушка Тюлень, и зычным голосом провозгласил: “Кто не хочет в греческую веру? Подымай руки!” Весь народ, кроме журиловских и скитских, подняли руки кверху, “даже смотреть было ужасно, – замечает Гончаров, – и яко гром загремел, закричали: не хотим в греческую веру!” Тогда и с противной стороны вышел журиловский церковный строитель Михайла Андреев и также провозгласил: “Кто согласен принять епископа? выходи сюда!” Но едва сказал он это, как был схвачен и отведён в тюрьму к Гончарову. Потом вызвали и прочих главных сторонников “нового” священства, которые подписались на прошении к Амвросию о поставлении епископа: из журиловских ещё Дмитрия Сеткаря, из славских – атамана Викула Карнеева и уставщика Ефима Гапеева; их также отвели в тюрьму. Затем Макарию со славскими иноками велели отправляться домой. Старец Макарий заплакал уходя, и посмотрев на темницу, где заключён был Аркадий с прочими узниками, громко сказал: не бойся, малое стадо, яко Отец ваш Небесный благоизволи дати вам Царство! Турки спросили Тюленя: “Что старик говорит?” Тюлень отвечал: “Это он вашу веру ругает!” Макария велели воротить и отвести в тюрьму, куда пошёл он “с великою радостью и восторгом”. Теперь нужно было как-нибудь кончить дело с народом: хотели именно ото всех получить подписку, что священства от Белокрыницкой митрополии не желают и не принимают. Сарыкёйские и славские готовы были немедленно подписаться; журиловские отвечали, что не откажутся от епископа и священников, хотя бы за них и пострадать пришлось. К ним приступили с угрозами, говорили, что разорят вконец, если не дадут подписей, исключат из казацкого звания, лишат всех казацких привилегий, станут брать харач⁸ и т.п. Журиловцы крепились; однако же их силой заставили подписаться. Этим на первое время и кончен был суд. Сарыкёйские и славские отправились домой с торжеством и долго пировали по случаю победы над противниками: “Хорошо, кабы их там совсем покончили!” – говорили они о посаженных в тюрьму. У журиловцев, напротив, и у славских иноков большое было горе.

На следующий день сарыкёйские и славские старики опять приехали в Бабадаг и явились пред меджлисом. Здесь рассматривали и читали ставленную грамоту Аркадия; на грамоте была греческая подпись Амвросия, и Тюлень показал её туркам в удостоверение, что епископ действительно соединился с греками. Потом рассмотрели вчерашние подписки некрасовцев, обязавшихся не принимать ни епископов, ни попов от Амвросия, и члены меджлиса скрепили их своими подписями. А относительно посаженных в тюрьму постановили содержать их под строгим караулом.

С Гончаровым посажено было пять человек: инок Макарий, Михайло Андреев, Дмитрий Сеткарь, Викул Карнеев и Ефим Гапеев. Место, куда их заключили, представляло замечательный образчик турецких тюрем по маленьким городам. Это была какая-то холодная, смрадная и тёмная конюшня. “Такая была несусветная тьма, – пишет Гончаров, – что даже друг друга в глаза не видать, а теснота такая, что негде даже и поворотиться; огонь светили в ночи и во дни”. К заключённым никого из знакомых и близких не пускали: “Даже кто принесёт хлеба, дондеже⁹ не даст 5 или 6 левов, так не допустят и хлеба подать”. Аркадию с двумя товарищами отвели тюремное отделение несколько почище: “Хоть и Бога не знают, – заметил по этому случаю Гончаров, – а законный чин почитают!”

Семь недель Гончаров с товарищами просидел в этом тяжёлом заключе-

⁸ Налоги.

⁹ До тех пор, пока (ц.-слав.).

нии. Никакие просьбы родных об облегчении их участи не имели успеха: противники, торжествовавшие победу, только глумились над заключёнными. Так однажды Тюлень явился к их жёнам с предложением походатайствовать об освобождении узников; те обрадовались, начали просить его, и дали ему каждая по 30 левов. Тюлень действительно пришёл в тюрьму.

– Что, вы всё ещё сидите? – спросил он.

– Сидим, – отвечали ему.

– Это ты, Макарий?

– Это я, – отвечал инок Макарий.

– Ну, что же, хорошо вам сидеть?

– Нам хорошо, – отвечал Макарий, – не знаю, тебе хорошо ли будет.

– Ну, сидите же, сидите...

Этим разговором Тюлень и расплатился за полученные им десятки левов. Между тем бабадагские власти рассудили, что содержать в тюрьме несколько человек, и в том числе такое значительное лицо, как епископ, нельзя же без сообщения о том высшим чинам. Во второй половине января 1848 года, спустя именно семь недель со времени заключения Аркадия и Гончарова с прочими, они послали донесение Руцукскому губернатору Садык-паше, при чём препроводили и отобранные от Некрасовцев подписки о нежелании иметь “ново-учреждённое” священство, в доказательство того, что лица, содержащиеся под стражей, – единственные и главные виновники заведения у некрасовцев этого нового священства. Тогда же, вероятно из опасения ответственности пред высшим начальством, они облегчили несколько и положение заключённых» (2, сс. 725 – 729).

20. Жалоба журиловцев губернатору.

«Когда журиловские узнали, что дело их послано в Руцук “к апаше”¹⁰, они также отправили туда посольство – хлопотать пред начальством за своих узников и вообще объяснить ему сущность дела. Садык-паша выслушал их, и чтоб исследовать надлежащим образом дело, послал в Бабадаг своего чиновника, который по приезде в город немедленно начал следствие. Бабадагскому чиновнику не по душе было это следствие; но приходилось всё-таки отдать отчёт в своих действиях. В общее собрание меджлиса приглашены были опять сарыкёйские, славские и журиловские некрасовцы. Из показаний членов меджлиса, также сарыкёйских и славских жителей руцукскому чиновнику нетрудно было убедиться, что они действовали без достаточных оснований, по личной только вражде и по злобе на заключённых; единственным законным основанием служили для меджлиса подписки, данные самими журиловцами, что нового священства и они принимать не желают. На это обстоятельство присланный губернатором чиновник и обратил особенное внимание. Он спросил журиловцев:

– Вы жалуетесь, что заключили вашего епископа и другие лица, что не дозволяют вам иметь духовенство, какое вы желаете: зачем же вы сами подписались, что этого епископа и духовенство принимать не хотите?

– Как же нам было не подписаться, – отвечали журиловцы, – когда нам делали разные пристрастия и разными бедами грозили, говорили: коли не подпишитесь, разорим село ваше, и харач платить будете, и разошлём вас по селениям! За то мы и подписались, страха ради неблагополучного события.

– Неправду вы говорите! – закричал, услышав это, один из членов меджлиса, Мустафа.

– Нет, мы говорим сущую правду, – смиренно ответили журиловцы.

¹⁰ Губернатору

– Видно, что вы судили неправильно, – заметил по сему случаю рущукский чиновник, – и людей понапрасну вы тираните.

Этим замечанием меджлис обиделся до крайности; все члены поднялись со своих мест и вышли из кунака. Чиновник остался один. Окончив следствие, он успокоил журиловских стариков, сказав им, что их дело правое. На другой день он вытребовал для допроса троих заключённых: Михаила Андреева, Гончарова и инокка Макария. “Пришли гавасы в тюрьму, – повествует сам Гончаров, – взяли нас и привели к нему. Он когда увидел нас, спросил: «За что вы посажены?» Мы поклонились ему и заплакали слезно. Он нам сказал весьма ласково: «Не бойтесь и расскажите, как дело было». Мы ему рассказали всё подробно. Он нам ещё сказал: «Не бойтесь; я отпишу, что ваше дело справедливо, а сам поеду в Тульчу и там буду ожидать от апаши ответа».

После этого первого следствия журиловцы действительно ободрились и начали усердно хлопотать об освобождении заключённых. Зато сарыкёйцы в союзе с бабадагским начальством напали на них с новым ожесточением и послали начальству в Руцук новые доносы, особенно на скитских иноков¹¹; у себя же поставили правилом: если кто вместе с журиловцами и вообще приемлющими новое священство соединится в молении, не иначе принимать таких в общение как под “третий чин”¹², а кто будет крещён или венчан новыми попами, тех перекрещивать и снова венчать. В этой взаимной борьбе приемлющих и не приемлющих белокрыницкое священство прошло ещё два месяца, пока чиновник, производивший следствие, послал наконец из Тульчи всё дело в Руцук на рассмотрение губернатора. Садык-паша, рассмотрев дело и принимая в расчёт новые доносы от сарыкёйцев, нашёл нужным послать на место другого чиновника, более значительного, Тифтедаря-эфенди, которого снабдил важными полномочиями. Тифтедарь на пути в Бабадаг виделся в Тульче с прежним следователем и имел беседу о деле некрасовцев с тульчинским начальством, которому дело это было довольно известно. Все держались того мнения, что никаких опасных для турецкого правительства замыслов в принятии нового священства со стороны некрасовцев не было и что лица, посаженные в тюрьму, терпят неволю напрасно, только по злобе на них противной партии, не желающей нового священства. Таким образом Тифтедарь-эфенди приехал в Бабадаг, расположенный действовать в пользу журиловской стороны. Он приехал 9-го апреля, в Великий пяток, и немедленно сделал распоряжение, чтобы сарыкёйское, славское и журиловское общества явились для допросов. На другой день, в Великую Субботу, собрался меджлис в полном составе: “Семнадцать чиновников было, кроме простых людей”. Из Сарыкёя, Славы и Журиловки приехали выборные. После допроса и рассмотрения дела Тифтедарь-эфенди сделал определение: всех содержащихся в тюрьме выпустить на свободу. Бабадагское начальство и на этот раз не хотело подчиниться решению присланного губернатором чиновника; сарыкёйские и славские депутаты, с своей стороны, также требовали настойчиво: не освобождать заключённых. Но Тифтедарь, несмотря на всё это, был твёрд в своём решении, и узники были бы немедленно выпущены на волю, если бы не случилось следующее обстоятельство: один из заключённых, Дмитрий Сеткарь, “изнемог от малодушия и ослабел в терпении”, послал сказать сарыкёйцам, что отказывается от нового священства. Сарыкёйцы и бабадагское начальство воспользовались этим обстоятельством и поставили

¹¹ Вследствие этих доносов едва не разрушена была скитская церковь: “Поехали онги (сарыкёйцы) к начальству с сильною клеветой, и были вынуждены начальники приехать вместе с ними в скит к церкви, и хотели церковь разорить. Но видевши отцы стали весьма горько и слезно плакать. Видит начальство их горькое рыдание, умилилось, оставило, – только разорило колокольню” (Гончаров). (Прим. Н. Субботина.)

¹² Приём «от ереси».

его на вид рушукскому чиновнику как доказательство, что и сами заключённые сознаются наконец, что они виноваты. Тифтедарь был приведён этим в недоумение. Приказал привести Сеткаря на кунак: здесь к великому огорчению журиловцев, он объявил, что действительно отрекается от нового священства¹³. Тогда нашли нужным допросить и прочих заключённых: привели на кунак Михайла Андреева и Гончарова. “И стало начальство нас спрашивать: «Вы согласны так, как Сеткарь?» Михайло говорит: «А Сеткарь как положился?» Они говорят нам: «Отрекитесь попов своих, за них же вы страждете, и идите к сарыкойскому (попу) под третий чин; а ежели не хотите, то сопреете в тюрьме». Михайло сказал им: «Люди добрые, не могу я того сделать, чтоб отца своего духовного проклинать!» Видят начальники, что мы не согласны, начали Михайла просьбами и ласкательством просить, ухватя его за руки, и говорят: «Ты только скажи: истемем, а по-русски сказать: не хочу». И более часу просили от него одного слова, но не получили”. Михайла Андреева с Гончаровым опять посадили в тюрьму, и все усилия Тифтедаря-эфенди освободить заключённых после этого не имели уже успеха. “Начало начальство сарыкойцам и славцам говорить: «У вас завтра велик праздник, треба их пустить!» А они говорят: «Не пускайте! Дондеже¹⁴ не проклянут своих попов и не отрекутся, пусть сидят!» Начальник сказал: «У вас праздник велик, надобно отпустить!» А они единогласно кричат: «Не пушай!..» И ту пору был Христакый тульчанский и татарин Абдул, и те, варвары суще, просили их за нас; но они и слухать не хотели, только то и говорят: дондеже не отрекутся епископа, нельзя их пустить!” Несмотря на все свои полномочия, чиновник Садык-паши принужден был от них отступить; уезжая, он однако же дал решительный приказ бабадагскому начальству: выпустить на свободу всех посаженных в тюрьму, а журиловским старикам велел приехать в Рушук, если их дело затянется ещё дольше.

Итак, бабадагским узникам приходилось и праздник Пасхи просидеть в тюрьме. “Когда журиловские старики приехали из Бабы, – повествует Гончаров, – то приложили и себе, и всему миру скорбь на скорбь и плач на плач: ибо все надеялись видеть их (узников) свободными, но когда услышали, что опять посадили их, то вместо радостного торжества нападе на вся плач и рыдание и вопль мног, и от многия печали и туги сердечныя мало кто помнил, что настоящий день праздник есть Пасхи. И когда отпели часы, сказали: «Господа православные христиане! Что же? Будем стараться за наших страдальцев, которые сидят в тюрьме!» Народ услышал это слово, все единогласно сказали: «Согласны не только стараться, но и умирать готовы все за них!» А Федосей Яковлев Воронин сказал: «Господа, я согласен свою голову положить за них!» И так разошлись по домам. Это дело было месяца апреля 8-го (11?) числа 1848 года, на первый день Пасхи. А потом приехали к нам наши старики и рассказали нам, как праздновали и разговелись с горькими слезами и как сказали все, что готовы за нас умирать. Мы, слышавши от них, что мир православных христиан, всё общество не оставило нас в забвении, мало обвеселилися, и яко от глубокого и тяжкого сна, от уныния и печали возбудились (пробудились – В.Н.) и на волю Божию возложились”» (2, сс. 729–733).

21. Освобождение Гончарова.

«Как только прошла Святая неделя, журиловские старики действительно отправились в Рушук “стараться за своих страдальцев”. Услышав об этом, ба-

¹³ Сеткарь после этого был выпущен из тюрьмы, но потом, через неделю, посажен снова, так как на деле отрекаться от нового священства и идти под “третий чин” к сарыкёйскому беглому попу не согласился. (Прим. Н.Субботина.)

¹⁴ До тех пор, пока (ц.-слав.).

бадагское начальство, чтоб избежать ответственности, поспешило исполнить распоряжение Тифтедаря-эфенди об освобождении заключённых. На Фоминой неделе собрался меджлис; призвали Михаила Андреева, Гончарова, инока Макария и объявили им, что они свободны, могут идти по домам, что только епископ, священник и диакон останутся до времени под стражей. Услышав это, старик Макарий сказал начальству: «Если вы нашу священную особу не пущаете, то и я не пойду отселе; я для них хотя воды принесу, или в чём другом послужу им». Но Макария выслали из тюрьмы насильно» (2, с. 733).

Родственник Гончарова кратко пишет в его биографии о вышеописанных событиях: «И ненавидя добра враг диавол, иский всегда погибели роду христианскому, после отъезда митрополитова по некоем времени сделал разврат и мятеж в православных по всем селениям нашим. Журиловка и Камень (сёла) последовали гласу пастыря своего, приняли митрополита Амбросия вторым чином, усвоили его своим верховным пастырем, а сарикёйские и славские (жители) его не приняли и не последовали долгое время; но начали клеветать туркам, якобы журиловцы с Гончаровым присоединились к грекам и взяли от них митрополита и закон их приняли: “и теперь будут с греками вместе худа вам делать, а также и нам с вами”. Турецкое начальство поверило их клеветам: взяли епископа, попа, дьякона и Гончарова и с прочими стариками посадили их в тюрьму.

И просидел Гончаров с ними в тюрьме семь месяцев: не дай Бог никому такого горя терпеть, сколько он принял! Сидел в конюшне в смрадной, и от холода шкура с ног вся слезла – вот какая жизнь Гончарова горькая! А мы тебе, Иосиф Семёнович, со стороны сказываем: терпи Бога ради и переноси с благодарением – Бог тебя не оставит без воздаяния: Он обещал и за чашу студены воды награду.

Потом нас по милости Божией чрез семь месяцев выпустили из тюрьмы. А хотящий узнать, каковый над ними производился суд, то пусть отыщет книгу книгу написанную тогдашнего производимаго действия: составленная самим Гончаровым – и в ней всё подробно увидит» (1, с. 186–187).

22. Перетись старообрядцев и освобождение епископа.

«Между тем журиловские старики лично изложили свою жалобу Рушукскому губернатору Садык-паше. Их показания были согласны с донесением Тифтедаря-эфенди, и потому Садык-паша изъявил готовность им покровительствовать. Но чтобы кончить дело у некрасовцев, живших в империи на особых правах и преимущественно в отношении к религии находившихся в исключительном положении, он не видел иного средства как переписать всех принимающих новое священство и не принимающих, определить таким образом, которых больше по числу и которых меньше – и отделить одних от других. Это поручение он возложил на одного из первых своих чиновников – Амет-эфенди, а в помощники и спутники ему назначил любимца своего – грека Стамакия. Амет-эфенди поехал сначала в Мачин и Тульчу собрать нужные ему сведения, а Стамакий отправился прямо в некрасовские слободы “ревизовать, кто куда согласен”. В Сарыкёе все объявили, что нового священства не принимают: “Хотя и были согласные, но страха ради утаились, да не постраждут что таково, яко же и мы”, – замечает Гончаров; в Славе оказались и согласные, и несогласные на принятие белокриницкого священства; а в Журиловке все решительно, за исключением какого-то Маргульки, объявили себя на стороне епископа и новых попов. Придав этим показаниям законную официальную форму, Стамакий представил их Амету-эфенди, который не замедлил приехать в Бабадаг. Здесь, в полном собрании меджлиса, он объявил, чтоб отныне те, которые не

хотят принимать новоучреждённое священство, предоставили принявшим это священство полную свободу пользоваться им безвозбранно. Между тем, Стамакий, ещё на пути в некрасовские селения, заезжал в Бабадаг и отдал приказание отпустить Аркадия со всеми прочими, которые ещё содержались под стражей, что и было немедленно исполнено.

Таким образом новопоставленный Славский епископ, почти полгода проведший в заключении¹⁵, получил наконец свободу, и дело некрасовцев – сторонников белокриницкого священства – областным турецким правительством решено было в их пользу. Впрочем, и после этого противная партия не успокоилась; недовольная судом областного начальства, она решилась перенести дело на суд верховного правительства в Константинополе, и вожди этой партии с уверенностью говорили, что заводчиков этого нового священства они опять засадят в тюрьму и уморят там» (2, сс. 733–734).

23. Новые интриги раздорников.

Весна и лето 1848 года выдались тяжёлыми для задунайских старообрядцев. Как бы в наказание за междоусобные смуты в это время по некрасовским селениям свирепствовала эпидемия холеры. Было много умерших среди населения всех вер и согласий. Славский скит тоже пострадал: священноинок Ефросин и инок Аркадий Лаврентьевский переболели холерой, но выздоровели; иеродиакон Пахомий и подкеларь инок Макарий умерли от холеры. Неприемлющие белокриницкого священства продолжали осыпать противную сторону угрозами. Требовались новые священники, надо было освятить журиловскую церковь, освящение которой было сорвано арестом епископа. 27 мая совершено было освящение храма с великим благолепием, и на всех это произвело впечатление очень сильное. В Журиловку были рукоположены епископом Аркадием священ-

Город Рушук. Фото XIX в.

¹⁵ С 22 ноября 1847 года по 8 мая 1848 года.

ник Даниил Григорьев и диакон Симеон. Журиловцы писали в Белую Криницу 30 августа 1849 года: «Наша журиловская церковь освящена мая месяца 27-го числа, по освобождении из заключения нашего епископа с причтом и самих нас: она освящена в самое бурное время, когда свирепствовали наши предатели, когда пылало пламя в наших жилищах, — тогда, когда летал меч над головами нашими; она освящена в самое то время, когда воздух наполнен был ветротлением и народ умирал от холеры: в самое то время явился всему миру церковь Христова в нашем селении! По освящении же все бедствия наши аки ветром развеяны быша; народ, видя благолепие несказанное, возревновали все иметь тихое пристанище душам своим...» **(2, с. 736)**. Под этим письмом подписались его автор, инок Аркадий Лаврентьевский, журиловские священник и диакон, а также Осип Семёнович Гончаров, Михаил Андреев, Дмитрий Иванов Сеткарь, Ефим Гапеев и другие пострадавшие от преследований за принятие священства.

Тем временем умер старый Руцукский губернатор Садык-паша, на его место позже был поставлен Сеид-паша, не знавший дела о заключение епископа Аркадия и прочих. Недовольные решением умершего генерал-губернатора, противники белокриницкого священства из Сарыкёя и Славы «громко вопияли, что журиловцы задарили деньгами губернатора Садык-пашу, почему этот последний и решил дело в их пользу, что они пойдут искать правду в Цареграде, принесут жалобу самому султанскому правительству. <...> Выбрали депутатов ехать в Константинополь с жалобой на журиловцев и на неправильное решение их дела руцукским начальством, именно выбрали Ивана Шмаргуна, Якушку Тюленя и Осипа Крученого. Сначала эти депутаты съездили в Бабадаг за советом и наставлениями к тамошнему начальству, у которого постоянно находили поддержку и которое теперь особенно раздосадовано было на журиловцев, потому что за них получило строгий выговор от руцукского Садык-паши. В Бабадаге депутатам вручили жалобу, которую они должны были подать верховному турецкому правительству: бабадагское начальство жаловалось на неправильное решение дела о новоучрежденном некрасовском священстве в областном правлении и требовало подвергнуть наказанию главных заводчиков этого дела, каковыми указаны были епископ, священник и диакон, а из мирян — Гончаров, Сеткарь и Михайло Андреев. Жалобу эту подписали все члены Бабадагского меджлиса и приложили к ней “меджлисскую печать”. На такой смелый поступок они решились вероятно потому, что Садык-паша <...> около этого самого времени умер, и на его место в Руцук ожидался новый генерал-губернатор. Бумаги, которыми бабадагское начальство снабдило сарыкёйских депутатов, придали этим последним ещё больше смелости. Воротясь в село, они с торжеством показывали их своим единомышленникам: “Видите, что мы делаем? Не бойтесь, начальство наше, что захотим, то и будет! Вы только деньги готовьте, а за дело не беспокойтесь: это наша работа!” Денег им собрали (о чём, по свидетельству Гончарова, всего больше и хлопотал Тюлень с товарищами), снабдили всем нужным, и они отправились в Царьград» **(2, сс. 741–742)**.

24. Поездка в турецкую столицу.

Журиловцы решили тоже послать ходатая в Константинополь. Охотником вызвался Осип Семёнович Гончаров. Человек осторожный и предусмотрительный, он принял все меры к тому, чтобы сарыкёйцы не прознали о его намерениях. В биографии его говорится кратко: «Потом, когда Гончаров был выпущен из тюрьмы, то отправился он в Царьград, никто не знал, где он и делся; и там, в Цареграде, он делал дела и высидел семь месяцев, и утвердил султанским величеством своих епископов ни от кого не зависимых, кроме султана» **(1, с. 186)**.

Константинополь. С карт. XIX в.

Профессор Субботин рассказывает об этом подробнее, на основании записок самого Гончарова: «Гончаров отправился сначала в Тульчу, чтобы взять место на пароходе. Здесь, к немалому удовольствию, узнал он, что константинопольские друзья действительно не забыли его: какой-то человек вручил ему записку из Царьграда, в которой извещали, что один важный чиновник, “тайных дел смотритель”, послан из Дивана в Бабадаг, и что ему, Гончарову, непременно нужно повидаться с этим чиновником. Так как оказалось, что чиновник <...> находился в Тульче, то Гончаров решил не упускать удобного случая с ним повидаться. Свидание устроилось, и вот как описывает его сам Гончаров: “Я тотчас пошёл к Саве Иванову Рукавишникову и рассказал ему все дело. Он мне говорит: «Хорошо, мы пойдём с тобою к аяну Сеину». Приходим мы с ним; сказали ему, что мы хотим с приезжим чиновником повидаться; взяли два oka черной икры свежей. Аян нам говорит: «Хорошо, что вы теперь пришли, он идёт к Иванче в гости, и я пойду туда, и все наши старики там будут: мы ваше дело знаем!» И сказал мне: «Неси туда икру!» Сам пошел вперед, а я иду за ним. Приходим мы к Иванче. Чиновник сидит на крыльце: аян подошел к нему, поклонился, и сели оба рядом, а я поклонился и стал, и икру держу. Он глянул на меня, а я заплакал. Аян начал ему рассказывать наше дело всё по порядку, а потом и старики стали рассказывать, а я стою и не могу за слезами и слова сказать. Он приказал Христякию икру от меня принять. И как они ему рассказали всё подробно и заверяли, я не могу измерить, какой похвалы или благодарности достойны от нас за толикое их усердие! После всего сказал мне он: «Казак! Не бойся, вам худо не будет ничего!» Я ему поклонился и пошел.”

<...>Тюлень с товарищами был уже в Константинополе, когда приехал туда Гончаров, и этот последний, чтоб удобнее следить за ними, нарочно остано-

вился на одной с ними квартире, которую отыскать ему было не трудно, так как все некрасовцы, приезжавшие в Царьград, обыкновенно останавливались в одном месте. Здесь, немедленно по приезде, Гончаров навёл о них новые справки. Оказалось, что именно теперь они отправились в Диван подавать прошение, “разувал”. Гончаров пошёл туда же, в надежде встретиться с ними на дороге. Так действительно и случилось. Сарыкёйцы, никак не ожидавшие этой встречи, остановились в изумлении, как только его увидели. “Я подошел к ним, – рассказывает Гончаров, – и поклонился: они стоят и только поглядывают на меня, а ничего не говорят. Потом Крученный стал ругаться: «Зачем тебя принесло сюда?!» – и многими непристойными словами порицал. А я с ними говорю не осердясь, не рвением, но ласково: «Господа, я по своей надобности приехал, вы знаете, сколько я просидел! А так же имею жену и дети – чем-нибудь надобно кормиться!» Тюлень говорит своим: «Нам же лучше, что он сам сюда приехал, его и так прислали бы сюда в терсяню (тюрьму), а то сам приехал!» А я с ними говорю всё ласково.”»

После встречи с земляками Гончаров отправился к знакомому купцу Решид-эфенди, с которым обыкновенно приезжие некрасовцы вели дела, – в надежде на то, что приезжие сарыкёйцы выболтали ему содержание их доноса султану. «Он меня как увидел, – повествует Гончаров, – то у него из глаз даже слезы тронулись; встал он, ухватил меня за руку, стал спрашивать, говорит: “Вы живы!” Я ему сказал: “Слава Богу!” А потом и говорит мне, что “Иван был у меня и рассказывал за вас, что ты их теперь не увидишь, то есть вас. Я у него спросил: почему так? Он мне сказал, что вы с греками соединились верою воедино и для нас худо сделать умыслили, а начальство приказало посадить их, и есть шесть месяцев, как они сидят. Садык-паша много денег взял от них, а наше Бабинское начальство дало нам илям, и послали нас сюда, мы по этому делу и приехали”». «Выслушав это, Гончаров передал Решиду “настоящую правду, как было дело”, рассказал и сколько пришлось высидеть в неволе. “Он весьма рад стал и говорит: «Слава Богу, что Вы живы! Но верь, Гончар, как я услышал, что они говорили об вас, и так мне жалко вас стало, что даже и торговля сделалась не мила!»” – “А не знаешь ли ты, где они разувал писали?” – спросил Гончаров. Оказалось, что Решид-эфенди и это слышал от Ивана и мог действительно сообщить Гончарову, кто писал для сарыкёйцев разувал» (2, сс. 742–744).

На следующий день Гончаров пошёл к «разувальщику» и получил от него за подарок («икру и сухую рыбу») точную копию прошения, написанного им для сарыкёйцев. Гончаров обратился к цареградским знакомым: «Пошел я к своим приятелям, и начали мы прошение читать. Я даже утерпеть не мог, услышавши, сколько они кляззов написали на нас, слезно заплакал; а наши доброжелатели стали меня утешать, – говорят: не бойся ты за это! Взяли и написали прошение против этого, объясняя нас, военному министру, серакир-паше, и послали со мною своего драгомана (переводчика). Когда мы пришли к нему, подал я ему прошение и объяснение, а драгоман ему рассказал всё по ряду, как было дело. Прочитал он прошение, мною поданное, и объяснение, и той час поехал к садразану¹⁶, а нам приказал с драгоманом дожидаться. Часа через два приехал назад от садразана и говорит: “Теперь не бойся ничего; хотя и помер Садык-паша, но на место его будет Сеид-паша, и мы ему дадим особое предписание; а ты напиши своим старикам, чтоб они и епископ поехали к паше непременно”. Я поклонился ему, и пошли.» Немедленно Гончаров написал послание журиловским «старикам» о том, чтобы они непременно повидались с новым генерал-губернатором Сеид-пашой, когда он прибудет в Рушук» (2, сс. 745–746).

¹⁶ Великий визирь (прим. Н. Субботина).

Новообрядческий миссионер пишет: «Кроме того, по просьбе Гончарова и по ходатайству его друзей, Аркадий тогда же признан был турецким правительством в звании епископа, которым дано ему право пользоваться без всякой за то платы: привилегия, какой не имеет ни один из православных (новообрядческих. – В.Н..) епископов¹⁷» (5, сс.32-33).

25. Торжество у Гончарова.

«Свидание с “приятелями” и военным министром происходило 26-го мая. Гончаров имел верное известие, что на следующий день будет совершено в Журиловке освящение церкви; на радостях ему захотелось отпраздновать надлежащим образом это событие и самих “враждебников” сделать невольными участниками празднества. Приготовив обед, купил вина и, приняв смиренный вид, пошёл к Тюленю с товарищами: “Господа! Оставьте вы враждовать на нас и злобиться, давайте мы любовно поторжествуем!” Сарыкёйцы подивились немного, с чего это Гончаров придумал устроить “любовное торжество”; но как великие охотники до подобных торжеств, не отказались разделить с ним трапезу. “И этот день, – замечает Гончаров, – они со мною весьма добры были, возле вина; а моего расположения не знают, по какой оказии я торжествую, – а я того ради, что достойно знаю, что нашу церковь святили.” Впоследствии сарыкёйские ходоки узнали, конечно, эту “оказию” и должны были согласиться, что бороться с Гончаровым было им не по плечу», – пишет профессор Субботин (2, с. 746).

26. Возвращение в Добруджу.

«Прожив ещё несколько времени в Константинополе, по своим собственным делам, Гончаров отправился домой; а сарыкёйские депутаты всё ещё дожидались решения по их жалобе, каждый почти день ходили навещаться в Диване, и всё никакого ответа! Наконец им вручили бумагу для доставления новому Руцукскому губернатору: это было предписание Сеид-паше заняться делом некрасовцев и кончить его примирением обеих враждующих партий. Впрочем, сарыкёйские депутаты совсем не знали содержания полученной ими бумаги. На пути из Царьграда они нарочно заехали в Журиловку, чтобы похвалиться и пострадать журиловцев этою бумагой: “Вот бумага, чтобы ваше дело разорить, а Гончара и Мишку, и Сеткаря, и всё священство пошлют в терсяню!” С такою же похвальбой объявили о своём мнимом успехе у себя дома, в Сарыкёе, на кругу. Потом отправились в Бабадаг, представить бумагу по начальству: здесь сказали, что с этою бумагой им нужно ехать в Руцук, “к апаше”, потому что она адресована на его имя. Сарыкёйцам уж и прискучили эти убыточные поездки в Руцук; но Тюлень с товарищами урезонил стариков тем, что это в последний раз, и больше не понадобится ездить: “Теперь им последнее решение будет, и более им света не видать!” Прочитав предписание из Дивана, Сеид-паша, с своей стороны, велел написать приказ бабадагскому начальству, чтобы позаботились о прекращении раздора между некрасовцами. Опять сарыкёйским депутатам вручили бумагу, и опять они приехали домой хвалиться, что скоро епископа с Гончаровым и другими сообщниками посадят в тюрьму. Оставалось представить бумагу старым приятелям – бабадагскому начальству; но приятели на этот раз ограничились кратким ответом: “пеки, а по-русски: хорошо!” В Бабадаге, очевидно, поняли, что и новый генерал-губернатор не намерен благоприятствовать сарыкёйцам, и что действовать вопреки высшему начальству больше не приходится. Неопределённый бабадагский ответ, само собой разумеется, не

¹⁷ В дополнительном показании, взятом с Аркадия, говорится: «Порта, размотрев дело, признала Аркадия в сане, не требуя за то никакой платы, как это требуется с греческих архиереев. Гончаров входил об этом в совещание с Алионом.»

очень понравился Тюленю с товарищами; но для поддержания своего достоинства он передал его сарыкёйцам по-своему: начальство сказало ему, что через пятнадцать дней епископа и прочих с ним совсем выгонят из Турции! Народ обрадовался; нашлись однако же и такие, которым это известие показалось неправдоподобно: “Напрасно так говорят, – замечали они, – не может этого быть”. Этим неверующим пришлось дорого расплатиться за своё неверие: собран был полный круг, и старики объявили: “Начальство сказало, что чрез пятнадцать дней епископа выгонят из Турции, а некоторые сему не веруют и пререкуют, и народ смущают”. Пререкующих вызвали на средину и спросили: “Вы говорили, что епископа не выгонят из Турции? – Они сказали: Говорили. – Тогда их приказали завалить и плетью сечь”. Тогда же выгнаны были из Сарыкёя три семьи, о которых известно было, что они согласны принять епископа.

Между тем в Бабадаге всё ещё медлили исполнением губернаторского предписания. Это побудило журиловских стариков ехать в Руцук, чтобы напомнить Сеид-паше об окончательном рассмотрении их дела. Губернатор отвечал, что пошлёт в Бабадаг своего чиновника помирить их с Сарыкёйцами. Чиновник, Бин-паша, скоро приехал; по его приказанию бабадагское начальство разослало повестки по некрасовским селениям, чтобы старики и выборные в наискорейшем времени явились на кунак для выслушания окончательного решения по их делу. Старики собрались, и Бин-паша в полном собрании меджлиса объявил сарыкёйцам и славцам, “чтобы до журиловцев и до их священства дела не имели никакого”. – “Наш царь, – прибавил он, – не пытается никого о законе, – кто как хочет, так и молится Богу. И вот я говорю вам: распишитесь с журиловцами в том, чтобы вы один до другого никакого дела не имели, и живите смирно”. Сарыкёйцы, под влиянием рассказов и обещаний Тюленя, никак не ожидали такого решения и крайне смутились; сам Тюлень вздумал сделать Бин-паше возражение.

– Ифендим, – сказал он, – ведь мы и опять найдём ворота в Царьград!

– А! Ты опять поедешь? – крикнул Бин-паша. – А не хочешь ли, я заколочу тебя в железа да отошлю в тюрьму?

Вообще, замечает Гончаров, по случаю угрозы Тюленя начальник так осерчал, “как будто на него кто жаром сыпнул”; а Тюлень, когда услышал о тюрьме и кандалах, притих и “как будто онемел”. Вместе с этим и всё его влияние на общественные дела у сарыкёйцев кончилось.

Объявив решение начальства по делу некрасовцев, Бин-паша потребовал подписок, что та и другая сторона довольны этим решением: “Вы не хотите этих попов иметь, – сказал он сарыкёйским и славским старикам, – так и напишите; а вы, журиловские, напишите, что попов этих держать будете”. Журиловцы немедленно составили приговор и подписались, что судом остаются довольны; но сарыкёйцам всё ещё не хотелось давать подписку. Тогда само бабадагское начальство, прежде так усердно державшее их руку, посоветовало им не упорствовать; аян Решид сказал: “Ну же, подписывайтесь! Полно вам врать!” Скрепя сердце и они подписали приговор, что до журиловских и до священства их никакого дела иметь не будут: только они, ради собственного утешения, внесли в этот приговор условие, чтобы правительство воспретило существование Славского скита. Таким образом дело о “новом” священстве у некрасовцев было наконец разрешено: желающим иметь это священство правительство дозволило беспрепятственно им пользоваться, оградив его вместе с тем от всяких претензий и нападений со стороны тех, которые принять его не пожелали.

“Это было, – пишет Гончаров в заключение своего сказания, – в 1848 году, сентября 14-го числа, на праздник Воздвижения Честного Креста: кончил суд,

отделил журиловцев от сарыкёйцев, чтоб они до нас не имели дела никакого”» (2, сс. 747 – 749).

Зная, что сарыкёйцы просят от турецких властей уничтожить Славский скит – резиденцию епископа и иноческую обитель, – насельники монастыря послали в Рушук ходатая к Сеид-паше, чтобы он не закрывал скита. Епископ Аркадий писал тогда в Белую Криницу: «Наветники наши сарыкойские и славские, когда, паче чаяния их, начальник наше дело решил и священство оставил на месте, тогда они от злобы и зависти обратились на скит и начали наводить безмерную на иноков клевету и на решении дела в том подписались, что до священства дела не иметь, а скит разорить, и бабинское начальство их руку держит, в том подписались и послали апаше (новому губернатору – *Ред.*). И мы после того посылали человека к апаше, и апаша отказал: “Когда слободы и бабинское начальство скиту не хочет, то и я не хочу”. И только велел нам зиму в ските пробыть, а на весну Бог весть, что будет» (2, с. 740).

27. Новое исследование греческого крещения.

Противники белокриницкого священства усердно продолжали распространять среди некрасовцев слухи об «обливанстве» митрополита Амбросия, но сами вовсе не собирались ехать в Константинополь и Энос для проверки, как там совершается крещение на самом деле. Поэтому 8 ноября 1847 года старообрядцы составили некое совещание для окончательного выяснения этого вопроса¹⁸. Сие собрание постановило послать своих представителей в Энос для исследования греческого крещения. Однако печальные события того времени: арест и тюремное заключение епископа Аркадия и прочих с ним – не дали привести этого замысла в жизнь тогда же. Только годом позднее два некрасовских депутата смогли отправиться в путь. Гончаров писал об этом: «В прошлом 1848 году отправились мы, два посланника, в Царьград: Иван Львов Затейкин и Иосиф Семёнов Гончаров, для узнания греческаго закона, точно ли крещён в три погружения господин митрополит Амбросий, который принят в Белокриницком монастыре в нашу христианскую старообрядческую веру под миропомазание. Мы, принявши на себя такую обязанность, приложили самое тщательное старание узнать тонко существо греческаго закона, Бога бояся, дабы в Судный день не пострадать напрасно за чужия христианския души, наипаче же за себя. И как видели мы в Царе-граде у греков и у прочих народов разных вер крещение и богослужение, по долгу христианския нашей совести и по сущей справедливости показуем следующее. Прибыли мы в Царьград 28 декабря прошлаго 1848 года. На квартире¹⁹ стали у грека Ставрия Кесарийскаго; того же 28 декабря были мы в греческой Никольской церкви, и при нас их поп принесённаго младенца мужескаго пола прежде маслом помазал, с приглашением, на каждом члене; потом крестил его, окуная в воду: в первый раз погрузил его в воду с приглашением сим: “Крещается раб Божий Василий во имя Отца, аминь”, – во второй раз погрузил с приглашением сим: “И Сына, аминь”, – в третий раз погрузил с приглашением сим: “И Святаго Духа, аминь”, – и отдал куму на руки. Потом и миром помазал с приглашением: “Печать дара Духа Святаго”. Взем ножницы, постригал власы крестообразно же с приглашением. Видевши мы сие очевидное их трехпогружательное крещение, для лучшаго уверения, по прибытии к Эносскому архимандриту Анфиму, купили Потребник греческий, печатан 1839 года, в котором повелевает на листу 143 крестить младенца в три погружения: во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Св<ятаго> Духа, аминь. В том же Потребнике

¹⁸ Об этом совещании упоминает Гончаров в своём письме, которое в сокращении приводится ниже.

¹⁹ Так в документе – *Ред.*

напечатано о принятии разных вер в греческую церковь, лист 128 и 129, униат, латин, франков и армян: крестить в три погружения за то, что у них в крещении обливают, на опресноках служат и с органами отправляют богослужение. <...> Для лучшего удостоверения ещё купили мы у того же Эносского архимандрита Анфима книгу Симеона Фессалонитского, в которой на 97 странице толкует: что значит трёхпогружательное крещение, и из воды возвожение. На стр. 98 и 99, 100 о принятии латин, лютеран, италианцов и прочих вер, подобных им, и приходящих в греческую церковь повелевает прежде огласить, потом в церковь ходить 40 дней научиться, а потом совершенно крестить за то, что у них обливают. По исполнении обязанности наша и по долгу христианския нашей совести, что видели своими глазами, то и пишем по сущей справедливости. 16 марта 1849 г. Константинополь.

А что действительно в грековосточной церкви действует трехпогружательное крещение, о сем даёт от себя подписку Эносский архим<андрит> Анфим, и пишет следующее: Я ниже подписуюсь, архимандрит Анфим, в том, что я продал две книги св<ятого> Симеона, архиепископа Фессалонитского, пишет о всем догмате греческой церкви, напечатано в 1791 г., о крещении младенцев толкование пространно. Вопрос: на что младенец погружается в воду весь трижды, с приглашением единого лица Св<ятой> Троицы при каждом погружении? Ответ: тридневное воскресение Христова прообразует. Ниже, стр.100. А кто по человеколюбию или за мзду не по закону окрестит младенца иначе, по желанию их, – давший мзду жидовин, а принявший – Иуда; а духовная власть узнает о сем – священник бывает осужден и бывает простолюдин. Дозде. Лист 101 о приходящих в греческую веру от еретиков: франки, латыны, униаты, католики, армяны и подобные сим, таковых совершенно крестить. А в Потребнике греческом, лист 143, о крещении младенцев так пишет: крещается раб Божий Андрей во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Св<ятого> Духа, аминь.»²⁰

Впоследствии сведения, что крещение у греков совершается в три погружения, подтверждались некрасовцами неоднократно. Епископ Аркадий, экзарх некрасовский, писал позже архиепископу Антонию в Москву: «Греки крестят в три погружения и приходящих от великороссийских <вероятно, описка: надо читать: малороссийских – Ред.> губерний, без уважения к России, крестят в три погружения. Сие аз свидетельствую своею душою: имам умереть и на Страшный Суд стати, и сие глаголю и глаголати не престану, дондеже дыхание имам.

Единого грека, лет 22, я и с прочими окружили и начали притворно аки бы укорять, искушая его, что греки в крещении обливаются. Он много с нами спорил; наконец сказал: “Что вы спорите! Меня греки крестили 16 лет!” Родом он из Баната, Австрийской державы. Мы много подивились промыслу Божию, как Он нам привел видети такового человека, который рассказал, как его священник погружал трижды в кадучке с приглашением, якоже подобает.

Один малороссиянин, именем Димитрий, пришел к нам в архиепископию, прося принять его в число жителей. Я ему говорю: “Мы тебя будем крестить”. Он отвечает: “И я знаю, что будете крестить, – я того и желаю; меня хотели и в Афонской горе крестить”»²¹.

Многие из тех, кто поверил слухам об «обливанчестве» митрополита Амбросия, убедившись впоследствии в их ложности и раскаявшись в клевете на него, присоединились к «белокриницкому» священству, в том числе и автор «Сарыкёйского письма» М.И. Кудрявцев, о чём, Бог даст, будет сказано позже.

²⁰ Письмо Гончарова в Белую Криницу иноку Павлу от 16 марта 1849 г. – См.: 6, сс.174 –177.

²¹ Письмо еп. Аркадия, экзарха некрасовского, архиепископу Антонию Владимирскому от 13 февраля 1858 г. – См.: 7, сс. 76–77.

28. Укрепление священства в Добрудже.

Сарыкёйцы продолжали «дышать злобою» на сторонников «белокриницкого» священства, особенно если кто-то оказывался таковым из их среды. Но мало-помалу страсти стали стихать, появлялось всё больше желающих принять это священство в Славе, Тульче, Браиле, так что в начале 1849 года епархия нового епископа была уже обширна и многолюдна. Епископ Аркадий рукополагал священников и диаконов, освящал новые храмы. 10 мая 1849 г. была освящена церковь в Браиле, 20 августа – в Камне (Каркалиу), 28-го – в Тульче, готовилось освящение храма и в Славском скиту. Священноинок Евфросин попросился назад, в Белую Криницу, поскольку теперь в Славской епископии появилось достаточное число священников. Епископ наградил его золотым наперсным крестом и устроил торжественные проводы. В митрополю было послано с ним благодарственное письмо за присылку отца Евфросина, который

*Архимандрит Евфросин
Белокриницкий.
Фото XIX в.*

был возведён митрополитом Кирилом в степень архимандрита (напомним, что о. Евфросин был первым священником, рукоположенным митрополитом Амбросием в Древлеправославной Церкви Христовой).

27 сентября 1850 года епископ Аркадий совместно с епископом Ануфрием (наместником Белокриницкой митрополии) рукоположили во епископа г. Тульчи инока Алимпия (в миру – Абрама Ивановича Векринцева, родившегося в г. Калуге в 1795 году и с 20-летнего возраста ушедшего в Лаврентьевский монастырь в Стародубье, а затем переселившегося в Славский скит). 28 сентября решением собором трёх епископов и прочих священнослужителей Славская епископия была реорганизована в архиепископию, и епископ Аркадий возведён в сан Славского архиепископа.

Старообрядцы желали для упрочения положения своего священства получить официальное его признание султанским правительством. Для этого считали нужным получить одобрительный отзыв о нём местного начальства. Но бабадагские чиновники-турки сохраняли раздражение против сторонников «нового греческого» священства некрасовцев и в положительном отзыве решительно отказали, несмотря на неоднократные обращения просьбою об этом. Тогда Осип Семёнович Гончаров решился, минуя местное начальство, обратиться непосредственно в Константинополь. В марте 1851 г. архиепископ Славский Аркадий писал митрополиту Кириллу: «По сие число у нас всё благополучно. Журиловские депутаты, Михайло Андреев и Иосиф Семёнов Гончаров, по общественному делу находятся в Царе-граде, и между прочим подали прошение министру о нашей архиепископии, дабы правительство выдало нам ферман (указ) на утверждение, и сия просьба пошла по дистанциям. Что будет, Бог весть. К нам в Тульчу назначен паша на управление, кое-му будут принадлежать наши города и все наши некрасовцы: слух имеем, что ему поручено и о нашей архиепископии произвести секретное следствие и потом донести в Царьград, отколь ожидать должно или ферман, или отказ о оном деле.»²²

²² Письмо архиепископа Аркадия Славского митрополиту Кирилу Белокриницкому от 20 марта 1851 года (7, с.10).

Позже инок Аркадий Лаврентьевский²³ сообщал из Славского скита в Белую Криницу: «После трёхлетнего изнурения церкви Задунайской от враждебных раздорников наших, наченшихся от духа безпоповскаго поветрия, начали мы принимать меры о исходатайствовании от Высокой Порты нам фермана, то есть государственнаго указа на наше духовенство, коего ещё не имели не красовцы; а хотя и имели некоторые ферманы, но все они писаны кроме священства²⁴; несколько разов просили мы местное начальство о выдаче нам одобрения в Константинополь к высоким властям, но всё было тщетно. Наконец изъявил ревность нам коренной житель Иосиф Семёнович Гончаров, преобидел все неудобства, аки вторая Иудифь на главу Олофернову, тако и он дерзнул на главу церковнаго раздора. С помощью Самого Бога, без одобрения <местного начальства – *Ред.*>, прибыл в восточную древнюю столицу, в Царьград, начал ходатайствовать у высоких властей, и Богу помогающе, достигнул цели, и возымел вход во все диваны и департаменты, начал дело всем удивительное, вместо одобрения высокая особы были по нём поруками, прошёл все дистанции, достигнул до самого высочайшаго императорскаго престола, вступило дело в государственную канцелярию; не мог он знать императорскаго благоволения; через сорок два дня объявлено ему, что император подписал нам ферман, и выдан он по министерству для надлежащаго окончания, высокая особы, получа его, целовали царскую титулу. На обороте онаго подписаны садразан, второй по царе, и прочия приложили руки к оному. Вручён Гончарову, и он его нам доставил благополучно. Во время производства сего передано было дело сие в греческую патриархию; но Гончаров как только узнал, принял скорейшия меры и истребовал из патриархии; но и сам патриарх отозвался, что это дело ему не принадлежит. По получении мы сего фермана объявили его Тульчинскому каймакану, начальнику пяти городов или уездов; он принял его с великим благоволением, и приказал занести в журнал кадии, то есть прокурора, от слова до слова, ради покровительства наших всех единоверных; предъявили и в нашем городе, называемом Бабадах, и также занесли в журнал; объявлен и в Мачине ради покровительства Каменской церкви священства и самих жителей ея. Копию сего фермана, переведённую в Константинополе французским переводчиком, не в совершенной точности, но с некоторою неясностию, при сем прилагаем и объявляем всем нашим единоверным православным христианам: благоугодно архиепископии Славской, чтобы прочитано было в церквях Каменской и Браиловской и всем христианам до города Ясс; а из Ясс дабы в самоскорейшее время доставили Мануиловским церквям, а из Мануиловки препроводили бы в Белокриницкую митрополию, и дабы вручили своеручно отцу нашему и владыке, высокопреосвященнейшему митрополиту Кириле, и его наместнику владыке Ануфрию и со всем освященным собором и всей Богоподвижной братии; а наипаче трудившимся в сем деле отцем Павлу и Алимпиию. Труд ваш, отцы святии, принёс нам пользу, не точию душевную, но и гражданскую.<...> Вечно благодарим и молим Бога о здравии и спасении трудившагося безмездно раба Христова Иосифа.

Копия с фермана.

Высочайший ферман его императорскаго величества, всех Османских земель самопресветлейшаго царя.

Переведен на русский язык чрез И.П.К., однокровнаго казачьяго соседа и друга...

²³ Письмо архиепископа Аркадия Славского митрополиту Кирилу Белокриницкому от 20 марта 1851 года (7, с.10).

²⁴ Без указания о священстве

Дали мы сей наш ферман Енат²⁵-казакам, которые, ответно сохранившись в земли царства нашего, завсегда жили как верные и благонадёжные подданные наши, так и мы желаем, чтобы и с ними благосклонно обходились, чтоб они под нашим покровительским крилом свободным воздухом в благополучии отдыхали, а посему Енат-казаки пользовались от самодревнейших времён своею собственною, от других не принадлежащею, верою. Желаем, дабы они ныне свободно и в предбудущия времена пользовались, и чтобы никакая другая церковная власть в их церковныя дела не мешалась, имеючи они свое собственное священство. Потому мы повелеваем всем нашим каймаканам и начальникам, дабы нынешний наш ферман в точности и верно исполнен был. Сочинен в великом нашем Диване 1267/1851 года, месяца реджеба (июня).

Здесь подпись его императорскаго величества. А на обороте подписаны вышепрописанные; невмещения ради здесь их места не указаны.

Сие писал и сочинял от слов господина Гончарова и копию с французскаго перевода, по благословению архипастыря нашего, грешный инок Аркадий Лаврентьевский.

Июля 2 дня 1851 года. Архиепископия Славская в благополучии» (7, сс. 13–15).

«Кроме султанского фирмана, Гончаров выпросил у садразана позволение задунайским епископам поставлять священников для русских старообрядцев», то есть на территорию России. В силу султанского фирмана турецкие старообрядцы даже повесили на своих церквах колокола и беспрепятственно производили звон, тогда как подобного права не имела тогда ни одна церковь в Турции (5, сс. 37, 40).

29. Во время войны.

«Жизнь Гончарова» повествует: «Потом начался переговор России с Турциею, в прибытии князя Меншикова покойный султан Меджид требовал его на лицо о делах; а садразаном тогда был Махмет-Али паша, султанская сестра – его жена. Тогда он, Гончаров, и с князем видался, потому что его все министры любили, и вход ему был ко всем свободный.

Когда Россия вступила в Туречину в 1854 году, тогда Гончаров в Царьград ушёл, ибо было на него много кляуз России донесено. И когда он был в Царьграде, приезжали к нему с Франции Мицкевич и князь Чарторижский, меньший сын Владислав и Наполеонов адъютант» (1, сс. 186–187).

В 1854 году началась Русско-турецкая война. Старообрядческое население Добруджи было на казачьем положении, и потому обязано было представить определённое количество казаков на войну. Естественно, на войну шли неохотно, по принуждению. Ещё до начала войны польский авантюрист М. Чайковский (Мехмед Садык-паша) начал создавать полулегальное «Османское казачье войско», к которому старался привлечь и казаков Добруджи, отнесшихся к этой затее без энтузиазма. Теперь же, с началом войны, это «войско» было официально признано турецким правительством, и некрасовцев силой государственной власти обязали поставлять рекрутов в него. «Если формирование казачьего отряда из некрасовцев шло успешно, то, во-первых, потому, что некрасовцы, в силу давних условий с турецким правительством и в силу коренных казацких обычаев, вынесенных из России и завещанных им атаманом Некрасовым, считают себя обязанными в военное время поставлять на службу молодых людей из своего общества; во-вторых – вследствие тех воинственных наклонностей, которыми вообще от-

²⁵ «Игнат, а не Енат, ибо у турок некрасовцев зовут Игнат-казак» (прим. инока Павла Белокрыницкого на копии фирмана).

личаются потомки Некрасовской дружины.²⁶ <...> Составленный из некрасовцев казачий отряд был незначителен по числу людей, а одет и вооружён был довольно плохо...»²⁷ В.И. Кельсиев, живший в Добрудже позже, писал, что Гончаров помогал набирать в отряд некрасовцев не надёжных воинов из старообрядцев, а «всяких забулдыг»²⁸. «Кроме некрасовцев, липован и украинцев, в состав войска были зачислены польские эмигранты», которым «предоставлены были почти все офицерские должности. Они не только без надлежащего уважения относились к традициям “некрасовского и руснацкого” населения, но и безчинствовали, пьянствовали», – пишут современные историки. Польские офицеры насмехались над бытовыми и религиозными обычаями старообрядцев, что вызывало обиды и раздражение. До середины 20-го столетия в памяти некрасовцев ещё сохранялась эта обида на «Османское казачье войско»²⁹. Нежелание староверов воевать за турок впоследствии привело к их выходу из «казачьего состояния» в 1864 году...

С началом войны, пишет проф. Субботин, «турецкое правительство предложило некрасовцам, не пожелают ли они переселиться на время куда-нибудь подальше от театра начинавшейся войны. <...> Правительство делало это приглашение, как и во время прежних войн с Россией, для своего собственного успокоения, желая удалить от неизбежного сношения с русскими людьми, имеющих с ними слишком много родственной связи, и на преданность которых оно, как видно, мало надеялось и теперь. <...> Некрасовцы не обнаружили большой готовности к переселению пред ожидаемым вступлением русских войск в Добруджу; и всего менее расположен был к тому сам архиепископ Славский Аркадий. Но чтобы те семейства, которые изъявили готовность переселиться, не остались во время странствия без высшего духовного пастыря и не имели повода за это сетовать на него, он решился поставить им для них особого, нового епископа. Тогда-то (именно 1-го января 1854 г.), по усиленной просьбе Гончарова, он поставил в архиереи <...> инока Аркадия Лаврентьевскаго, которого при поставлении назвал “епископом странствующих христиан”. Целую зиму прособирались в путь и те из некрасовцев, которые решились бежать от русских. Они тогда только пустились в путь, когда из турецкой армии дано было знать, что русские войска перешли уже через Дунай. Это было в первых числах марта месяца. Турецкий офицер с конвоем солдат прискакал и в Славский скит, чтобы взять архиепископа с двумя другими архиереями и также немедленно выпроводить из Добруджи. Архиепископ Аркадий, как мы сказали, не намерен был оставлять своего постоянного местопребывания; он объявил офицеру, что по причине разных лежащих на нём обязанностей и по слабости здоровья он ехать не может. Но посланный, очевидно, имел относительно Аркадия самые точные и ясные приказания; он не принял во внимание никаких отговорок и требовал непрекословного повиновения. Тогда Аркадий, чтоб избавиться от такого принуждения, употребил хитрость: под предлогом необходимых дорожных сборов он вышел из комнаты и скрылся в одной из отдалённых монастырских келий, где турки не могли отыскать его. Офицеру пришлось отправиться в путь с одним только недавно поставленным епископом странствующих христиан, так как третьего епископа, Алимпия Тульчинского, в Славском скиту в ту пору не было, а находился он по некоторым делам в Тульче, где у него был и собственный дом» (5, сс.45-47).

²⁶ <Архиепископ> Аркадий в Суздале <на допросе>, между прочим, объяснил: «Чайковский, по приказанию султана, вербовал в казаки вольницу» (прим. Н. Субботина).

²⁷ Тот же Аркадий в Киеве объяснил: «К войне поставленные 200 казаков сформированы и снабжены незначительным оружием на счёт общин и учились военному делу сами» (прим. Н. Субботина – 5, с.45).

²⁸ См.: 9, с.265.

²⁹ См.: 10, сс.9, 12.

30. Внезапный арест архиереев.

Русские войска в результате военных действий заняли Добруджу. Профессор Субботин пишет: «Ничего особенно враждебного, действительно, не было замечено во взаимных отношениях между добруджинскими старообрядцами и занимавшими Добруджу нашими (русскими – *Ред.*) войсками, пока одно, прискорбное для старообрядцев, обстоятельство не нарушило этих мирных отношений. Мы разумеем неожиданное взятие и отправление в Россию обоих оставшихся в Добрудже <...> архиереев. <...> <Архиепископ Славский> Аркадий и <епископ Тульчинский> Алимпий показывали своим духовным детям пример тех добрых и мирных отношений к русскому войску, о которых мы сейчас сказали<...> Оба архиерея вели себя в отношении к русским свободно и доверчиво, не скрывая ни своего происхождения, ни своего сана и положения в старообрядческом обществе<...> Когда дошёл до них слух, что некоторые из военных начальников желают посмотреть, как совершают они архиерейскую службу, то на Пасхе Аркадий с Алимпием нарочно ездили в Тульчу и там в присутствии генерала Ушакова и многих русских офицеров совершали литургию. После этого Аркадий просил позволения представиться генералу и поднести по русскому обычаю хлеб-соль. Под предлогом болезни сам генерал к нему не вышел, а поручил взять от него хлеб-соль своему адъютанту. Обстоятельство это несколько смутило Аркадия – внушило ему опасение, которое впоследствии оказалось не напрасным.

Из Тульчи он благополучно возвратился в свой Славский скит; но спустя несколько дней после этого, именно вечером 23-го апреля, в Славу приехал русский штаб-офицер с небольшим отрядом казаков. Остановившись ночевать в доме одного зажиточного старообрядца, Василья Спиридонова, он среди разговора сообщил хозяину, что имеет надобность повидаться с их архиепископом. Спиридонов почувствовал, что это свидание не кончится добром для Аркадия, и ночью же поспешил уведомить его о предстоящей опасности, в надежде, что он воспользуется удобным временем и скроется куда-нибудь. Но Аркадий и на этот раз предпочёл покориться своей участи. Утром офицер действительно явился в скит и пригласил Аркадия немедленно отправиться вместе с ним в Исакчу, для свидания с генералом, который будто бы желает с ним поговорить об одном нужном деле. Аркадий спросил, что он может взять с собой, – и стал спокойно собираться. Тогда же приглашён был в келью епископ Алимпий и также получил приказание немедленно собираться в путь. Офицер приказал ещё позвать иеромонаха Иакова; но Иаков воспользовался удобной минутой и убежал в лес, где отыскать его не могли. Обоих архиереев действительно привезли в Исакчу; но свидания с генералом Ушаковым они здесь не имели, а вместо того, посадили их в приготовленную для каждого тёмную кибитку и отправили в Киев, откуда впоследствии они и посланы в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь (точнее – в казематы монастырской тюрьмы, где епископ Алимпий впоследствии умер, а архи-

Генерал Ушаков А. К. Грав. XIX в.

епископ Аркадий томился до 1881 года. – *Ред.*). Тогда же взят был и отправлен в одном экипаже с Алимпием тульчинский поп Феодор» (5, сс. 49-51).

Новообрядческие миссионеры 19 века пытались объяснить арест некрасовских архиереев нелепым и безразсудным «самоуправством» генерала Александра Клеонаковича Ушакова, однако это не соответствует действительности. Вот что сообщает светский историк того же времени Кудрявцев: «Командовавший войсками нашими в Добрудже генерал Ушаков крайне вежливо обращался с духовенством старообрядческим, давал даже им, как мне рассказывали <в Добрудже – *Ред.*>, обеды. Но, **по распоряжению высшего правительства**³⁰, он отправил чрез несколько времени в Россию двух епископов, Аркадия и Алимпия, и тульчинского попа Феодора<...> Событие это сильно потрясло Добруджу. Его приняли<...> без протеста, но были им сильно оскорблены. “Мало было оскорблений со стороны Садыка и турок, – говорили старообрядцы, – ещё и русские нас обижают”» (17, с. 618).

Арест русскими войсками двух старообрядческих архиереев, пишет профессор Субботин, явился «событием, сильно поразившим некрасовские населения и решительно изменившим их отношение к расположенному среди них русскому войску. Это событие распространило большой страх между старообрядцами и пробудило сильный ропот против русского правительства, ропот, которого только из страха не смели выражать громко; стали жалеть, что не воспользовались предложением турецких властей заблаговременно уйти подалее от театра войны и что слишком понадеялись на родственные чувства русских; некоторые даже теперь, несмотря на явную опасность, решались бежать к своим “странствующим” братьям – бросали всё имущество и на маленьких лодках, с жёнами и грудными детьми, пускались в открытое море, так что англичане, наблюдавшие за ними с своих кораблей, приходили в изумление от такой отчаянной отважности. Особенно встревожилось <...> духовенство: попы, дьяконы, простые монахи бежали в леса и камыши искать себе убежища. Тревога распространилась до самой Белокриницкой митрополии, и здесь не считали себя безопасными <...> <Митрополит Белокриницкий> Кирил извещал Аркадия, епископа странствующих христиан, что его, Кирила, «обдержит недоумение и опасность» и что он помышляет на случай нужды о надёжном убежище» (5, сс. 52-53).

После ареста двух архиереев староверы приняли срочные меры к упрочению своего епископства: «Кроме возвратившегося в Славский скит епископа странствующих христиан, у них явился ещё новый архиерей, третий Аркадий, названный архиепископом Васлуйским и поставленный <митрополитом> Кирилом именно в замену взятых (12-го августа 1854 г.); а взятые и для заграничных, и для русских старообрядцев получили авторитет страдальцев за веру и своею судьбой постоянно напоминали им о долге как можно крепче держаться этой, гонимой в лице их, веры³¹» (5, с. 54).

31. В эвакуации.

«Немногие некрасовские семейства решились отправиться в странствие с <епископом> Аркадием и Гончаровым, который, само собою разумеется, стоял во главе переселенцев, как покровитель и ходатай их пред правительством. <...> Первые переселенцы успели забрать с собой имущество, даже скот и хо-

³⁰ Курсив наш – *Ред.*

³¹ Вскоре после взятия Аркадия и Алимпия <...> явилась составленная в честь их стихера (точнее, духовный стих. – *Ред.*), которая начиналась так: «Приидите братие и сестры, дадим последнее поклонение любимым нашим пастырям, архиепископу Аркадию и епископу Алимпию, се бо от нас отлучаются, и яко птица на небо возлетают» и т.д. (*прим. Н. Субботина*).

зайтвенные принадлежности. Они спустились по Дунаю на больших, приспособленных к морскому плаванию лодках, называемых *поедами*, и направились прямо к Царьграду. Здесь немедленно назначили им место для жительства: Садык-паша <...> уступил для переселенцев один из принадлежавших ему чифликов (хуторов), где они могли удобно расположиться и в продолжение лета заниматься хлебопашеством и скотоводством, а на осень и зимнее время им назначен был для жительства Енос, достопамятный для них, между прочим, как место родины Амвросия: здесь, при лимане, они могли в течение осени с полным удобством заниматься рыбными ловлями, своим обычным ремеслом. К ним присоединилось потом несколько новых выходцев, поспешно бежавших из Добруджи, после взятия архиереев, распространившего такое смятение между некрасовцами. Они принесли с родины печальные рассказы о том, что там происходит, – “как отцы скорбят, како священники кроются, как их ищут, как мир стонет и бежанию время миновало”; а “странников” нашли удобно устроившихся на привольном месте и живших очень спокойно. Заботы султанского правительства о добруджинских выходцах не ограничились одним выбором и назначением удобных мест для их поселения: оно старалось чрез <епископа> Аркадия и Гончарова узнавать об их нуждах и изъявляло полную готовность удовлетворять все их желания, так что, по словам Аркадия, им нужно было только сказать, кому следует, чтобы получить какое-либо место в своё полное владение. Гончаров часто ездил в Константинополь, то по своим делам, то за разными поручениями от правительства; иногда сопровождал его в столицу и Аркадий. <...> Однажды великий визирь пригласил их к себе, чтобы лично осведомиться, хорошо ли им жить и не нуждаются ли в чём-нибудь; милость, которая привела в изумление турок, так что некоторые из них, даже люди порядочные <...>, удивлялись, как стало у Аркадия с Гончаровым смелости на свидание с такою высокою особой, и говорили, что если б их потребовал садразан, они умерли бы со страху. Поблагодарив его светлость за такое внимание и за все милости, оказанные странникам, Гончаров воспользовался случаем, чтобы предложить визирю одну только просьбу о выдаче Аркадию тискаря (паспорта), так как за поспешностью он не мог взять его из местного управления; просьба эта имела для Аркадия немалую важность: вид, полученный от визиря, за неимением ставленной грамоты и даже митрополичьего свидетельства³², мог служить ему на случай документом, удостоверяющим в действительности его епископского сана. Визирь немедленно сделал распоряжение, чтобы тискарь Аркадию был приготовлен, и уверил, что дня через три можно будет получить его. В первый же раз, как пришлось быть снова в Константинополе, Гончаров явился к визирю напомнить о виде для Аркадия, и действительно получил его без всякого замедления из собственных рук визиря, им самим подписанный и скреплённый его печатью.

Во время этой же поездки своей в Константинополь Гончаров удостоился необыкновенных знаков внимания даже со стороны султана, которого случайно встретил на улице. Султан, ехавший в сопровождении многочисленной и блестящей свиты, сам заметил некрасовского атамана, и обменявшись несколькими словами с визирем, велел остановить экипаж, подозвал Гончарова и в ласковых выражениях обещал ему полное своё покровительство. Вообще, положение переселенцев было так удобно и хорошо, что <епископ> Аркадий предлагал даже митрополиту Кирилу убежище у себя на тот случай, если б он увидел своё пребывание в Белой-Кринице небезопасным» (5, сс. 54-56).

³² Вследствие ареста архиепископ Аркадий Славский не успел вручить новопоставленному епископу Аркадию ставленной грамоты (Ред.).

Султан Абдул Меджид,
турецкий император.
Грав. XIX в. с портрета.

По окончании военных действий в Добрудже Осип Гончаров возвратился в свои края. «А по возвращении в дом начали к нему ездить в слободу французский консул из Тульчи и командир парохода в гости: а он всякого принимает и чем может – тем и угощает, и всякому делает уважение по силе своей» (1, с. 187).

32. Попытки освободить архиереев.

Через посредство Гончарова старообрядцы «поднимали несколько раз дело о “заточённых архиереев”, обращались с просьбой о их возвращении и непосредственно к русскому правительству, и чрез посредство правительств иностранных, в той уверенности, что они могут будто бы заставить Россию возвратить <...> их архиереев; прибегали и к

другим не менее бесполезным средствам» (5, с. 58).

Ход военных действий становился более и более для Российской империи невыгодным. «Последовала кончина императора Николая I. Открылись, – пишет профессор Субботин, – переговоры о мире. Всё это – и наши военные неудачи, и неожиданная кончина государя, и невыгодные для России условия Парижского трактата – <...> внушило им (заграничным старообрядцам – Ред.) надежду, что теперь, при помощи турецкого правительства и прочих иностранных держав, не трудно будет возвратить из России взятых в Добрудже архиереев. Гончаров отправился хлопотать по этому делу в Константинополь. Он подал на имя визиря прошение, в котором объяснил, что правительство турецкое имеет полное право требовать от России взятых во время войны, но состоящих в его подданстве <...> архиереев. Ему обещано было, что Порты не оставит дела без внимания и войдёт по этому предмету в сношения с русским правительством, и именно обещано, что дело это может устроить отправляющийся в Россию, для присутствия на коронации государя императора, турецкий посланник. Гончаров питал полную надежду на успех, и чтоб удобнее следить за ходом дела, почти поселился в Константинополе. В конце 1856 г. он извещал своего друга <епископа> Аркадия, что удалось уже возвратить из числа взятых в плен некрасовцев тринадцать человек, и что он надеется вытребовать и пленных архиереев»³³. Такие добрые известия от Гончарова пробудили надежду на скорое возвращение архиереев и во всём старообрядческом населении Добруджи; распространился даже слух, что архиереев привезли уже в Одессу и оттуда в Константинополь. «Но скоро пришло от Гончарова известие, что слух этот ложный, что дело о возвращении архиереев встретило даже некоторые затруднения и, как он ни хлопочет, медленно продвигается вперёд. Впрочем, он не терял ещё надежды на успех и всё поджидал возвращения из Петербурга турецкого посла, от которого надеялся получить точные и решительные известия относительно своего дела. Наконец возвратился из Петербурга и турец-

³³ Письмо <епископа> Аркадия к <митрополиту> Кирилу от 7-го марта 1857 г. «Гончаров в Цареграде пишет, что он из плена вытребовал тринадцать человек, ещё требует шестерых, надеется вытребовать и архиереев» (прим. Н. Субботина).

кий посланник; но привезённые им известия были неутешительны для Гончарова и некрасовцев <...> Тогда Гончаров обратился с новыми настоятельными просьбами о возвращении <архиереев> Аркадия и Алимпия к турецким министрам, и они решились начать дело по этому предмету обыкновенным дипломатическим путём. Действительно, в конце 1857 г. турецкое правительство обратилось к управляющему нашею (Российской. – *Ред.*) миссией в Константинополе, г. Бутеневу, с ходатайством, на основании Парижского трактата, возвратить некрасовцам взятых во время войны их архиереев. От русского министра внутренних дел последовал ответ, что Аркадий и Алимпий, как русские подданные, бежавшие из России, не могут получить позволения возвратиться в Турцию.

С этим ответом Гончаров приехал в Журиловку и, казалось бы, должен был убедиться в совершенной бесполезности всяких дальнейших попыток вытребовать из России своих пленных архипастырей. Но отступать пред такого рода затруднениями <...> вовсе не в характере Осипа Семёновича Гончарова. Он приехал из Царя-града главным образом для того, чтобы посоветоваться о дальнейших мероприятиях по общему делу с <...> епископом Аркадием, дипломатом не менее опытным, как и сам Гончаров. На общем совете они признали за лучшее перенести своё дело на суд Европы, сделать из него в некотором роде международный вопрос. По мнению Гончарова, следовало непосредственно обратиться к главному решителю всех европейских вопросов – императору Наполеону III <...> А прежде следует испытать другие, не столь решительные <меры>. Именно, они решились наперёд обратиться к великому визирю с новым прошением, чтобы он отправил в Петербург особо уполномоченного непосредственно перед самим государем императором. С этою целью и Гончаров, и <епископ> Аркадий вместе поехали в Константинополь. Кроме главного дела, имели они в виду лично ходатайствовать пред визирем о выдаче некоторых необходимых документов, частью утраченных во время войны» (5, сс. 61-63).

Было и ещё важное обстоятельство, по которому они желали иметь личное объяснение с визирем: оно касалось Белокриницкой митрополии и вообще старообрядческого духовенства в Австрии. Дело в том, что в этот период австрийское правительство начало притеснять староверов в Белой Кринице, чуть было не закрыло мужской и женский монастыри. Митрополит Кирил опасался, что его постигнет печальная участь владыки Амбросия, и готовился к возможному бегству к турецким старообрядцам. В июне 1858 года он написал епископу Аркадию, «что вследствие происков России, претерпевая страшные притеснения от австрийского правительства и почитая самое пребывание своё в Белой-Кринице не безопасным, он желал бы переселиться с главными лицами белокриницкого братства во владения султана, в чём и просит у него, Аркадия, помощи. <...> Аркадий и теперь готов был оказать Кирилу желаемое содействие, хотя, по его мнению, сделать это теперь было уже не так легко, как прежде. Он знал, что перейти к ним тайком и жить у них можно всякому: некрасовцы сумеют уладить дело и не выдадут своих; но чтоб открыто перейти в турецкие владения и поселиться там на жительство, особенно такому лицу как митрополит, этого дела он не находил возможным устроить без предварительного дозволения от правительства. Того же мнения был и Гончаров, и потому они общим советом решили не отклонять Кирила с братией от намерения переходить в Турцию, как бы скоро ни представилась к тому нужда, но в то же время заявить об этом их намерении правительству и ходатайствовать пред диваном о формальном дозволении им переселиться в турецкие владения. Это и было, кроме указанных выше, новым побуждением, почему Аркадий и Гончаров почли нужным вместе отправиться в Константинополь для личного свидания с великим

визирем. <...>По пути из Журиловки до Тульчи они заехали в Камень, откуда взяли с собой попа Василья <...> – очевидно для того, чтобы придать более значения своей депутации пред великим визирем. В Тульче 13-го июля они сели на пароход и 15-го приехали в Константинополь». Здесь до представления визирю они прожили четверо суток, а 20-го июля «все три депутата от турецкого старообрядчества были приняты визирем, и как прежде, с наружными знаками полного внимания к ним и готовности исполнить их просьбы. Гончаров прежде всего повёл речь о пленных архиереях – о том, чтобы визирь принял меры к их возвращению; именно, он просил для удобнейшего и скорейшего решения дела послать в Петербург нарочного чиновника с просьбой от старообрядцев и чрез посредство турецкого посланника при петербургском дворе вручить её самому государю императору. Гончаров представил визирю и самую эту просьбу, предварительно заготовленную. Визирь принял просьбу и обещал исполнить всё так, как желал Гончаров. После этого Осип Семёнов<ич> повёл речь о Кириле и прочей белокрыницкой братии, о том, что Россия крайне притесняет старообрядческих архиереев в Немечине³⁴, что вследствие таких притеснений эти архиереи с своим духовенством не видят возможности долее там оставаться и чрез посредство явившихся теперь к его светлости депутатов просят о дозволении переселиться во владения всепресветлейшего султана». Какой-то паша, присутствовавший на аудиенции, немедленно выразил согласие на эту просьбу: “Пусть приходят”, – отвечал он Гончарову; но визирь взглянул на дело несколько иначе. Согласился, чтоб австрийское старообрядческое духовенство переходило в Туречину, «но предупредил и о том, чтобы делалось это осторожно, не гласно, как бы без ведома правительства. На все другие просьбы <епископа> Аркадия и Гончарова визирь изъявил полное согласие» (5, сс. 74-76).

33. Поездка в Майнос.

Митрополит Кирил ещё ранее в письме главе «странствующих христиан» епископу Аркадию просил посетить майноских некрасовцев, не принявших белокрыницкого священства, с целью увещать их примириться со священством. Епископ стал готовиться к этому путешествию, как он сам пишет: «Начал выписывать из Божественных книг нужные для них вещи о церкви, о священстве, что церквям и священству быти до скончания века. Тогда я объявил священнику, и Осипу Семеновичу Гончарову: готовьтесь ехать в Майноз. Осип Семенович, зная их убийственный нрав, стал отговаривать. Я ему говорю, что мне никак нельзя оставить, не бывший в Майнозе. Итак решились приготовляться, и как без него весьма опасно, а он знает весь их нрав и обычай, и как по начальству принять меры ради безопасности; но как г. Гончаров весьма занят делами общественными, не мог быть свободным, дело протянулось. Наступила прошедшая (1854 г. – *Ред.*) осень. Майнозцы разъехались по разным странам рыбалить; прибыли и в наше село («чифлик» – хутор, где жили в эвакуации беженцы из Добруджи – *Ред.*) человек 30, – в сем селе имеется лиман рыбный. Начали они с нами знакомиться. Во один праздник приплыли они в село, пришли к нам человек семь; один начетчик и говорит мне: “Вы за папу Бога молитесь!” Я спрашиваю: “Как мы молим за папу?” – “А вот как: надо после службы петь трижды Господи помилуй, поёте исполайти деспота³⁵! Вот и молитесь за папу³⁶”. Я послал к попу за Потребником, показал в конце, в службе Индикта, когда святитель кончит Евангелие, и дьяки запоют ему: исполайти деспота; кончит архиерей, запоют: слава Тебе Господи.

³⁴ Австро-Венгрии.

³⁵ На многая лета, владыко! (*зреч.*)

³⁶ Беглоповцы Румынии и до сих пор называют белокрыницких «папешниками», хотя уже сами не помнят, из-за чего появилась эта кличка.

Тогда они пришли в изумление, смотрят выход³⁷, замечают лист, и так разбились своими мнениями, час от часу стали сближаться, вместо зверей стали агньцами. Дело приближается к Пасхе, а Георгий (23 апреля – *Ред.*) – срок рыбальству. Говорят: как мы без вас поедем? Кончим рыбальство и вместе с нами поедем, и священство приищем. Вдруг получают с Майноза приказ, чтобы все бросили рыбальство и являлись в Майноз на перемену новых казаков. А сия их перемена продолжалась месяца полтора с великими ругательствами и побоями. Не могу познать <...> Бог ли не благоволил, или по глаголу апостола Павла, рекшему: многажды хотех приити к вам, но возбрани мене сатана» (7, сс. 39–40).

Так и не состоялась в тот год эта поездка. Однако теперь, в 1858 году, после завершения дел в Константинополе, епископ Аркадий и Осип Гончаров постарались посетить и Майнос. Прибыв туда пароходом 25 июля 1858 года, они переночевали на квартире. «Наутро, – повествует владыка Аркадий, – Осип Семёнович пошёл к атаману; объявился и просил атамана, чтобы показали они нам свои книги. Атаман отвечал: посоветуем. Со стороны приходят и говорят, что на кругу, то есть на собрании, сказали, что “книг нам показать нельзя, потому что не дадим ответа”. 2-е, – был у них прежде нас Михайла, дьяк сарыкёйский³⁸, и нашёл у них Служебник Петра Могила³⁹, и тем их укорил, и в Сарыкёи всем рассказал, и сарыкёйцы их укоряли. Осип Семёнович по всем ходил и приглашал: простой народ с большим усердием готовы слушать, но дьяки у них весьма велики, всем духовники, – они не допускали до переговоров, так что и в часовни не пригласили. А народ тем более понял их злобу. Имеют попа – иеромонаха Мельхиседека. Мы спрашиваем: откуда ваш поп? Они говорят: харьковской. Мы говорим, что в Харькове обливанцы. Но они сего не понимают; а дьяки деньги собирают – за свадьбы берут по 10 австр. червонцев, по 8 и по 7. А прочие говорят, что гречин; а иные глаголют, сербин. Итак мы ничего не успели, да и успеть невозможно. Если нива заросла тернием, что успеешь? Надо огня пустить, а потом с трудом и очищать. Во многих возгорелся огонь, начали укорять своих дьяков: зачем вы похоронились, чего ради не говорили от Писания? После нас пошли брани между собой и укору; многие скорбят. Противников – одни пять дьяков, которые колеблют всеми. Если Бог потерпит, после Пасхи надо послать одного инока, а другого мирянина. Итак мы пробыли четверо суток и возвратились» (7, сс. 95,96).

Несмотря на старания епископа Аркадия и Гончарова примирить с Церковью раздорствующих майноссцев, немалая часть майноссских некрасовцев так и осталась сначала на положении «беглопоповцев», а потом не признала и новоявленной с 1923 года «беглопоповской» иерархии – и вообще потеряла священство, превратившись в часовенных безпоповцев, называемых в их среде «хатниками»...

34. По возвращении из поездки.

Возвратившись из Майноса в Тульчу, епископ Аркадий и Гончаров «узнали, что в Браилове ктитор тамошней церкви Семён Семёнов получил из Белой-Криницы письмо, в котором просили его выслать <митрополиту> Кирилу два паспорта, что Семён Семёнов и исполнил: из этого <епископ> Аркадий и Гончаров поняли, что Кирил решил уже дело о переселении в Турцию и что остаётся только ожидать его». В связи с этим они «сделали распоряжение на случай его приезда, именно поручили тульчинскому и каменскому попам, чтоб они, если

³⁷ Год издания книги.

³⁸ Тот самый дьяк Кудрявцев, который раньше безоглядно доверял майноссцам и даже написал по их свидетельству «Сарыкёйское письмо» о мнимом «обливанстве» митрополита Амбросия.

³⁹ Петр Могила – украинский митрополит (XVII в.), проводивший церковную реформу (аналогичную Никоновой) в украинской церкви.

приедет <митрополит> Кирил, выправили для него поповский или иноческий тискарь и посекретнее проводили его в Славский скит.

Но прошло более двух месяцев, а ни Кирил и никто из его братства не приходили. Войнарович и Штокер (чиновники, присланные австрийским правительством с комиссией в Белокриницкие монастыри – Ред.) бдительно следили за Кирилом и за всем, что делается в монастыре; правительство явным образом покровительствовало их <ревизоров> образу действий относительно митрополии; надежды на спасение представлялось мало. Тогда, в этих затруднительных обстоятельствах, кому-то из белокриницких политиков (как надобно полагать, <иноку> Алимпию) пришла в голову та же счастливая мысль, которую давно уже таили между собой <епископ> Аркадий и Гончаров, мысль обратиться к европейскому ареопагу с жалобой на притеснения от России, которая <...> не даёт покоя старообрядцам даже в турецких и австрийских владениях. Он составил в этом смысле и прошение на имя главного из европейских властителей – Наполеона III. <Митрополит> Кирил, с своей стороны, одобрил и мысль, и самое прошение. Но возникал вопрос: как подать прошение? Нашли, что самим подать его невозможно <...> Более способного исполнить такое поручение не находили никого, кроме Осипа Семёновича Гончарова. <...> <Митрополит> Кирил написал <...> письмо к Аркадию, и в это письмо вложил другое на имя Гончарова, с изложением дела и изложением самого прошения. 29-го сентября <1858 г.> пакет со всеми этими письмами благополучно до <епископа> Аркадия, который немедленно отправился с ним в Журиловку к Осипу Семёнов<ич>у: здесь вместе они читали и обсуживали интересные белокриницкие послания» (5, сс. 74-79).

Несмотря на обещания визиря похлопотать через специального посланника об освобождении из Суздальской крепости старообрядческих архиереев, дело это не продвигалось. «Гончаров решился, минуя турецкое правительство, обратиться непосредственно к русскому посланнику в Константинополе с прошением <...> на имя государя императора. Прошение это 7-го декабря 1859 года он действительно вручил русскому посланнику при оттоманском дворе. Оно было препровождено посланником к министру иностранных дел, и ответ на него последовал по-прежнему отрицательный. Гончарову сообщено было, что Аркадий возвращён быть не может, потому что он оказался русским подданным» (5, сс. 84-85).

Время шло, архиепископ Аркадий и прочие продолжали томиться в суздальских казематах. Епископ Алимпий умер в заточении 25 августа 1859 г. Известно об этом задунайским староверам стало только к весне 1860 года. Снова стали подумывать об обращении к Наполеону III за содействием в освобождении архиепископа Аркадия. Тут кстати прихлалась поездка Гончарова за границу, о которой речь впереди...

35. Кружок Герцена и старообрядцы.

Лондонские революционеры-демократы Герцен, Огарёв и их единомышленники с 1860 года стали пытаться привлечь старообрядцев к союзу с собой. С этой целью их молодой сотрудник Василий Иванович Кельсиев выпустил в Лондоне в 1860–1862 гг. книгу «Стоглав» и четыре Сборника правительственных «сведений» и «распоряжений» о «расколе». С середины 1862 г. сам Огарёв стал выпускать специально для старообрядцев газету «Общее вече» – приложение к журналу «Колокол», где не столько писалось о религии, сколько пропагандировалось социалистическое учение.

В конце 1858 г. московские староверы подали правительству прошение об официальном дозволении иметь священство. В ответ был получен категориче-

ский отказ. Некоторые старообрядцы тогда решили обратиться к лондонским «доброжелателям» старообрядчества за содействием в организации в Лондоне старообрядческого духовного центра, с кафедральным собором, духовным училищем и типографией. Епископ Пафнутий Коломенский в ноябре 1861 года выправил в Петербурге паспорт на имя купца Поликарпа Петрова (его мирское имя) и через Берлин и Париж приехал в Лондон. Шесть недель провел епископ в Лондоне, и разочаровавшись в «доброжелателях» – атеистах и революционерах, решил, что их можно использовать только в качестве издателей старообрядческих книг, но в других делах с ними не участвовать. В феврале 1862 г. епископ Пафнутий уже был в Москве.

Лондонские революционеры послали Кельсиева в Москву для обсуждения планов с московскими благотворителями. Епископ Пафнутий уклонился от встречи с ним. Уставщик Семён Семёнович встречался с Кельсиевым, но об учреждении кафедры в Лондоне говорил, что это трудно осуществимо и опасно; он вручил Кельсиеву для напечатания в Лондоне одно старообрядческое сочинение, но в последствии московские старообрядцы попросили его не публиковать под тем предлогом, что оно требует исправления.

В феврале 1862 г. российскими епископами было издано «Окружное послание», завещающее молиться за царя как Богоданного монарха. Это было неприятно для лондонских агитаторов. Видя, что у российских старообрядцев они не находят поддержки, лондонские пропагандисты решили привлечь на свою сторону заграничных старообрядцев. Близкий к герценовскому кружку князь П.В. Долгоруков, живший в Париже, прислал митрополиту Белокриницкому Кирилу два письма, в которых предлагал сотрудничество. Он просил присылать ему сведения о притеснениях староверов в России для публикации их в издаваемых им газетах. В ноябре же 1862 г. Кельсиев написал письма к Георгию Андреевичу, сыну митрополита Амбросия, письма о том, что лондонская группа борется за свободу вероисповеданий и предлагает старообрядцам свою помощь. Позже подобное письмо послано им и секретарю митрополии архидиакону Филарету, с приложением посылки с лондонскими изданиями. Правительственные чиновники Австрии посылку перехватили и пригрозили архидиакону Филарету тюрьмой в случае, если он будет сотрудничать с «русскими из Лондона». Тот послал в Лондон письмо с отказом от сотрудничества. В 1864 г. старообрядческие архиереи опубликовали Архипастырское послание, в котором запрещали старообрядцам вступать в любые сношения с польскими повстанцами и лондонскими агитаторами и внимать их пропаганде.

Герценовская группа попыталась тогда наладить сношения почтой с задумываемыми старообрядцами, но посылки либо перехватывались, либо досматривались. Поэтому было решено послать лично Кельсиева на жительство к клипованам. «Из Лондона он переселился в турецкие владения со всем семейством – с женою, маленькою дочерью и младшим братом Иваном, который незадолго

Огарёв и Герцен. Фото XIX в.

Кельсиев В.И. Грав. 1860-х гг.

перед тем успел бежать из России, где приговорён был по суду к тюремному заключению за возбуждение студентов к уличным беспорядкам. В Константинополе Кельсиев имел свидание с Гончаровым, который <...> радушно предложил ему пожить в его родной Добрудже. Кельсиев действительно переселился в Тульчу, откуда нередко <на>езжал в Славский скит, резиденцию епископа Аркадия⁴⁰, а Иван Кельсиев, как человек холостой, и жил довольно долго в епископии» (5, с. 157).

Василий Иванович Кельсиев был человек довольно гордый и самовлюблённый, с претензиями на славу великого психолога и педагога. Общаясь с «простоватым», по его мнению, Гончаровым, он пытался «во благо демократии» психологически манипулировать им и считал, что это ему удаётся, о чём весьма хвастливо писал Герцену, провожая Гончарова

в Париж и Лондон. Приведём это письмо, в сокращении, как иллюстрацию взаимоотношений Гончарова и Кельсиева в начале их знакомства:

«Четверг 11 июня/30 мая 1863. Константинополь

С пароходом, который повезёт это письмо, отправляется в Марсель Осип Семёнович Гончаров. Он будет в Париже, а по всей вероятности и в Лондоне; но крайней мере, я надеюсь, что убедил его предпринять это путешествие именно для свидания с вами. В Париже он побывает у А. Замойского⁴¹, у Калинки⁴², у Коссиловского⁴³ — хорошо бы вам было написать им, чтоб и они натолкнули его на поездку к вам. От свидания его с вами я жду огромных результатов. Я его подготовил к пониманию наших вопросов, сколько мог, т. е. из последователя польских идей сделал его приверженцем земского собора, «золотой воли»⁴⁴ и т. п. Эти идеи для него новы, но он начинает их понимать и начинает им сочувствовать, — свидание с вами довершит мою работу, что будет чрезвычайно выгодно для общества «Земли и воли». Надо слышать отзывы об нем старообрядцев, чтобы оценить его страшное влияние. Без него не обходится ни один собор, ни один богословский или житейский вопрос. Если он примкнёт к обществу, все передовые люди примкнут к нему. Вы сами увидите его — и, поговоривши с ним, поймёте эту личность. Но вот вам на всякий случай мои наблюдения, которые могут вам пригодиться. Гончар — ум по преимуществу практический, мало склонный к абстракциям; разговор с ним об исполнении чего-нибудь легче, чем рассуждение о годности или негодности каких-нибудь учреждений. Он взялся распространять ваши издания, не спрашивая, что вы проповедуете, и если в чем недоволен на вас, так это, что вы не высылали ему книг и журналов для продажи. Сегодня он вздумал расспрашивать меня о Долгоруком⁴⁵ и о Баку-

⁴⁰ В Тульче Кельсиев нашёл себе должность переводчика при кунаке (присутственное место).

⁴¹ Граф Андрей Замойский — один из видных представителей аристократического крыла польского национализма. В начале польского восстания был выслан русским правительством за границу и поселился в Париже.

⁴² Валериан Калинка — польский историк, секретарь Чарторыйского.

⁴³ Коссиловский — бывший офицер русской армии, был тесно связан с главарями польской аристократической эмиграции, субинспектор польской Батиньольской школы в Париже.

⁴⁴ «Золотая воля» — лозунг, который пропагандировали герценисты в начале 1860-х годов: «настоящая» воля для крестьян, а не реформа 1861 г.

⁴⁵ Князь Петр Владимирович Долгоруков одним из первых среди деятелей политической эмигра-

нине⁴⁶ — я рассказал ему, в чем мы не сходимся с ними. Гончар выслушал внимательно и заключил сожалением, что умные люди не могут сойтись. Словом, это мешок — что положишь, то и несёт, и в этом отношении он человек весьма драгоценный. Ему надо задать работу, предоставив подробности исполнения на его собственный произвол, — и он исполнит отлично.

Польское влияние на него теперь прекратилось, как вы и сами увидите; кроме нашего, другого нет, да и не предвидится, — стало, надо ковать железо, пока горячо, тем более что поповцы считают его каким-то Маццини⁴⁷, политических дел мастером, и без его совета едва ли решатся на какой шаг, особенно заграничные. Одна Москва не совсем зависима от его влияния, что для нас очень невыгодно<...> Но несмотря на это возбуждение деятельности и самостоятельности в России, значение Гончара всё-таки остаётся огромным и почти равняется вашему. Обстоятельство это Гончар знает и очень благоговееет перед собой — выслушайте его рассказы, и вы увидите, как он смотрит на самого себя. Грешный человек, признаюсь, *я пользовался и пользуюсь этой слабой струною старика и наигрываю на ней с большим успехом*. Я с участием выслушиваю его жалобы, не спорю с ним ни в чём, не пускаюсь в противоречия, а между тем до сих пор делал и делаю из него всё, что нужно. Приобретению его для нашего дела я придаю огромную важность и именно поэтому очень бы желал, чтоб он съездил к вам. Но не забудьте, что здесь, в Турции, существует в неприкосновенности старое гостеприимство, что поляки Замойский и Чарторыйские⁴⁸ избаловали его своей дружбой, что Гончар ищет связей с важными и влиятельными людьми. Познакомьте его с стариком Маццини, с m-me Швабе⁴⁹; если можно покажите его, как диковину, Кобдену⁵⁰, Мильн-Эдвардсу⁵¹, Стансфельду⁵² и кому знаете; он любит рисоваться. *Я вперед уверен, что он выйдет от вас совершенно очарованный вами, т. е. исполнителем каждого вашего предписания*, и будет хвастаться знакомством с вами, как до сих пор хвастался Замойским и Чарторыйским; и если я вам указываю, чем бы вы могли окончательно завоевать его, то это только как роскошь ваших действий относительно его. Хитёр и осторожен он свыше всякой меры, но ласковое слово имеет на него неотразимое влияние, и под его влиянием он становится и доверчив, и откровенен. Этот раз он приехал сюда сердитый на меня, с целью намылить мне голову за Разноцветова⁵³, но теперь мы помирились, и он опять поверяет мне свои секреты. О Поликарпе⁵⁴ ему ни слова. Я вижу, что он знает об нём, потому что он мне каждый раз задаёт об нём вопросы, но я ему нарочно не говорю ничего, чтобы он понял, что и я с ним хитрю, чтобы доставить ему удовольствие подумать, что его не проведут. О способе моей пропаганды он сам расскажет: я ничего ни ему, ни другим не проповедую во имя общих идей, во имя разума — я допрашиваю его об старине, об их порядках, выпытываю, что ему особенно нравится в наших народных учреждениях, и затем, осмысливая ему эти порядки и учреждения, возвожу их в принцип и даю как догмат. Эта система

ции, в политических целях, предпринял шаги для связи со старообрядцами белокриницкого согласия. Гончаров, ввиду умеренности взглядов Долгорукова, по-видимому, больше дорожил контактом с ним, чем с Герценом. ⁴⁶ Михаил Бакунин — русский революционер, основоположник анархизма.

⁴⁷ Мадзини — известный политический деятель того времени.

⁴⁸ Владислав Замойский и Владислав и Витольд Чарторыйские — видные пред ставители польской аристократической эмиграции в Турции. Они были противниками народного движения и ориентировались на интервенцию западных держав.

⁴⁹ Мадам Швабе (полная фамилия — Салис-Швабе) — лондонская приятельница семьи Герцена.

⁵⁰ Ричард Кобден — английский текстильный фабрикант, политический деятель, либерал.

⁵¹ Анри Мильн-Эдвардс — французский ученый-естествоиспытатель.

⁵² Джемс Стансфельд — английский политический деятель, либерал, член Палаты общин. В 1863 г. он был лордом адмиралтейства.

⁵³ О Разноцветове см. ниже в том же письме. ⁵⁴ То есть о контактах герценистов с еп. Пафнутием Казанским, о чём написано выше.

действует довольно удачно и имеет то преимущество, что народу кажется она своею, простою, божескою. Я испытал эту систему на Гончаре и на многих других, словесно и письменно. (Заметьте, что Гончару я почти не открываю моих связей, хотя и знаю, что ему всё будет известно, что мимо его ничто не пройдёт — своим мнимым недоверием я завоевываю его.)

Вообще, мне кажется, что его приезд и его личность должны сильно, заинтересовать вас. Он вам откроет совершенно новый и любопытный мир идей и быта и освежит вас.<...>

С Гончаром чуть не вышло у меня раздора, т. е. я чуть не потерял его уважения, вследствие одного случая, которым я, впрочем, в глубине души весьма доволен. Не с кем было мне послать в Тульчу огромную пачку прокламаций, «Колокола» и письма: в подобных случаях я обыкновенно обращался к Иордану, а он отдавал посылки какому-нибудь поляку, который едет в Тульчу. На беду или на счастье — уже и решить не умею — попала моя посылка некоему Разноцветову, добруджскому казаку, человеку, испивающему по три бутылки коньяку в день, но пьяным никогда не бывающему; это человек взбалмошный, забуддыга, удалой малый и личный враг Гончара. Любопытно стало ему, что у него за посылка, он её распечатал и нашёл сотни три «Слушной поры»⁵⁵. «Слушная пора» пришлась ему по вкусу, он возьми да по всем кабакам в Тульче и прибайлей её — поймите, какая катавасия из этого вышла. Народ смутился и, как говорит Гончар, стал роптать, что его тревожат до поры до времени, что ещё рано и т. п. А Разноцветов между тем объявил во всеуслышание, что он имеет поручение от «Земли и воли» собирать народ и вести его на Москву — учреждать земский собор. Нацепил он на себя саблю, сел на коня да и давай разъезжать по Тульче воеводой. Все это творилось на Святой <седмце Пасхи>, спяна, но волнение пошло большое, и листы наши распространились отлично. На счастье моё, письма, которые были в этой посылке и которые Разноцветов тоже распечатал, не содержали в себе никаких указаний, а одну догматику нашей проповеди. Но Гончар страшно рассердился на меня за эту штуку; приехал сюда очень надутый, долго делал мне намеки и укоризны, но теперь снова помирились и опять секретничаем. Он вам сам расскажет всю эту историю, а она наделала было мне страху, потому что грозила подкосить их доверие ко мне.

<...> Прощайте, крепко обнимаю вас.

P.S. Гончар явится к Чернецкому» (**11, сс. 172–178**).

Действительно, тогда Гончаров собирался ехать во Францию, чтобы ходатайствовать перед французским императором о помощи в деле освобождения архиепископа Аркадия из заточения в Суздальской крепости. По настоянию Кельсиева, побывал он и в Лондоне у Герцена, но результат этого визита был совсем иным, нежели предвкусил самоуверенный Кельсиев...

35. Аудиенция у Наполеона III

Старообрядческая биография атамана Некрасовцев сообщает: «Потом Гончаров вознамерился побывать во Франции для коммерческих дел: консул и комендант парохода ударили в Марсель депешу, чтобы его принял граф Замойский в Марсели. Он его встретил и ударил депешу Чарторижскому в Париж, и в Париже его встретили, как следует, дали ему квартиру и переводчика. Вдруг прибыл к нему князь Гагарин и Мартынов, потом приехал к нему Петр Владимирович Долгоруков, последи приехал Браницкой.

А потом присылает письмо (с) Чарторижским иностранных дел министр Бени (Тувенель) с великою непременною просьбою, чтобы прибыл к нему Гончаров в первом часу.

⁵⁵ «Слушная пора» — название одной из пропагандистских листовок герценистов.

Он, дождавшись часа, явился к нему, разговаривали с ним; потом этот министр Тувенель доложил императору Наполеону, он его потребовал на лицо.

И Гончаров явился к нему немедленно, где был принят ласкою и вопрошал его император: «Как живёте в Турции?» – и о прочем спрашивал. Потом приказал Наполеон, чтобы Гончарову все древности показали. И по его приказанию всё ему было открыто» **(1, с. 188).**

Епископ Аркадий Славский сообщал в Белую Криницу 13 июля 1862 года: «Господин Гончаров был в Париже и лично подал Наполеону прошение о заточённом архиепископе» **(7, с. 160).**

«Когда состоялась аудиенция у императора и нужно было отправляться из Парижа, то, по рассказам Гончарова, не менее тридцати экипажей провожало его на станцию железной дороги, и провожали всё такие важные господа, что Гончаров, путешествующий обыкновенно в вагонах третьего класса, дабы не посрамить себя пред ними, взял, скрепя сердце, билет на место первого класса. Относительно беседы с Наполеоном от Гончарова слышали, что он имел речь с властителем Франции о друге своём <епископе> Аркадии Славском <...> Наполеон пожелал иметь портрет Аркадия. По сему случаю Аркадий действительно ездил нарочно в Константинополь, чтобы сняться в лучшей из тамошних фотографий, и великолепный портрет, изображающий его в полном архиерейском облачении, препровождён был к новому державному покровителю» **(5, с. 87).**

36. В Лондоне у Герцена

Герцен вспоминал о посылке Кельсиева к турецким старообрядцам: «Потаскавшись в Турции, Кельсиев решил поселиться в Тульче; там он хотел учредить средоточие своей пропаганды<...>, школу для казацких детей и сделать опыт общественной жизни, в которой прибыль и убыль должна была падать на всех, чистая и нечистая, лёгкая и трудная работа обделываться всеми. Дешевизна помещения и съестных припасов делали опыт возможным. Он сблизился с старым атаманом некрасовцев, с Гончаром, и вначале превозносил его до небес. Летом 1863 подъехал к нему его меньшей брат Иван, прекрасный, даровитый юноша. Он был по студентскому делу выслан

*Наполеон III.
Гравюра XIX в.с портрета.*

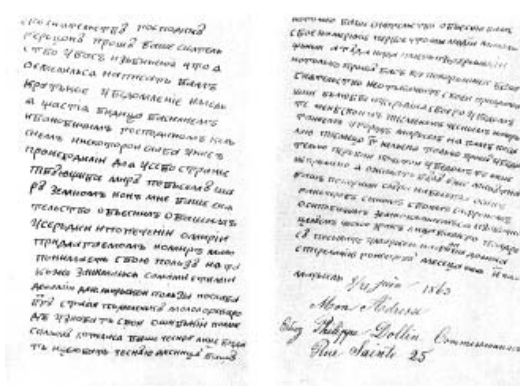
*Епископ Аркадий,
экзарх Некрасовский. Фото XIX в.*

Герцен А.И. Фото XIX в.

Лондонская улица. Фото XIX в.

Письмо О.С. Гончарова Герцену
(Марсель, 9 июня 1863 г.).

из Москвы в Пермь, там попался к негодяю губернатору, который его теснил. Потом его опять вызвали в Москву для каких-то показаний – ему грозила ссылка далее Перми. Он бежал из частного дома и пробрался через Константинополь в Тульчу. Старший брат был чрезвычайно рад ему, он искал товарищей и, наконец, звал жену, которая рвалась к нему и жила на нашем попеченье в Теддингтоне. Пока мы её снаряжали, явился в Лондон и сам Гончар.

Хитрый старик, почуявший смуты и войны, вышел из своей берлоги понюхать воздух и посмотреть, чего откуда можно ждать, то есть с кем идти и против кого. Не зная ни одного слова, кроме по-русски и турецки, он отправился в Марсель и оттуда в Париж. В Париже он виделся с Чарторижским и Замойским, говорят даже, что его возили к Наполеону; от него я этого не слыхал. Переговоры ни к чему не привели, – и седой казак, качая головой и щуря лукавыми глазами, написал каракулями семнадцатого столетия ко мне письмо, в котором, называя меня "графом", спрашивал, может ли приехать к нам и как нас найти.

Мы жили тогда в Теддингтоне – без языка не легко было добраться до нас, и я поехал в Лондон на железную дорогу встретить его. Выходит из вагона старый русский мужик, из зажиточных, в сером кафтане, с русской бородой, скорее худощавый, но крепкий, мускулистый, довольно высокий и загорелый, несёт узелок в цветном платке.

– Вы Осип Семёнович? – спрашиваю я.

– Я, батюшка, я... – Он подал мне руку. Кафтан распахнулся, и я увидел на поддёвке большую звезду – разумеется турецкую, русских звёзд мужикам не дают. Поддёвка была синяя и оторочена широкой пестрой тесьмой, – этого я в России не видал.

– Я такой-то, приехал вас встретить да проводить к нам.

– Что же ты это, ваше сиятельство, сам беспокоился... того?.. Ты бы того, кого-нибудь...

– Это уж оттого, видно, что я не сиятельство. С чего же, Осип Семенович, вы выдумали меня называть графом?

– А Христос тебя знает, как величать –

ты небось в своем деле во главе стоишь. Ну, а я – того, человек тёмный... ну и говорю: граф, то есть сиятельный, то есть голова.

Не только оборот речи, но и произношение у Гончара было великорусское, крестьянское – как у них в захолустье, окруженном иноплемениками, так славно сохранился язык, – трудно было б понять без старообрядческого мирщенья. <...> Никакое чужое влияние не переходило за их частокол.

Гончар прожил у нас три дня. Первые дни он ничего не ел, кроме сухого хлеба, который привез с собой, и пил одну воду. На третий день было воскресенье; он разрешил себе стакан молока, рыбу, варенную в воде, и, если не ошибаюсь, рюмку хереса.

Русское себе на уме, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человека, привыкшего с детских лет к полному бесправию и к соседству сильных, к врагам, долгая жизнь, проведённая в борьбе, в настойчивом труде, в опасности, – всё это так и сквозило из-за мнимо простых черт и простых слов седого казака. Он постоянно оговаривался, употреблял уклончивые фразы, тексты из Священного Писания, делал скромный вид, очень сознательно рассказывая о своих успехах, и если иногда увлекался в рассказах о прошлом и говорил много, то, наверное, никогда не проговорился о том, о чём хотел молчать.

Этот закал людей на Западе почти не существует. Он не нужен, как не нужна дамаскирная сталь для лезвия. В Европе всё делается гуртом, массой; человеку одиночно не нужно столько силы и осторожности.

В успех польского дела он уже не верил и говорил о своих парижских переговорах, покачивая головой.

– Нам, конечно, где же сообразить: люди маленькие, тёмные, а они вон поди как, – ну, вельможи, как следует; только эдак нрав-то лёгкой... Ты, мол, Гончар, не сумлевайся: вот как справимся, мы и то и то сделаем для тебя, например. Понимаешь?.. Ну, всё будет в удовольствии. Оно точно, люди добрые, да поди вот, когда справятся... с такой Палестиной.

Ему хотелось разузнать, какие у нас связи <...> и какие опоры в крае; ему хотелось осязать, может ли быть практическая польза в связи старообрядцев с нами. В сущности для него было всё равно – он пошел бы равно с Польшей и Австрией, с нами и с греками, с Россией или Турцией, лишь бы это было выгодно для его не-

*Осип Семёнович Гончаров.
Грав. XIX в.с фотографии.*

*Н. А.Тучкова-Огарёва.
Фото XIX в.*

красовцев. Он и от нас уехал, качая головой.

Написал потом два-три письма, в которых, между прочим, жаловался на Кельсиева, и подал вопреки нашего мнения адрес государю» (13).

Н.А.Тучкова-Огарёва, жена друга Герцена, также оставила воспоминания о той поездке Гончарова в Лондон. «В Теддингтоне, – пишет она, – однажды Герцен получил из Парижа русское письмо на клочке бумаги, очень нечётко и странно написанное, в котором было сказано, что такого-то числа Гончар, начальник некрасовцев, будет на Дуврском дебаркадере для свидания с Александром Ивановичем, которому Гончар желает здоровья и всех благ земных. Герцен понимал, что Гончару<...> будет трудно в нашем доме относительно пищи, и потому велел Жюлю сделать обед преимущественно из свежей рыбы, омаров и пр.

На следующий день в назначенный час Герцен поехал в Лондон на дуврский дебаркадер и там встретил Гончара; они тотчас узнали друг друга. Гончар, может быть, видел фотографические карточки Герцена, но последний не видал, конечно, карточек Гончара.

Вечером они прибыли в Теддингтон. Гончар был небольшого роста, лет пятидесяти на вид, некрасивый, украшенный турецкими орденами. Он был очень сдержан и малоречив, особенно в первый вечер. В его чертах соединялось выражение добродушия и хитрости; можно было поручиться, что этот человек никогда не проговорится. Небольшие серые глаза его были исполнены ума и некоторого лукавства. Он скоро привык к нам и стал разговорчивее. В оборотах его речи было что-то восточное.

Сначала мы посидели немного в гостиной; скоро Огарев вернулся с обычной прогулки; ждали только его появления, чтобы подать обед. Горничная положила, что суп на столе. Мы перешли в столовую и сели за стол, но бедный Гончар с брезгливостью <...> поглядывал на постные блюда.

И наконец решился выпить стакан молока с белым хлебом. В продолжение всего его пребывания в Теддингтоне молоко и хлеб были единственной его пищей. Впрочем, он казался очень равнодушен ко всему материальному. Он не говорил, зачем приехал, даже наедине с Герценом, но последний понял, что Турция начинала теснить некрасовцев, и они желали бы <...> получить поддержку <...>, и желали убедиться, располагает ли партия Герцена какой-нибудь материальной силой, или нет. Конечно, Герцен никого не обманывал и не преувеличивал своё влияние в России, и Гончар мог убедиться, что ничего особенного не могло выйти из его поездки. Но всё-таки он был доволен узнать русского, о котором поминалось иногда в газетах всей Европы и которого политические изменения могли выдвинуть легко вперед.

Меня, как хозяйку дома, Гончар называл постоянно "старухой", хотя в то время мне не было и тридцати пяти лет. Он был очень дружелюбен ко мне и к детям. Когда он пожелал идти в русскую типографию, я вызвалась показать ему дорогу, и старшая моя дочь побежала за нами. Ей было около пяти лет, но Гончар находил, что она мала, чтоб идти за нами пешком, и нёс её на руках туда и обратно.

Кельсиева много расспрашивала его о своём муже. Гончар хвалил его, но говорил, что он не нашёл себе еще дела и принимается то за ту, то за другую работу. "Возьмите меня с Марусей, – сказала Варвара Тимофеевна умоляющим голосом, – ведь это было бы для нас такое необыкновенное счастье; где мне одной доехать до него".

Гончар, добродушный и жалостливый, тотчас согласился взять их с собой.

Помню, что Герцен гладил Марусю по голове и говорил ей ласковые речи, а в голосе его слышны были слёзы. Ему жаль было этого бедного, слабого ре-

бёнка, которого судьба уносила далеко от нас, не знаю зачем. Обыкновенно Герцен помогал всем; он дал Варваре Тимофеевне нужные деньги на дорогу, и она уехала с Марусей под покровительством Гончара. Она трогательно прощалась с нами и так просто, сердечно благодарила за всё» (14).

Результат этой поездки был таков: Гончаров убедился в том, что Герцен и его сторонники – люди неверующие и высокоумные, и от них надо держаться подальше. Биограф его сообщает об этом кратко: «Потом отправился Гончаров второй раз в Марсель и кто-то дал знать в Лондон – Герцену, Огарёву и Долгорукову, ибо он (Долгоруков) в Лондон переехал. И они бьют ему (Гончарову) депешу, чтобы он прибыл в Лондон, и он им отвечает: не поеду. И они вторую бьют – он паки отвечает: не поеду. Они и третью ударили – итак Гончаров принуждён был выехать в Лондон на квартиру к Герцену и Огарёву, где был принят как следовало, и был он у Долгорукова, и Долгоруков – у него.

И говорил Гончаров: “Размотрел я их ум высокий да и пустой, потому что Бога не исповедают, воскресения мертвым не веруют быти – вот мой ум с ними несходен, и я от них выехал”» (1, сс. 188–189). После того охладилась и взаимные отношения Гончарова и Кельсиева.

Кельсиев В.И. С грав. XIX в.

*Епископ Аркадий,
экзарх некрасовский.
С фото XIX в.*

37. Обиды и козни Кельсиева.

Епископ Аркадий и В. Кельсиев решили создать в Турции старообрядческую типографию, однако не могли достать церковнославянского шрифта, необходимого для этого дела. Неожданное развитие событий сорвало эти планы. Некто Палладий Иванович Лещинский, приезжавший из Петербурга, обратился к митр. Кирилу с предложением завести типографию в Белой Кринице, но местные власти не дали разрешения, переадресовав просителей в министерство, – на том дело и остановилось. Лещинский попробовал договориться о том же со староверами в Яссах, а они посоветовали открыть типографию в турецких владениях, в Славском скиту, куда и направился Лещинский как раз тогда, когда епископ Аркадий сам уже обдумывал план заведения типографии. Епископ Аркадий с радостью принял предложение Лещинского о сотрудничестве. Лещинского послали в Петербург за принадлежавшим ему церковнославянским шрифтом, который в большом количестве у него там хранился. Епископ Аркадий дал ему на проезд 26 червонцев, Гончаров выправил для него паспорт, и Лещинский отправился в путь. Однако в России за Лещинским была организована слежка, потом он был арестован русским правительством – и не доставил шрифта.

О Кельсиеве сам епископ Аркадий писал: «Кельсиев, проживая в Тульче, тоже предлагал о типографии, но желания его остались безплодны. Кельсиев старался завести школу и учить мальчиков некрасовских; и в сем деле удачи не было. Тульчинские малороссияне покусились отдавать своих мальчиков, и те попятились, и даже болгары. Потом был в училище протестантском. И все эти должности плода ему не принесли. Наконец открылось ему золотое дно: Туль-

чинский Решид-паша – человек образованный, знающий хорошо французский язык, и Кельсиев сему делу мастер. Паша принял себе Кельсиева в драгоманы (толмачи) и паша всем приказал, чтобы прошения не писали ему по-турецки, по непонятному и трудному слогу, а писали бы по-французски, указуя на Кельсиева: Василь вам будет писать. Кельсиево дело пошло в гору, и он уже именовал себя начальником над русским народом и от высшей власти были ему некоторые порученности. Но к его несчастью Решид-паша переведён был в другое место. Кельсиев остался без должности <...>» **(5, с. 169).**

«Кельсиев был очень раздосадован тем, что Аркадий прекратил с ним дело о заведении типографии в Славском скиту, передав его в другие руки; в то же время дошли до него вести, что у Аркадия происходили сношения с русским правительством, шли переговоры о переходе в Россию; Кельсиев приобрёл даже копию с какого-то документа, в роде адреса от имени <епископа> Аркадия и Гончарова, с выражением верноподданнических чувств к русскому императору. Адрес этот он перевёл на французский язык и напечатал в константинопольской газете. Это обратило на него внимание турецкого правительства. В Константинополе придали делу большую важность и решили строго наказать виновных: вместе с Аркадием и Гончаровым предположено было послать в заточение ещё двенадцать человек из некрасовских старшин. Об этом Аркадия заблаговременно известили из Царьграда, и он немедленно уехал в Измаил <за границу Турции – *Ред.*>, откуда обращался с просьбой о защите к русскому консулу; он просил даже о дозволении немедленно переселиться в Россию. Но в это время, по собственному выражению Аркадия, «турецкое министерство приняло иной дух», и потому Аркадий отложил своё возвращение в Россию. Всё дело успел поправить сильно хлопотавший в Константинополе Гончаров<...> Гончаров успел объяснить правительству, что ни он, ни <епископ> Аркадий никакого адреса русскому царю никогда не подавали, что напечатанный во французской газете не больше как злостная интрига, направленная против них, с целью оклеветать их пред высоким турецким правительством <...> и что все сношения их с русским правительством состояли в подаче нескольких прошений об освобождении взятых во время последней войны двух некрасовских архиереев и задержанного в России Белокрыницкого архимандрита Геронтия, в удостоверение чего представил и копию с подлинных прошений, оставленных русским правительством без внимания<...> Приняв всё это во внимание и рассудив, кроме того, что взятием епископа у некрасовцев можно возбудить опасные волнения в этом безпокойном народе, турецкое правительство решило оставить дело об адресе без всяких последствий, «предать забвению». И таким образом епископ Аркадий, вместо того чтоб ехать в Россию, возвратился в свою богоспасаемую Славскую обитель<...> История об адресе изменила только его отношение к Кельсиеву: этот последний больше не ездил уже в Славский скит, а жил преимущественно Тульче» **(5, сс. 165 – 166).**

«Потом Кельсиев завёл материю, – сообщает об этих событиях “Жизнь Гончарова”, – сделал очерк, подал в Турецкое правительство, что Гончаров и епископ Аркадий хотят в Россию весь народ вывести. Турецкое правительство и сделало замечание, чтобы их двоих, т.е. Гончарова и епископа Аркадия сослать в дальнюю Азию на заточение. Но Гончаров поспел в Цареград и сделал выправку против начальства и окончил кляузы своего врага Кельсиева. А потом Гончаров и сделал чрез Али-пашу министра иностранных дел, что Кельсиева выгнали из Тульчи» **(1, с. 189).**

Польский националист, прежний «благодетель» Гончарова, Чайковский (Садык-паша) был взбешён тем, что епископ Аркадий и Гончаров подали верноподданнический адрес русскому царю. Оба старовера попали теперь в не-

милость польских «пашей». Следствием этого явилось удаление Гончарова с атаманства над некрасовцами, и новым «казак-баши» турецкое правительство с подачи Чайковского назначило... Кельсиева!

Будучи в чине «казак-баши», Кельсиев затеял новую авантюру, пытаясь теперь опереться не на «белокриницких» староверов, в которых разочаровался, а на их непримиримых противников. Будучи атеистом и вольнодумцем, он вдруг вознамерился облагодетельствовать старообрядцев, не приемлющих белокриницкого священства, и стать для них тем, кем был инок Павел Белокриницкий для староверов «белокриницких». Кельсиев попытался присоединить к обществу добруджинских беглопоповцев епископа Кирилла – новообрядческого архиерея, отставленного от должности руководителя русской духовной миссии в Иерусалиме. В октябре 1863 года

Кельсиев написал к епископу Кириллу письмо, в котором изложил свой план: «К числу старообрядцев, не признающих нового белокриницкого священства за его греческое происхождение, принадлежат некрасовцы, живущие в Малой Азии на берегу Мраморного моря, в селе Майнос. Они, как и два-три миллиона их единоверцев в России, до сих пор не теряют надежды найти епископа. <...> Если бы такой епископ нашёлся и доказал своё великорусское происхождение и ставление, старообрядцы приняли бы его, и он, ставя им дьяконов, священников и епископов, *мог бы царить над ними*. <...> Я беру смелость сделать Вам предложение стать во главе старообрядцев. <...> Лучше быть вольным архиереем вольных людей, чем задыхаться в Иерусалиме или жить где-нибудь “в Соловках или у Спаса-Евфимия”⁵⁶.» Это письмо осталось без всякого ответа и без последствий (**5, с. 167–173**).

Недолго пришлось Василию Кельсиеву торжествовать свою «победу» над Гончаровым. По ходатайству некрасовцев Осип Гончаров выхлопотал у султана отмену казачьего положения для них, и пост «казак-баши» упразднился, так что незадачливый авантюрист Кельсиев вскоре опять оказался безработным и голодным... В конце концов, потеряв в холерной эпидемии в Добрудже брата, жену и дочь и не имея никакого утешения своего горя в религии (и он, и его умершие близкие были полными атеистами), Кельсиев разочаровался в революционной и «народнической» деятельности и сдался добровольно российским властям, был помилован императором за раскаяние и окончил жизнь малоизвестным литератором и этнографом, издав ряд книжек и статей по этнографии и оставив не изданными при его жизни не вполне правдивые мемуары под названием «Исповедь», писанные специально для русского правительства, чтобы исхода-тайствовать помилование от него (**9, сс. 169–310**)...

М. Чайковский – Садык-паша.
С грав. XIX в.

39. Примирение сарыкёйских раздорников

Как уже было написано выше, подавляющее большинство жителей села Сарыкёй, подстрекаемые «дьяком»-уставщиком Михаилом Кудрявцевым и

⁵⁶ То есть в одной из двух тогдашних монастырских тюрем для осужденных старообрядцев и сектантов, а также провинившихся новообрядческих священнослужителей, с тяжелейшими условиями заключения.

«чернобольскими старцами», первоначально не признало законности и действительности Белокриницкой иерархии. Кудрявцев написал знаменитое «Сарыкёйское письмо», под которым подписались многие жители села. В этом послании, отправленном в Москву, на Рогожское кладбище, они клятвенно уверяли, будто греки в г. Еносе (откуда родом митрополит Амбросий) в крещении не погружают, а обливают, поэтому священство от митрополита Амбросия принимать нельзя.

Шло время. Многие из прежних раздорников в результате неоднократных исследований обычая крещения у греков убедились в своей прежней неправоте. Сторонник старообрядческого «белокриницкого» священства Осип Гончаров, продолжая жить в Сарыкёе, находил себе всё большую поддержку у односельчан. Из 300 дворов первоначально с Церковью соединились только 60 – но это были знатные, «первые люди» Сарыкёя. Сарыкёйская паства епископа Аркадия стала расти и умножаться. Она окрепла до того, что в 1856–57 годах смогла отсудить у раздорников половину здания церкви, где проводилось общественное моление, а потом раздорники сами ушли вовсе из храма, не желая молиться под одной крышей с «белокриницкими», причём не забыли прихватить из церкви все книги и иконы, оставив голые стены. С трудом удалось восстановить церковное убранство, и церковная жизнь продолжилась.

Об обращении сарыкёйцев стало известно и в Москве. Архиепископ Антоний в письме митрополиту Кирилу от 15 апреля 1857 года изложил просьбу к «некрасовскому экзарху» епископу Аркадию: пусть принявшие священство бывшие раздорники из Сарыкёя и других мест опровергнут «Сарыкёйское письмо», письменно заявят о своём присоединении к Церкви и отошлют письмо в Москву, ибо старое «Сарыкёйское письмо» (от которого отказались его авторы) до сих пор в России переписывается и распространяется противниками священства, как некое важное доказательство их правоты (**8, с. 192**).

Такие послания от раскаявшихся раздорников и в самом деле были написаны и отправлены в Москву. Одно из них – от бывших Славских противников священства – дошло до адресата, написанное на полотне и тайно привезённое в Россию:

«Г.И.Х.С.Б.П.Н. Владыко преосвященнейший, архиепископ Антоний! Внемли силу стиха нашего и не зазри нашему недоумению. *Преславная днесь видеши вси языцы во граде Давыдове, егда Дух сниде Святыи*. Что же по сих? *И вси начаши глаголати странными глаголы, странными учении, странными повелении Святыя Троицы*⁵⁷. Сие, владыко святыи, сбылось и при нас. Мы родились в тёмном царстве, то есть в Турции. Услыхали мы искание епископа, а потом и лично видали г. митрополита Амбросия, – и заглаголали, яко же выше сказано, странными учении, и друг друга вопрошаем: что сие хочет быти? И ов⁵⁸ пророком его именоваше, а ин⁵⁹ глаголаше: лъстец. А того ещё мы не знали, как в прошедшем столетии наши предки искали епископов. Мы полагали всю святость в беглых попах, и все недостатки их терпели, или покрывали, – если и ересь какую замечали, всё мимо пропускали. Наша собратия, живущии за Царем-градом некрасовцы, даже обливанцев иереев имели. Все требы исполняли. А как, Богу попустившу им и врагу действующу, и до сего часу ещё не приемлют священства; хотя многие согласны, но ещё не все. А их фанатизм таков: смертная казнь тому, кто согласится без общего согласия. И мы не избежали такого ж искушения: сами соблазнились и иных соблазнили. Два инока – Иов и Исаакий, называемые чернобольцы, характеру величаваго и упрямаго, одер-

⁵⁷ Стихера на праздник Святыя Троицы.

⁵⁸ Один (ц.-слав.).

⁵⁹ А другой (ц.-слав.).

жими любоначалием, – стали во одном упрямстве, не приклонились ко единой мысли, ко общему благу. Настоятель большого скита и с ним иноков человек 40 согласились принять митрополита; а чернобыльцы и с ними человека 4 упёрлись и дыхнули смертным ядом, развратили народ, и разнеслось таковое поветрие по лицу всея земли, дошло и до ваших здравых членов, и слышим, что у вас разгорается, у нас же упадает. Сарыкёйские и мы свидетельствовали: начальнейшие – от злости, мы же – от простоты; хотя нам греки весьма близки, но мы не вникали в их обряды; когда уже такой сотворился раздор, мы стали присматриваться к их обрядам (как есть поговорка: я прежде скажу, а после подумаю), и нашли греков тверже России, младенцев крестят в три погружения, и приходящих от Малороссии и от Запада без уважения крестят в три погружения; и видим греческих патриархов, что они называют Римскаго папу еретиком, а слышим, что Россия к папе иначе относится. Прилично России именование свое соединить с исповеданиями западными, нежели с восточными: потому что греки ругаются обливательному крещению – как папу, так и прочих обливанцев называют схизматиками. Но нам ныне сие известно стало, и к Церкви Христовой соединились, и ясно зрим ныне славу Божию, и просим от Христа Бога прощения и от вас, владыко святыи! Простите нам грешным за прежние наши продерзания; но отселе мы с вами в самом ближайшем единомыслии и желаем быть во веки в том нерушимы. <...> В достоверение сего и подписуемся славские жители <далее следуют подписи 20 человек – ред.>. 1857 года ноября 16 дня» (7, сс. 75–76).

Другое подобное письмо, писанное жителями самого Сарыкёя, возвратившимися из раздора, было перехвачено (по-видимому, тайной полицией) и не дошло в Московскую архиепископию. Узнав об этом, автор «Сарыкёйского письма», давно в нём раскаявшийся и примирившийся с Церковью, написал повторное письмо уже от своего имени (поскольку находился в тот момент не в Сарыкёе, а в Белой Кринице, и не мог собрать подписей односельчан). Вот текст этого покаянного письма от родоначальника раздора М.И.Кудрявцева в Московскую архиепископию:

«Из Белой-Криницы в Москву уставщика Михаила Иванова <Кудрявцева>. 1858 г. Сентября 10.

Г.И.Х.С.Б.П.Н.

Ниже бо возможно есть доброму чему бывати, не совозрасти и злomu. Да не убо смущаемся, аще неции соблазняются: но и о сих благодарим Бога, зане⁶⁰ искуснейших нас творит (Златоуст, на Деян. Нравоуч. 33-е. л. 308).

Всемиловитейшие о Христе благодотворители, и истинные древлеправославнаго благочестия ревнители, и святоотеческих преданий всеопаснии блюстители, и истиннии сынове Святыя, Соборныя и Апостольския Церкви, елико вас в Богоспасаемой Российской державе жительствующие о Христе Иисусе, радоватися вам, и духовне умудрятся веусердно желаем.

О Христе отцы и братия!

Моею многогрешною рукою писано было к вам письмо из-за Дуная, от лица общества некрасовцев, в Турецкой державе жительствующих, в лето 7355 в августе месяце, на имя Ивана Александровича по рекомендации Симеона Евсигнеевича Следкина, в коем письме мы уверяли вас, что в г. Юнус, где рожден г. митрополит Амбросий, и даже во всей Греции, нет истиннаго трех-погружательнаго крещения, но точию погружают до плеч, а потом, из той же купели, трижды обливают правою рукою, а иные совершенно обливают, без погружения. Ныне же мы услышав, что сие письмо у вас в России многих простодушных христиан

⁶⁰ Потому что (ц.-слав.).

привело в сомнение в принятии Христопреданного священства, происшедшаго рукоположением от митрополита Амбросия, и чрез сие делается у вас не малый раздор, коего, по Златоусту, «ниже мученическая кровь может загладити». И паки той же пишет: «Еже вересь впасти, и еже Церковь раздрати – не меньший есть грех». Сего ради мы, убоявшись страшнаго Божия Суда и вечныя муки за произведший от нас сей великий грех церковнаго раздора, написали против того нашего свидетельства, другое извинительное письмо, за подписом многих рук, но которое попало в руки врагов, а к вам не дошло.

Ныне Божиим изволением случилось мне быть у вас в России, в царствующем граде Москве, где я от многих православных христиан слышал, что писанное моею многогрешною рукою письмо много простодушным христианам вреда наделало; того ради аз со многим смирением преклоняю многогрешную главу мою пред всеми православными христианами, и касаяся стопам ног ваших, и глаголю: отцы святии и братие, и вси православнии христиане, простите, Христа ради, меня грешнаго! Я писал сие по неведению. Как я, так и прочии вси подписались к тому письму, не видевши греческаго крещения, а поверив свидетельству единовѣрных наших христиан, неподалеку от г. Юнус, за Мраморным морем, жительствующих и называемых «Майноссцами». И так, поверив этим лжесвидетелям, мы впали в великий и тяжкий грех, да и вас немало соблазнили, и Церковь Божию зело оскорбили. Но когда после того случилось нам в божественном писании видѣть, яко бы во обличение нам написанныя, сия словеса: «Не разсмотревше бо праведно, и не испытавше известно, никого же судити подобает. Ибо Господу Богу, вся прежде бытия ведущему и не содеянная призрающему, изволися Самому с Небес снити к согрешившим и прогневавшим Его градовом: *воплъ Содомскій и и Гоморскій умножися ко мне, и греси их велицы зело, сошед убо да вижду, и аще тако есть, да разумею*. Сие же сотвори Всевидец наш, подавая образ не абие веровати словесем клеветническим, по первое самим разсмотрети, аще тако есть, якоже слышим» (Четь-Минея Июня 9-го). И так мы, по прочтении сего писания, внявше силу этих слов, зело устрашились. Когда Сам Господь Бог, Творец Неба и земли, по многом свидетельстве о содомском беззаконии, не изволил их осудить до тех пор, пока Сам сошел и увидал беззакония их Своими очами; то кольми паче⁶¹ нам, многогрешным, не подобало бы Церковь Божию раздирать, не увидавши в Греции обливательное крещение своими глазами. А потому мы и принуждены были своею совестию изследовать: точно ли греки в крещении обливают? И когда мы были в Греции, то видели у них крещение истинно трех-погружательное, а не обливательное, яко же глаголали нам вышеописанныя майносския лжесвидетели, именно:

1). Наши серьковския жители: Евтей Евстафьев, Меркул Исаев, Вавила Петров и Алексей Гаврилов, бывши по торговой части в г. Агиолы, немного ближе Царя-града, за Варною, и видели своими глазами греческое крещение в три погружения и которыя, по прибытии, и нас уверили пред иконою. И мы им без сомнения верим, ибо они у нас первые старики. Сие было в 7359 г. от Сотворения мира <1850 г. – Ред>.

2). Во время прошлой войны <Русско-Турецкой, 1854 г. – Ред> из наших селений некоторые жители, именно: инок Макарий, настоятель Славскаго скита, Осип Семенов Гончаров, журиловскій священник Даниил и пр., до 30 человек иноков и бельцов, даже и епископ наш Аркадій, убоясь россиян, отправились в Царь-град, а потом проживали в г. Юнос⁶², где рожден митрополит, и по при-

⁶¹ Насколько более (ц.-слав.).

⁶² Энос

мирении, возвратившись восвояси, вси свидетельствуют, что греки в г. Юнос и везде, где случилось им видеть, крестят в три погружения.

3). Наш инок Симон с братиею до 10 человек, проживающие во Египте, в столичном г. Каир, которые проживают тамо около 40 лет, прислали нам письмо, за подписом своих рук и с приложением печати, в котором уверяют нас, что у них в Египте и по окружности в городах и селах, и вверх по р. Нил, и в отдалённости от Каира – греки везде совершают крещение в три погружения.

4). Ваш московский житель, бывший в прикащиках у Николая Осипова, – Иван Львов – был в Царь-граде и своими глазами видел, что греки совершают крещение в три погружения, который, возвратясь из Царь-града, пришел к нам и постригся в иноческий чин купно с своею женою.

5). Петербургский купец Волков, быв в наших местах и разузнавши греческое крещение, не возвратился назад, ко двору, а пожелал постригнуться в иноческий чин, при котором пострижении был московский купец Александр Осипов. Если он жив, то можете лично испытать его о сем.

6). И аз многогрешный в 7361 году <1852 г. – *Ред.*> был в Царь-граде и даже, по случаю, был у тех христиан, которые о греческом крещении лжесвидетельствовали нам. Они проживают за Мраморным морем, в с. Майнос. И проживал у них я 2 недели – Пасху и Фомину неделю. Имеют они 5 часовен, в которых я был, но обычай их мне не понравился, и богослужение их какое-то странное: полунощниц не читают, такожде и павечерницу; на вечерни не слышно, когда читают Псалтырь, ибо крылошане поют только одни стихи; «воззвахи» не допевают до конца, а поют до того стиха, с которого начинаются стихеры, а прочие стихи остаются втуне. Каноны тоже не читаются, а поют одне ирмосы по клиросам. И живут они очень худо, или, справедливее сказать, в большом заблуждении. Попов принимают, приходящих для поклонения во Иеросалим, и хотя он малороссийской обливанец, а скажет им, что «я Калужской», или иной внутренней губернии, – и они о том не испытуют. Тогда он, прочитав себе «третий чин»⁶³, без всякаго приемателя, и потом священная действует. А когда у них попа нет, то сами отпевают погребение умершим. И на первой неделе Вел. Поста поминают усопших родителей во своих часовнях каждый день и на утрени, и на часах, и на нефимоне; кутью поминальную сливают во един сосуд, и так она стоит в часовне всю седмицу. О крещении у греков я спрашивал у них и не мог добиться никакого толка: такая все невежда и безтолковщина – кого ни спросишь, указывают один на другого, а спросишь другого, на которого указывает первый, и тот тоже ничего не знает. И потом я, возвратившись назад, в другой раз был в Царь-граде, а оттуда, ехавши домой, и еще со мною два товарища: Григорий Иванов и Кузма Трофимов – были мы в г. Месемврия и тамо Божиим изволением сподобились своими глазами видеть греческое крещение. А как, увидя оное, весьма обрадовались и благодарили Бога и Царя Небеснаго, что он не оставил нас быть в заблуждении церковнаго раздора, его же, как выше речеся, ниже кровь мученическая может загладити.

И так мы, по прибытии восвояси, немедленно оставили свое заблуждение и паки, с раскаянием, присовокупились к древлеправославному священству и Церкви. И с нами тут же присоединилось до 50 человек во один раз. И с этих пор милостию Божиею в Древлеправославной Церкви находимся без всякаго сомнения, того же и вам от всея души желаем. И Всевышним Богом вас уверяем: ей! ей! истинно есть свидетельство сие! Аще ли все вышеписанные доказательства и мою клятву о трех-погружательном крещении греков презрите, в том да судит вас Бог.

⁶³ То есть совершив сам над собою чин принятия от ереси, без помазания святым миром (а всех священников, как и митрополита Амбросия, староверы принимали именно через чиноприём, совершавшийся над ними от старыми старообрядческими священниками, с миропомазанием).

Еще в дополнение к сему честь имею вас известить: кругом нашего селения в 10 и 20 верстах есть: 1-е селение Зибиль, 2-е Саближ, 3-е Калек, 4-е Сарыгол, 5-е г. Тульча, 6-е г. Баба – и во оных церкви и священники греческия, и у всех крещение совершается в три погружения. Свидетеля поставляю Бога.

Еще же буди вам и нам не безызвестно: есть греки особые, так называемые – греко-униаты, кои совершенно в крещении обливают, а не погружают. И у них в Царь-граде два патриарха: один – греческий, а другой – греко-униатский. Но митрополит Амбросий (как уже известно всем) рукоположен от Грековосточных церкви епископов, а не от греко-униатских.

О прочих же предметах, писанных в прежнем письме нашем, отвечать нужды не имею: понеже те предметы маловажные и ничего не значущия, а сами собою показывающие грубость нашего ума и незнания Божественного писания.

На подлинном подписано тако: задунайский житель, бывший серыкойский уставщик Михаил Иванов.

Еще уведомляю вас посем, из числа подписавшихся лиц к вышеупомянутому письму ложному, из раздорников обратилось к Древлеправославной Церкви сии: инок Евтей Евстратьев, Иоанн Василисков, Автоном Леонтьев, Афанасий Семенов, Константин Димитриев, уставщик селения Славы Артемий Данилов, Ефим Федосьев, Мина Федоров, Василий и Илия Алексеевы, Лазарь Фомин и Иоанн Николаев» (21).

Так завершилась безславная история «Сарыкёйского письма»: его автор и ряд подписавшихся под ним возвратились к общению Церкви, покаявшись в прежних клеветах и раздоре. К сожалению, начатый ими раздор не уврачевался и по сей день. Родоначальники покаялись и исправились, а их последователи (давно уже забывшие обстоятельства начала раздора) не последовали их доброму примеру... Дай Бог, чтобы со временем единокровные братья – старообрядцы «белокриницкие» и «беглопоповские» – снова стали единой христианской семьёй!

40. Выход добруджских старообрядцев из «казацкого состояния»

Староверы Добруджи всё более тяготились своим казацким положением в Турции. Не лежала их душа к военной службе у турок, а особенно – к участию в войнах с Россией. Прошедшая Русско-Турецкая война ещё более подогрела эти настроения. По просьбам старообрядцев бывший атаман Осип Гончаров сослужил обществу ещё одну службу: подал прошение правительству о переводе некрасовцев из казацкого состояния в разряд обычного населения Турции, освободив от военных обязательств перед Османской империей. Вот что сообщает старообрядческий биограф Гончарова в конце своего повествования:

«Наконец пропишу из самой записки Гончарова. Вот что он пишет: “А мы промыслом Божиим живём на месте, а враждебники наши все погибли: все говорили, что я казачину сделал⁶⁴, а того не понимают, что предки наши установили, но я окончил ныне в правительстве, – и не будем служить, а будем деньгами платить⁶⁵. Я кратко проясню, сколько я в прошлый розмир нужды и моё семейство приняли – только Богу известно – страху, напасти и скорби: нельзя всего и описать, а всё от своих страдаю по зависти. Но только я прошу Бога, чтобы не вменилось им во грех: что они по неведению согрешают, – по неведению и

⁶⁴ То есть вывел некрасовцев и липован из казацкого звания.

⁶⁵ <...>17 октября 1864 года вследствие прошений, поданных депутатами от казаков Тульчанскаго Саджака, последовал султанский фирман об отмене казацкого положения в Добрудже; некрасовцы освобождены были от казацкой бесплатной службы и, наравне с прочими подданными султана, обязались ежегодно вносить в казну денежную рекрутскую повинность. (Прим. Е.П.Бахталовскаго – Ред.)

прощение приемлют в сем веке и в будущем. Но только я надеюсь на Вышняго Творца, что за мир жизнь свою изнурил.”

Написано в 1865 году октября месяца.

Алексей Вас. Никитин.»

На этом завершается старинная биографическая повесть о Гончарове, и теперь для восстановления последних страниц его жизни нам придется пользоваться весьма скудными сведениями из иных источников.

41. «Обращение взоров к России».

«Всё чаще и чаще приходили вести, что старообрядцам в России стало жить хорошо, их не преследуют, не стесняют. В то же время в Турецкой империи началось какое-то глухое движение между подвластными ей народами <...>, да и само правительство уже не оказывало им <старообрядцам> прежних льгот и любезностей. <...> Некрасовские «думные люди» <...> помышляли об ожидающей их будущности, причём как будто с некоторою родственною привязанностью стали обращать взоры на Россию», – пишет профессор Субботин **(5, сс. 85–86)**.

Выше уже писалось, что епископ Аркадий и Гончаров подали императору Александру II адрес, выражающий их верноподданнические чувства, с просьбой о даровании старообрядцам религиозной свободы в России. Подобные адреса подавали и московские, и стародубские староверы-поповцы. Царь принял их благосклонно. Хотя старообрядческие архиереи продолжали томиться в Суздальской крепости, но для оставшихся на свободе староверов были сделаны послабления.

Уже в начале 1861 года русское правительство рассматривало дело «по прошению атамана Гончарова о дозволении казакам, живущим в Добрудже, перейти в Россию» **(15, сс. 579, 582)**.

7 апреля 1861 г. епископ Аркадий писал Белокриницкому митрополиту Кирилу: «Более года идут от нас в Россию, по большей части малороссияне; а старообрядцам полной свободы выхода не было; но они докучали русскому концулу, также молокане и скопцы. Измаильский концул на сих днях молоканам объявил, что получил повеление принимать молоканов и старообрядцев, кроме скопцов, и уверяет, что русской царь даёт всем религиям полную свободу и позволяет епископам и священникам всем выходить в Россию в своём звании. И концул послал повестку нашим сельским старшинам, чтобы к нему явились и подали бы желание, а концул пошлёт бумагу губернатору, а губернатор – царю. И наши сельские старшины собираются в Измаил

Успенский мужской монастырь. Общий вид. Фото 1894 г.

Портрет Осипа Гончарова. Гравюра XIX в.

Император Александр II. Фото XIX в.

к концу дать 1-й вопрос, чтобы заточённых из крепости освободить, и если увидят справедливость, то подадут желание в Россию» (7, с. 121).

Окончательно вопрос о переселении некрасовцев в Россию смог быть решён только в XX столетии, когда многие из них вернулись на родину предков. Однако сам Осип Семёнович Гончаров сделал это намного раньше.

42. Переселение Гончарова в Россию.

Русское правительство неоднократно делало бывшему некрасовскому атаману предложения вернуться в Россию, однако Осип Семёнович долго не решался на это, отвечая отказом. «При царе в Россию не возвращаться!» – таков был один из «заветов Игната Некрасова», знакомый с детства каждому некрасовскому казаку. Гончарову, конечно, этот завет уже не представлялся таким важным, ибо преследования староверов на русской земле ослабли, но и терять свой облик в глазах казаков ему было нежелательно.

Наконец, около 1879 года по «Высочайшему разрешению» престарелый глава задунайских некрасовцев переселился на родину предков. Но не просто в новообрядческую царскую Россию, а именно в Черемшанский мужской монастырь близ г. Хвалынска, который, наверное, виделся ему как некая «суверенная» староверческую террито-

рия, – где настоятелем был его старый знакомый (еще по Славскому скиту) отец Серапион – подвижник и исповедник Древлеправославия (1, с. 191).

43. Аудиенция у императора.

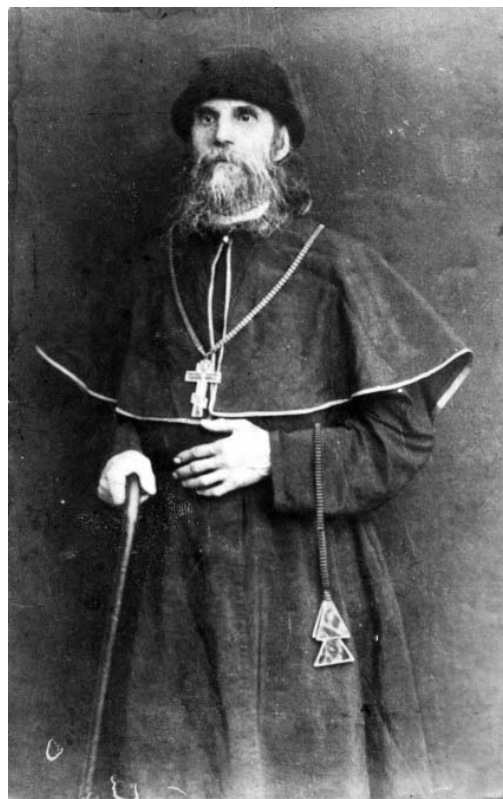
«Возвратившись в Россию, он <Гончаров> поселился около обители Серапиона, с которым находился в неразрывной дружбе, – сообщает Л. Т. Мизякин в очерке «Черемшан». – Однажды он ездил в Петербург с ходатайством о разрешении построить на Черемшане «законный» храм, и за военные заслуги был принят и обласкан императором Александром II-м. Разрешение на постройку храма было получено, но осуществить заветную мечту ему не было суждено, так как вскоре после этого Гончаров умер» (16).

44. Монашеский постриг и кончина Гончарова.

В 1879 году бывший глава казаков-некрасовцев раб Божий Иосиф Гончаров принял в монастыре отца Серапиона иноческий постриг с наречением нового имени. Он стал отныне смиренным иноком Иоасафом. В скором времени он оставил бренный земной мир и преставился ко Творцу своему. Ныне нам не известна точная дата его кончины, называют 1879 или (под вопросом) 1880 годы. Братия монастыря проводила его в последний путь, и был он погребен под высоким белым крестом «на полугоре у леса» при въезде в Свято-Успенский мужской монастырь на Черемшане. Местные жители называли это место «могилой генерала Гончарова».

45. Эпилог.

Здание церкви, разрешение на постройку которого Осип Семёнович перед смертью исходатайствовал у императора Александра II, было построено. Это был двухэтажный каменный собор: на верхнем этаже располагалась Успенская церковь, а внизу – Покровская. Её освятили в октябре 1881 года 5 архиереев, в числе которых были только что выпущенные из многолетнего тюремного заключения старообрядческие архиереи – святые исповедники веры: архиепископ Славский Аркадий (об освобождении которого столько лет хлопотал Осип Гончаров!), епископ Новозыбковский Конон и Генадий, епископ Пермский.

Святой преподобноисповедник Серапион, настоятель мужского Черемшанского монастыря. Фото XIX в.

Старообрядческий инок. С акварели XIX в.

Святые суздальские страдальцы, освящавшие в 1881 году церковь на Черемшане: святители-исповедники Аркадий Славский, Конон Новозыбковский и Генадий Пермский. С фотографий начала 1880-х гг.

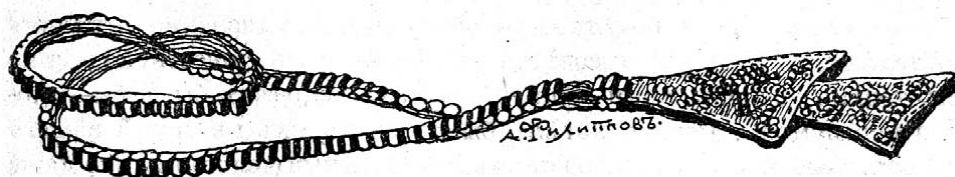

Звонница и Успенско-Покровский собор в мужском старообрядческом монастыре. Фото 1909-1917 гг.

Время не пощадило могилы Гончарова. Нет ныне «большого белого креста» над нею, не известно даже точное место последнего пристанища святого старца Иоасафа: на монастырском кладбище ныне – заброшенная санаторская танцевальная площадка. Но здание храма, возведённого его стараниями, осталось. Превращённое некогда в корпус санатория «Черемшаны-1», а ныне вновь переданное возрождающемуся монастырю, оно стоит как безмолвный свидетель былой славы Черемшанских монастырей, как памятник бывшим христианским подвижникам Черемшана, и среди них – замечательному русскому человеку и христианину атаману Осипу Семёновичу Гончарову, который, по собственному его выраже-

нию, «за мир жизнь свою изнурил», в служении ближним своим и Божией Церквю.

Вечная тебе память, праведниче Божий! Моли Бога о нас грешных!

Литературные источники

1. Никитин А. В. <старообрядец из г. Тульчи>. Жизнь Гончарова: Жизнеописание Осипа Семеныча Гончарова (рукопись, составленная в октябре 1865 г.) // Бахталовский Е.П. Осип Семенович Ганчар. Атаман некрасовцев. 1796 – 1879 гг. // Русская старина. 1883. №4. – Сс. 175–192.
2. Субботин Н.И. Учреждение архиерейской кафедры у турецких раскольников (Из истории Белокриницкой иерархии.) // Русский вестник. Т.81. 1869. №№ 5 – 6. – Сс. 169 – 215, 704 – 759.
3. Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии. Т.1. – М.: 1874.
4. Малиновцев Ф.А. Новое исследование о Белокриницком митрополите Амвросии. 1910. – Сс. 16-20.
5. Субботин Н.И. Раскол как орудие враждебных России партий. – М, 1867.
6. Субботин Н.И. Переписка раскольнических деятелей. Выпуск 1. – М., 1887.
7. Субботин Н.И. Переписка раскольнических деятелей. Выпуск 2. – М., 1889.
8. Субботин Н.И. Переписка раскольнических деятелей. Выпуск 3. – М., 1899.
9. Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. В 22 т. Т. 11 – 12. – М., 1991. – Сс. 169 – 310.
10. Пригарин А. А., Сень Д.В. Панславизм Михаила Чайковского и история казачества в Османской империи. // Сайт «Казачество 15–21 вв.»: www.cossakdom.com.
11. В.И. Кельсиев – Герцену и Огарёву (письма) / Публ. П. Г. Рындзюнского // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 159–218.
12. И.И. Кельсиев – Герцену и Огарёву (письма) / Публ. П. Г. Рындзюнского // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 219–258.
12. Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огарёвым / Публ. П. Г. Рындзюнского // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 70-78.
13. Герцен А.И. Былое и думы.
14. Н.А. Тучкова-Огарёва. Воспоминания.
15. Собрание постановлений по части раскола. – СПб, 1875.
16. Мизякин Л.Т. Черемшан. – Саратов, 1909.
17. [Кудрявцев А.] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. – СПб, 1875. Т. 1. Сс. 605–620.
18. Ламбин П.П. Булавинский бунт. 1708 г. [Материалы.] // Русская старина. – СПб, 1870. – Изд. 3-е. Т.2. – СПб, 1875. – Сс. 474–484.
19. [Чайковский М.С.] Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. – Киев, 1892. № 10.
20. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул, 2006.
21. [Кудрявцев М.И.] Из Белой-Криницы в Москву: покаянное письмо уставщика Михаила Иванова <Кудрявцева>. 1858 г. Сентября 10 // Попов К.А. Архив раскольнического архиерея Амвросия. – Ставрополь, 1893. – Сс. 13–21.
22. Герцен А.И. Былое и думы.
23. Michał Czajkowski. Kozacyzna w Turcyi. – Paris, 1857.

OSIP SEMENOWICZ GANCZARÓW

Атаман Осип Гончаров, сотники Иван Донской и Конейка. С литографии XIX в.